

Оксана Обухова
В шкафу
скелет и крылья

18+

Оксана Обухова

В шкафу скелет и крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42037357

SelfPub; 2019

Аннотация

Почти уверена, что каждый автор детективов мечтает сочинить историю в стиле «убийство в запертой комнате»: преступник словно растворился в воздухе, загадки множатся, интрига набирает обороты и создается впечатление, будто убийца гораздо умнее сыщиков... Детектив «В шкафу скелет и крылья», продолживший серию о сыщице Евдокии – моя версия «закрытой комнаты». И даже в двух вариантах. Надеюсь, будет интересно. Последовательность историй о Евдокии Землероевой: 1. Стоять, бояться! 2. В шкафу скелет и крылья 3. Плачу любые деньги 4. Невеста по найму

Человек в стрессе подобен коту, накрытому помойным ведром – темно, гадко, страшно, выхода не видно; потолок и стены давят, голова отказывается соображать. Стресс – бессмысленный тупик.

Это состояние настигло Юлию Владимировну Котову перед кассой запруженного народом супермаркета. За спиной возбужденно переговаривалась компания подвыпивших мужиков – парни лихо умножали количество пакетированных закусонов на литр, на нос, на время посиделок. Юлия Владимировна, миловидная шатенка тридцати трех лет, бестолково разглядывала содержимое кошелька и никак не могла постичь разницу в достоинствах бумажек фиолетового и розового колера. Юля напрочь позабыла значение купюр и способ их сложения – деньги превратились в непонятные, разномастные бумажки, озвученная кассиршей сумма казалась тарабарщиной и требовала отдельного осмысления.

У Юлии Владимировны наступил полнейший паралич сознания.

– Ну? Расплачиваться будем?.. или еще столбом постоим?

Судя по цвету лица и комплекции кассирша супермаркета хорошо питалась. Судя по обилию косметики и злости в глазах, ума и такта ей это не добавляло.

Юля пошевелила пальцами пачку недоступных пониманию бумажек. Сознание намекало, что в кошельке гораздо больше денег, чем требуемая кассиром сумма в пять тысяч триста, глаза отказывались расшифровывать значение банк-

НОТ.

Мыслительный катарсис.

Беспросветный мрак сознания проткнул болезненной иглой жизнерадостный возглас:

– Юлька?.. Махотина?.. Ты?!

Юлия Владимировна Котова едва вспомнила, что в девичестве была Юлькой Махотиной. Оторвала от кошелька тупой тяжелый взгляд и перебросила его на грудь высокого мужчины в распахнутой дубленке.

Сосредоточилась. От незнакомца исходил запах хорошего одеколона, свежевыпитой водочки и крепкий сигаретный дух. Из-под дубленки выглядывал слегка измятый ворот фланелевой рубашки в клеточку. Юлия поняла глаза выше и попыталась уяснить, откуда ей знакома улыбающаяся рожа мужика в дубленке и щетине.

– Ну! Юлька! Не узнала?! – оптимистически лыбился мужик и приказывал глазами опознать его немедленно.

Если сбрить щетину и сбросить по пятнашке килограммов и лет... Незнакомец становился похожим на одноклассника Олега Паршина. Когда-то Паршин даже пробовал ухаживать. Дарил жвачки, конфеты, фломастеры, однажды принес в школу перламутровую рыбку в майонезной баночке... В честь наивреднейшей школьной технички рыбку прозвали Розой Филимоновной.

И вспомнить это оказалось легче, чем разобраться со значением российских денег.

– Ну, Юлька! Ну! Ты что? – тормозил Паршин. – На покупки не хватает?! Сейчас добавлю.

Онемевшая в девичестве Махотина бестолково наблюдала, как одноклассник достает из внутреннего кармана дубленки потертое пухлое портмоне, подмигивает кассирше – та окатывает Юлию ледяным пренебрежением и подкидывает щедрому покупателю не менее щедрую улыбку. Юля резко нажала на руку Олега и, воткнув в размалеванную тетку привычный начальственный взгляд, шлепнула перед ней распахнутый бумажник.

– Возьмите сколько надо. Я без линз плохо вижу.

Врала. Но признаваться, что внезапно отупела и не может совершить элементарный подсчет, показалось глупым. Невнятное бляение о стрессе и проблемах с головой повлечет расспросы, розовощекая напомаженная кассирша уши на весь зал растопырит...

Показательно отвернувшись от копошащейся в бумажнике магазинной работницы, Юлия обратила лицо к опознанному однокласснику и изыскала силы улыбнулся:

– Олег. Привет. Как поживаешь?

Судя по разгорячено гомонящим за спиной приятелям, Паршин жил неплохо и уж точно весело. Мужики выбрасывали из тележки на подвижную ленту гору закусок и штабеля спиртного, глубокомысленно и опытно прикидывали – сколько водки не бери, все равно два раза бегать, так хотя бы сигаретами под завязку затаримся. Задирая головы к вы-

ставке сигаретных пачек над кассой, друзья Олега принялись разглядывать предложенный ассортимент.

Гулять готовились мужчины. Славно, долго, с толком, с расстановкой.

– Нормально я, Юлька, живу. Видишь – проставляюсь.

– По поводу? – Пытаясь изобразить внимание, Котова-Махотина вяло приподняла бровь. Чужие слова не задевали и не отвлекали, случайная встреча бывших одноклассников не брала за душу – разойдемся и забудем.

Паршин почесал в затылке и уклончиво вильнул:

– Да так... Есть повод, в благодарность.

В том, что частный детектив Паршин проставлялся бывшим коллегам ментам за подкинутого толстосумчатого клиента, особой доблести он не видел. Мужики свалили на детектива расстроенного дяденьку, обеспокоенного странностями в поведении половозрелой доченьки, элементарно сбывли с рук, едва тот вытащил из обезьянника набедокурившую малолетку.

Олег на дяденьке и доченьке прилично заработал: целый месяц за девицей по клубам и дансингам таскался, пока не выяснил, что странности пустили корни из неразделенной страсти и наркотиками совершенно не подпитывались. Довольный дяденька на радостях отвалил от всех щедрот, не проставиться приятелям Олег посчитал позором и недалевидной скаредностью. Заявился на бывшую работу с пакетами и коробками – весь стол капитана Зыкина благодар-

ностями завалил; в результате чего мужики выпили всем составом и по старой русской традиции уяснили – маловато будет. Только раззадорились. Посоветовались скоренько и решили продолжать у Зыкина, поскольку у того жена, теща и отпрыски укатили на выходные в Ярославль к родне.

– Нефиг в ресторанах деньгами сорить, – убирая помытые стаканы в сейф, подвел черту под кабинетным застольем капитан. – Айда ко мне, теща кислых щей бадью наварила, котлет для трехдневного прокорма нажарила...

Паршин настоял, чтобы по дороге заглянули в супермаркет. Рачительный Зыкин намекал на скромный магазинчик возле своего дома, но по-купчески разошедшийся детектив привез компанию в дорогущий супермаркет и набросал полную тележку салатов, нарезок, банок-склянок с огурцами-помидорами. «Щей и котлет ты, Вадим Палыч, назавтра отведаешь, а сегодня я банкую».

Прятели, не слишком упираясь, предложили «спаять» расходы, Олег любые предложения отмел: коль заработал, поделись с бюджетником. Сейчас, прислушавшись о чем переговариваются парни под сигаретной выставкой, бросил через плечо:

– Берите блок, ребята, не скромничайте. – И обратился к кассирше: – Блок «Мальборо», девушка, нам посчитайте.

Кассирша состроила накрашенные глазки, сотворила губки бантиком и нырнула под прилавок. Достала и пробила сигареты. Мужики шумно загружали питье с закусками по па-

кетам.

Мадам Котова тем временем продолжала пребывать в ту-пейшем ступоре. Ее тележка перегораживала выход; словно не понимая, что делать с покупками, Юлия замерла над тележкой, держа на весу расправленный пакет. Глядела на коробку с шампанским и как будто боялась взять ее в руки.

– Помочь? – любезно поинтересовался Паршин. Не дожидаясь ответа, засунул в пакет какие-то деликатесные буржуйские мелочи с изображением ракушек на баночках, пристроил коробку с шампанским, осторожно положил упаковку пирожных.

Юлия не останавливала и не благодарила. Таращилась вниз заторможенно и не реагировала на толчки в спину, когда ребята протискивались мимо нее на выход.

Потом внезапно схватила Олега за рукав, просительно заглянула в глаза и забормотала:

– Пошли ко мне, а, Олег? Пошли?! Нет, правда, мы столько лет не виделись, посидим, поболтает, наших вспомним. Ты Ирку Матвееву давно не видел?! А Мишку, а Сашку Тарасова?!..

Неожиданность полнейшая. Невдалеке от парочки одноклассников переминались щедро затоваренные парни. (Не сказать, чтобы трубы у бюджетников горели – градус еще держался, но нетерпение уже проскальзывало.) Парни не слишком любезно разглядывали вцепившуюся в паршинский рукав расфуфыренную дамочку в золотистой норке и

пока изображали некоторое понимание и обязательную солидарность: не каждый день такие фифы на ментов (пусть даже бывших) вешаются. Лысоватый Зыкин красноречиво задрал рукав на утяжеленной пакетом руке, поглядел на командирские часы – мол, время, Олежа, время, водка стынет, – но гласных комментариев еще не делал.

– Юль... я как бы... это... – промямлил Паршин и покосился на компанию.

– Олег! – громко воскликнула Юлька. – Я тебя прошу! Пойдем. Посмотришь, как я живу, поболтаем, я тебе фотографии с предпоследней встречи выпускников покажу. Ты же там не был!..

Насколько помнил Паршин, отличница Махотина никогда не обладала бешеным напором. Скорее наоборот, ненавязчивыми вразумлениями свое брала – умница-тихушница, стальная мышь в чулочках синенького цвета.

Хотя... если припомнить... с шестого по девятый класс Паршин был в нее влюблен. До той поры, пока не увлекся вычислениями размеров бюстгальтеров у одноклассниц с откровенно пышными формами. Юленька всегда худышкой была.

А нынче... Нынче фигурка округлилась. Ножки, глазки, губки... Прическа новая ей очень идет, прям бизнес-вумен с обложки глянцевого таблоида...

Тьфу! Нашел о чем раздумывать – о бабах и таблоидах! У ментов водка выстыла! Нетерпение в глазах, как у зимних

волков!

Олег решительно покачал головой, собрался отшутиться-отбояться, но одноклассница, так и не забрав пакет с покупками у Паршина, повернулась к дверям супермаркета и бодро зацокала каблуками-шпильками на выход.

Парни огорченно присвистнули ей вслед. Олег на секунду опешил и, показательно пожав плечами, бросился вдогонку. Пробегая мимо разозленного Зыкина, спросил:

– Палыч, у тебя шестнадцатая квартира?

– Угу, – понятиливо кивнул капитан.

– Наведаюсь на пару минут в гости к однокласснице – приеду, ждите, шибко не напивайтесь.

Известный бабник Серега Грушин хмыкнул так громко, что испугал бабульку с пуделем (причем отметим: пса – значительно сильнее). Топая за Махотиной к автомобильной стоянке, Олег изумленно размышлял. Однако поворотец... Предполагал напиться в честь уик-энда, а похоже... похмелья не случится, у Юленьки настрой не шуточный, вон как ловко увела. Бежит вперед и не оглядывается, знает – сзади Паршин топает. С пакетом и соответствующим настроением на флирт с продолжением.

Только остановившись возле ярко-красного БМВ, Юлия обернулась к Олегу, зябко поправила сползающий с головы яркий изумрудный платок с золотистыми прожилками и несмело улыбнулась:

– Я не очень поломала твои планы?

– Не очень, – усмехнулся Паршин. Забросил пакет на заднее сиденье и, чувствуя себя немного не в своей тарелке, расположился рядом с водительницей. Печенкой чувствовал: неожиданное продолжение вечера несет сюрпризы.

В дороге Юлия призналась, что давно отвыкла реагировать на фамилию Махотина. Десять лет уже в Котовых ходит. В ответ на логичный вопрос о муже сказала коротко:

– Разводимся, – и, намекая, что последующие расспросы не приветствуются, показала на верхушку дома, похожего на кукурузный початок: – Я живу вон там, в пентхаузе.

– Нехило, – чуть слышно буркнул детектив.

– Этот дом построен нашей компанией, – заруливая к подземной парковке, отрапортовала Юлия уже Котова. – Мы с мужем занимаемся строительством жилья, у нас приличный бизнес... Но думаю, ты об этом слышал.

Слышал, мысленно согласился Олег. Кто-то из одноклассников рассказывал, что Махотина удачно вышла замуж за крутого мужика, сама в бизнесе участвует, экономический факультет МГУ закончила. И вроде был разговор – детей у Юльки нет, но счастья и денег навалом. Мужик, говорили, хороший попался. Толковый и непьющий.

В шикарном скоростном лифте Паршин отчего-то сразу ощутил себя носильщиком – впору денежку за доставку провианта у барыни поклонить. Яркие потолочные светильни-

ки отыскиали и высветили каждое пятно на многострадальной сыщицкой дубленке, ворот рубахи смотрелся так, словно его собака три дня жевала, модная небритость превратилась в дворницкую запущенность.

Метаморфозы в интерьере, уныло вздохнул детектив. Многочисленные господские зеркала презрительно насмехались над пахарем сыска.

Отраженная в тех же зеркалах Юлия тем временам приобрела недоступное для пахарей очарование. Мягко подшучивая над одной из одноклассниц, она рассказывала о встрече выпускников пятилетней давности, совсем не замечала, как стушевался Паршин, привычно сверяясь с отражением, укладывала выбившийся из-под платка локон. Недавняя растерянность почти исчезла из карих глаз, на щечках проступили хорошо знакомые по школьной поре игривые ямочки...

Очаровашка. Променять вечер в обществе такой обворожительной женщины на пьянку с мужиками может только полный идиот либо импотент.

Едва подлые зеркала остались за спиной, Паршин молодцевато крикнул, расправил плечи и загарцевал на коврике у двери. Пока Юлия копошилась в сумочке, разыскивая ключи, с интересом присмотрелся к необычной планировке подъезда.

От двери Юлии открывался вид на плавные изгибы внутренней лестницы. Лестничные площадки «верхушки» напо-

минала полу ю пирамиду с обширной зоной отдыха в основании. Внизу, на тридцать первом этаже, тихонько плескался небольшой фонтанчик, окруженный плетеными креслицами и затейливой оранжерейкой. Паршину представил, как, наверное, приятно посидеть там под пальмами и фикусами, послушать плеск воды...

Юлия заметила интерес одноклассника и кивком подбородка указала вниз.

– На трех верхних этажах живут только наши родственники. Первое время мы у фонтана даже новогодние столы накрывали. Знаешь ли, весело получалось, просторно, необычно... И место для огромной елки есть...

– Нормально, – согласился Паршин. – Занятно.

– Мы решили не проводить шахту лифта прямиком в прихожую, – говорила Юлия, вставляя ключ в замочную скважину. – Пентхауз у нас не совсем пентхауз, а так – этаж последний... Но жить, как видишь, можно. Проходи, Олег.

В прихожей почему-то горел свет. Юлия громко крикнула: «Я дома!» – и, не дожидаясь отклика, обратилась к гостю:

– Олег, если не трудно, надень тапочки. Я прислугу позавчера уволила, полы самой придется мыть.

Паршин покорно поменял ботинки на кожаные шлепанцы – попутно успел порадоваться, что носки сегодня дивно одинакового цвета, не драные и по большому счету свежие, – и под руководством хозяйки поволок пакет на кухню.

– Сейчас, Олежка, я буду тебя кормить. Или, – задумалась

на секунду, – если хочешь, сначала устрою обзорную экскурсию по дому. – Усмехнулась: – Хочешь посмотреть, как живут новорусские богатеи?

Паршин вспомнил о неловкости, испытанной в буржуйском лифте, прикинул сколько еще зеркал может оказаться в этом новомодном доме, и беспечно отмахнулся:

– А ну ее, новорусскость эту. Давай пожрать сварганим.

Услышав фразу из далекой юности, Юлия замерла на мгновение, смешно наморщила нос и кивнула:

– Давай сварганим. Только прежде махнем по маленькой за встречу. Согласен?

Паршин, естественно, согласился и попросил немного водки, поскольку смешивать напитки не любил – раз вечер начался с беленькой, ею надо и продолжить. Юлия распахнула дверцу монументального холодильника, сосредоточенно поглядела на выставку спиртного в дверном кармашке...

Где-то в глубине квартиры затренькал телефон.

– Черт, – нахмурилась хозяйка, увидев пустую телефонную базу на подоконнике, – Котов опять куда-то телефон с кухни утащил. погоди, Олежка, я сейчас трубку разыщу! – И умчалась от холодильника на далекую призывную трель. – Ты сам себе налей! Я шампанское буду...

Пока Паршин разбирался с бутылками, Юлия, судя по топотку, босиком носилась по квартире, хлопала дверями, бестолковость мужа поминала все...

Олег выудил из холодильника початую бутылку «Абсолю-

та», нашел стаканы, наклонил горлышко над вместительной посудиною...

Дьявольский грохот и последующий вопль хозяйки не позволили довершить процесс.

Почти швырнув бутыль на стол, облив стол и ноги, Олег стремглав помчался на звук. По дороге представил себе рухнувший на Юльку посудный шкаф, упавшую стремянку, свалившийся карниз, парочку лихих грабителей возле взломанного сейфа...

Юлия оказалась в комнате, явно служившей кабинетом. Зажимая ладонями рот, Махотина, пардон, Котова, застыла на пороге, не решаясь сделать шаг к лежащему между письменным столом и камином телу мужчины с разбитой головой.

– Коля?.. – сорвался с губ приглушенный пальцами вопрос. – Коля...

Отстранив хозяйку, сыщик метнулся к мужчине. Стараясь не менять его положения, нащупал на шее сонную артерию, сосредоточился, прислушался...

Хозяин дома, бизнесмен Николай Котов был бесповоротно мертв. Приличная лужа крови натекла из разможенной головы, сквозь слипшиеся волосы проступил костный осколок черепа.

– Не заходи! – не оборачиваясь, резко приказал бывший капитан Паршин. – Где телефон?

– Там, – чуть слышно отозвалась Юлия. – Там... рядом с

тобой на столе...

Олег встал прямо и оглядел пяточок, бывший местом преступления.

По правую руку каминный зев под длинной мраморной полкой с позолоченными часами и безделушками. Левее тяжелая резная мебель, кожаная диванная пара, на грандиозном письменном столе – заткнувшаяся телефонная трубка. Голова Котов почти утыкалась в легкий тюль, прикрывший застекленную дверь на лоджию, кисть выброшенной вперед правой руки совершенно скрылась под раздвинутыми складчатыми портьерами.

Неподалеку от стола валялась окровавленная каминная кочерга. На самом столе – порядок.

Закончив обзор этой части комнаты, Паршин обернулся к двери.

Груда осколков засыпала пол у входа. Изящная угловая подставка придавила обломок узкого горлышка большой напольной вазы, прозрачные голубоватые вкрапления подсказывали, что помимо вазы тут разбилось нечто еще из тонкого домашнего стекла; пузатый серебряный кувшин откатился от черепков в противоположный от входа угол. Все выглядело так, словно возле двери произошло нешуточное побоище.

Осторожно обойдя многочисленные осколки, Олег дошел до застывшей у порога Юлии, спросил, показывая кивком подбородка на остатки посудной роскоши:

– Это ты разбила?

– Нет, – суматошно затрясла головой несложившаяся разведенка, новоиспеченная вдова. – Я ничего не роняла. Я только дверь открыла... нет, даже не успела! Только на ручку нажала и... грохот. Олечка, сразу грохот! Я дверь толкнула – кругом одни черепки, Коля...

– Юля-а-а, что у вас случилось?!

Если упертый материалист Паршин и был бы способен когда-нибудь уверовать в потусторонние миры, то наилучшего момента для новообращения придумать было невозможно: гулкий, идущий из-под земли глас взывал к немедленному общению.

Картина не для слабонервных: под ногами труп, везде разгром и готовая к обмороку женщина... непонятно откуда несется замогильный вопль. Гремит кошмарно, трубно, призрачно. Вздыхливает на теле Паршина малейшие волоски, отгоняет кровь от щек и практически выдавливает из глазниц очумелые глазные яблоки.

(Поклонникам творчества Иеронимуса Босха подобный поворот сюжета шибко лег бы на душу. Всем прочим на сон грядущий эту мизансцену лучше не представлять.)

– Что это... – придушенно просипел отпетый материалист.

– Свекровь, – кратко пояснила храбрая гражданка Котова и почему-то не упала в обморок.

– Живая?

Юля, по всей видимости, сочла вопрос риторическим и

неуместным. Осторожно переставляя ноги, она отправилась к мужу и, если бы Паршин не удержал ее, схватив за запястье, наверняка бы рухнула рядом.

А трубный глас тем временем не прекращал требовать к себе внимания:

– Юля-а-а?!?! – завывало, по всей видимости, не из-под земли – тридцать третий этаж все-таки! – но явно из каминна. – Коля-а-а?! У вас все в поря-а-адке?!

– Юль.. – несмело вякнул сыщик. – Это откуда?

– С нижнего этажа, – почти не разжимая губ, не отводя глаз от мертвого мужа, сообщила вдова. – Свекровь. У них камин под нами.

У Паршина отлегло от сердца; ситуация немного разъяснилась, позволив мыслям вернуться в прежнее русло. Конкретно – к совершенному убийству.

Замогильный глас свекрови наконец утихомирился и перестал взывать. Олег присел у груды черепков, присмотрелся к паркету...

Мелкие, как пыль, осколки фарфоровой вазы и чего-то голубого стеклянного четко указывали на место соприкосновения посуды с полом. Светлые, похожие на медуз или пауков, обозначенные мельчайшими частицами пятна наблюдались в непосредственной близости от двери. То есть посуда билась конкретно здесь. А труп лежит у выхода на лоджию...

Драка началась у двери, а потом переместилась к окнам?

Да черт, какая на фиг драка?! Юля утверждает, что только

до дверной ручки дотронулась и сразу тарарам начался. А грохот Олег и сам слышал...

Загадка. В пустой комнате, где из недавно живого – только труп, наколотилась куча всякой дребедени.

Казус.

Покончив с разглядыванием черепков, Олег вернулся к телу, присел на корточки, приглядываясь к луже крови, и, не долго думая, прилег щекою на паркет.

– Недавно грохнули, – констатировал серьезно с пола. – Какие-то минуты. Кровь совершенно свежая, не думает сворачиваться.

Юлия внезапно почувствовала рвотный позыв – Паршин напоминал легавую, обнюхивающую окровавленный труп загнанного зверя.

Но сыщик нервное состояние женщины не замечал. Профессионально «обнюхивал» тело, пристально изучал детали. Уже почти поднявшись, Олег заметил выглянувший из-под откинутой полы пиджака ярко-зеленый кусочек ткани. Паршин вернулся в исходное положение – щекою в пол, – аккуратно приподнял край пиджака...

И вновь вернулся к метафизике. Мистическое дежавю нахлынуло.

Под телом, пропитанный кровью, лежал шелковый платок – тот самый, в золотистых тоненьких прожилках, что двадцать минут назад Юля поправляла на голове.

Паршин сам видел, как совсем недавно она оставила этот

платок поверх сброшенной в прихожей шубки.

Откуда он вдруг под телом оказался? Платок под труп призрак из камина засунул? Пролетел из камина до прихожей, схватил с вешалки, напакостил, обратно шмыгнул... Или тут вообще и повсеместно полтергейст пошаливает?!

Еще одна загадка. Почище грохота посуды и замогильных голосов.

Олег сел. Подтянул к груди согнутые в коленях ноги и снизу вверх взглянул на одноклассницу:

– Юль, у тебя есть еще один зеленый платок?

– Какой платок? – вполне естественно не поняла вдова.

Паршин на пальцах объяснил, какой в точности платок его интересует. Так и не проникшаяся ситуаций, потрясенная Юлия помотала головой и пожала плечами:

– Да нет, конечно. Авторская роспись, батик, единственный в своем роде экземпляр.

– Сходи, – печально велел Паршин, – проверь, висит ли в прихожей твой единственный в своем роде экземпляр?

Как заводная кукла, с трудом вращая суставами, Юлия повернулась и пошла к вешалке у входной двери.

Только минуты через три до Паршина донесся пораженный вопль:

– Его тут нет! – Еще через пару секунд мадам Котова нарисовалась на пороге и, полная удивления, повторила ответ: – Его нигде нет. Олег... куда он подевался и почему ты спрашиваешь?

– Платок лежит под тру... под телом твоего мужа, Юлька. Сыщик тяжело поднялся на ноги и взял со стола телефонную трубку.

– Олег! – выкрикнула Юлия. – Я ничего не понимаю. Откуда мой платок...

– Я сам ничего не понимаю, – перебивая, признался Паршин. – Пойдем отсюда. Надо вызывать бригаду. Твоя свежая кровь, кстати, не заявится?

Юлия молча смотрела на тело мужа. Ответила не сразу.

– Нет, – тихо выдавила. – Наверное. Время сериалов.

– А чего тогда орала-разорялась?

– Привычка, – все так же кратко, сжато, выделяя каждое слово, проговорила Юля. – Традиция.

– Смешно, – невесело усмехнулся детектив. – В век сотовых телефонов через камин общаться. Иди, Юлька, чаю сделай, я наших вызову.

Полуобморочная вдова никак не отреагировала на оговорку Паршина по поводу «наших», развернулась в сторону кухни и, покачиваясь, побрела по длинному коридору мимо зеркальных шкафов, мимо вешалки у двери, мимо каких-то сантехнических дверей...

– Юль, я очень попрошу тебя сосредоточиться и рассказать мне о муже все, что успеешь. Пока не приехала оперативно-следственная бригада, у нас есть минут двадцать. Так что давай начинай. Приходи в себя и рассказывай.

– О чем?

За десять минут одноклассница состарилась на десять лет и стала напоминать небрежно загримированный труп. Хорошо подобранная под естественный тон кожи пудра обозначилась на позеленевших щеках неровными бежевыми мазками, прозрачные тени светились на веках фосфоресцирующими нашлепками, словно подводки на морде собаки Баскервилей. Последние силы Юлька истратила на заваривание чая и теперь сидела на стуле перед Паршиным, казалось не понимая, что происходит, что она здесь делает, не видя сыщика в упор.

Олег присел на корточки возле одноклассницы, сжал ее ледяные пальцы теплыми ладонями и, заглянув в незрячие глаза, не слишком подбирая выражения и не щадя, обрисовал ситуацию:

– Ты крупно влипла, Юля. Попробуй сосредоточиться и представить ситуацию. Если бы сейчас ты приехала одна и нашла в квартире тело мужа... предварительно разбив гору посуды над головой свекрови... тебя бы увезли отсюда в наручниках. Понимаешь? Ты одна наедине с трупом и нет свидетелей. Тебе, детка, очень крупно повезло, что я выступлю в твою защиту. Смогу... мгм... постараюсь доказать твою непричастность к убийству мужа. Помогите мне, Юленька. Поговори о муже.

У одноклассницы перекосилась левая щека, задергался, запульсировал уголок века, она так взглянула на Паршина,

что тот почувствовал себя толстокожим солдафоном, испортившим воздух в присутствии императрицы. «Как вы можете?! в такой момент?!» – читалось во взгляде.

– Надо, Юленька, надо. Я должен постараться нам помочь.

– Интересно – чем? – Похоже, овдовевшая императрица сомневалась в отставных вояках.

Кривить душой бывший капитан Паршин любил не очень. Положение, в которое их кто-то загнал, можно смело называть аховым – ситуация весьма пикантная: в квартире почти разведенная дамочка, вероятный любовник из бывших одноклассников и тело мужа. Компания анекдотичная. Из квартиры доносился грохот и звон бьющейся посуды. «Любовник» грудью встанет на защиту «дамы сердца» и предъявит алиби.

Положение настолько типичное для бытовых разборок, что говорить Юлии о «крупном везении» сыщик явно поторопился. Положа руку на сердце, в бытность свою опером, Паршин сам ни за что не поверил бы рассказу двух перепуганных голубков. Мотив, возможность, орудие убийства – переселят любые рассказы.

А если уж совсем лично руку к сердцу прижимать, только благодаря тому, что, выбирая бутылку водки в холодильнике, Олег постоянно прислушивался к топотку ног хозяйки и сам был почти уверен в ее невинности. Почти. Если бы Юлька как настеганная не носилась по квартире, разыскивая телефон, у нее могло бы появиться время, чтобы заскочить в

кабинет, огреть мужа кочергой, смахнуть на пол вазы и кувшин и тут же заорать.

Но она – носилась. Топала, дверями хлопала, мужа поругивала из разных областей квартиры. То есть в кабинет за кочергой и мужем она сразу не ринулась, то есть говорит как было: на ручку двери нажала – грохот, вошла в комнату – муж на полу лежит.

Времени, времени у Юльки на убийство не хватало! И это Паршин мог засвидетельствовать с полной ответственностью.

– Юля, три года назад я сам был старшим оперуполномоченным в отделе по расследованию убийств и кое-что в своем деле понимаю. Твоего мужа, Юля, убили буквально перед нашим приходом – кровь свежая, труп – теплый. Тебя – подставляют.

– Меня?.. – икнула Котова.

– Да. Твой платок лежит под трупом. Когда оперативники сравнят съемку с камер наблюдения, они увидят, что ты была в том самом платке, который сейчас лежит под телом. И в первую очередь тебе зададут вопрос: как платок там оказался, если мужа убила не ты?

– А как он там оказался?

– Не понимаю. И думать над этой загадкой пока не хочу – нет времени. Так что давай сосредоточься, расскажи, кто мог желать смерти твоему мужу, кто имеет доступ в квартиру, кто мог тебя подставить?

– Доступ в квартиру, доступ в квартиру... – лихорадочно забормотала Юлия. – Кто мог меня подставить?..

– Не мельтеши. Начни с того, о чем тебя спросят во вторую очередь, – почему ты разводишься с мужем? – поскольку это, Юленька, мотив. – Сыщик положил на кухонный стол сотовый телефон, работающий в режиме диктофона, и кивнул: – Начинай, Юля, рассказывай.

Если убрать из рассказа Юлии нервные всхлипы, короткие заминки и наводящие вопросы Паршина, то история измены мужа выглядит тоже достаточно анекдотично, в стиле «и тут приехала жена». Точнее говоря – «проехала». Мимо цветочного магазина, где припарковалась машина мужа.

Десять дней назад ехала Юлия Владимировна с делового обеда, остановившись на светофоре, увидела знакомую мужнину машину возле цветочного салона и решила, коли уж сюрприз с букетом слегка подпорчен, поглядеть, как обожаемый муж с цветами выглядит. Полюбоваться, так как супруг с букетом всегда вызывал у нее острейший приступ умиления: «Коленька так бережно цветы носит, как мальчик к первому сентября, как юноша на первое свидание...»

Полюбовалась. Юношей, едрить его за ногу.

Муж вышел из магазина, сел за руль. Юлия Владимировна, готовя улыбку, проехала мимо и ручкой даже помахала в окошко...

Хорошо, посигналить не успела. На переднем сиденье, пе-

регибаясь через уже врученные цветы, муж тискал бабу в шубе.

Рассказ об обнаруженной измене обманутая вдовушка закончила весьма нетривиально. Прижимая руки к вздымающейся груди и шмыгая носиком, Юля заявила:

– Котов очень порядочный мужик, Олег! Поверь мне – очень. И как бизнесмен, и как супруг...

– Кто б мог подумать... – донельзя удивленный неадекватностью обманутой жены, чуть слышно буркнул Паршин.

– Да, да, – уловив иронию, закивала вдова. – Когда я... когда мы начали встречаться, Коля уже был женат. Но до тех пор, пока не объяснился с женой, пределов не переходил. Он – ждал. Пока Татьяна все узнает от него, пока он поговорит с детьми... он сам сказал сыновьям, что полюбил другую женщину... Котов очень порядочный человек, он не опускается до пошлых адюльтеров... – Юля продолжала говорить о муже в настоящем времени, цепляясь за иллюзию, строчила словами с пулеметной скоростью: – Татьяна поняла. Мальчики... мальчики, ну, сам понимаешь – дети. Сейчас они все живут в этом же доме, на тридцать первом этаже...

– Они живут здесь? Прошу с этого момента подробнее, – перебивая, уцепился сыщик. – Сколько лет сыновьям, не вышла ли первая жена еще раз замуж, есть ли у них ключи от вашей квартиры? Что с наследством?

– Наследство?... Татьяна, дети? – подняла вверх брови одноклассница. – Ты имеешь в виду, что они могли...

– Спокойно, Юля. Давай без лирики и паники. Рассказывай о детях и бывшей жене.

– Без лирики не выйдет, – нахмурилась вдова.

Не забывая упираться на порядочность покойного мужа, Юлия поведала, как Котов, уверенный в том, что мальчишкам необходим отцовский пригляд, еще до строительства многоэтажного дома распределил три верхних этажа: тридцать первый для бывшей жены и сыновей, тридцать второй для мамы и папы, последний для себя и Юли. Помимо квартир для непосредственного проживания бизнесмен оставил за семьей две двухкомнатные квартиры «на вырост» – если парни отпочкуются от мамы.

Трехэтажную верхушку дома Котов превратил в «орлиное» семейное гнездо, где все любимые и близкие под боком. Предусмотрел на плане лифтовую шахту, доставляющую наверх только жильцов трех последних этажей, тем самым превратив гнездо практически в неприступную цитадель: вход только для своих.

– Кроме лифта, к вам можно как-то еще подняться? – уточнил сыщик.

– Конечно, – удивилась Юлия. – На в полном смысле пожарный случай предусмотрена лестница. Но попасть через нее к нашим квартирам можно, только открыв двери одним из электронных «семейных» ключей.

– А в случае настоящего пожара? Если эвакуация жильцов с других верхних этажей понадобится?

– Так дверь на общую лестницу и не запирается. Блокированы только проходы на наши площадки.

– Позже схожу гляну. Что ты можешь сказать о первой жене мужа?

– Порядочнейшее существо, милейшая женщина. Истинная мать.

Все твердо, все как и о покойном муже – только в превосходных степенях. Оставался вопрос: и как же от таких женщин мужья к новым женам-то уходят?

Похоже, этот вопрос довольно четко обозначился на сыщицком лице. Юлия закусила нижнюю губу, в глазах мелькнуло замешанное на слезах понимание.

– Когда десять дней назад я увидела, с кем целуется Котов в машине... Мне кажется, только тогда я в полной мере поняла, почему он когда-то ушел от Татьяны ко мне. Десять лет назад он вырос из Татьяны, как из старых брюк. Таня перестала отвечать его возросшим требованиям, теперь им не стала отвечать уже я.

– Жестко.

– Но правдиво.

Теребя пальцами уголок блузки и глядя в сторону мимо сыщика, Юля щедрими, по всей видимости давно обдуман-ными мазками нарисовала полотно: студенты, общага, первая влюбленность. Розовощекая хохотушка Танечка из Вологды – хлебосольная, легкая на подъем, компанейская и по большому счету непритязательная.

В первые годы после женитьбы Коля и Таня Котовы любили ходить в походы, где Таня варила уху и плов для всей компании – незаменимая умелая певунья и рыбачка. Ходили на плотах, спускались на байдарках, поднимались в горы: песни под гитару, комары, костры, ночевки на разостланных еловых лапах. Таня – опора и центр любой туристической компании. Даже появление детей не нарушало планы молодой семьи: маленького Валечку сажали в папин рюкзак за спиной, подросший Эдик топал сам...

– Эта их компания и сейчас не распалась. Татьяна перестала быть ее центром, но по-прежнему любима всеми друзьями...

Нечто в тоне Юлии заставило Паршина задать вопрос:

– Тяжело пришлось, тебя не сразу приняли?

Юлия кивнула и усмехнулась:

– А как ты думал? Тата – общая любовь, я... Я и костра-то толком не разожгу.

– Так как же тогда...

– А кончилась студенческая юность, Олежка. Пришел достаток – путевки, туры, «все включено»... Постепенно, Паршин, все налаживается. С друзьями тоже – если не можешь добиться любви, заставь себя уважать.

– Хочешь сказать, тебя не любят?

Юля пожала плечами.

– Скорее, мне отдают должное. Когда я пришла на фирму Котова, там еле-еле концы с концами сводили. Бухгалтерия

– запущена, главный экономист – шут гороховый, чуть всю компанию не развалили, подворовывал по мере сил. На том этапе Котову потребовался союзник от экономики. Им стала я.

Слушая Юлию, Паршин испытывал двойственные ощущения. Во-первых, видел, что Юле до сих пор неловко за то, что увела мужика у хорошей домовитой бабы, оторвала от двух мальчишек. Но во-вторых, вторая жена достаточно точно понимала: в тот момент она действительно была нужна Котову больше, чем простенькая Таня, нырнувшая в хозяйство. Юля помогла (порядочному) бизнесмену выжить в деловом мире, встала плечом к плечу.

Но хватит лирики.

Паршин взял чашку, отпил немного остывшего чая.

– Кто главный наследник Котова?

– Я получаю одну акцию. Все остальное получает Тата.

Олег едва не поперхнулся.

– Одина акция? Все остальное бывшей жене?!

– Мне кажется это справедливо, – повела плечом Юлия. – Бизнес принадлежит мне и Котову в равных долях, благодаря перевесу в одну акцию я получаю контрольный пакет.

– А-а-а... то что достается Татьяне, – это много?

– Много, – усмехнулась бизнес-вумен. – Гораздо больше, чем та может вообразить.

– Ну и ну, – покрутил головой сыскарь. – И что же, тебе не обидно – ты вкалывала, бизнес строила...

– Олег, – перебила Юлия, – я говорю – все справедливо. Татьяна домохозяйка, у нее дети, я смогу себя обеспечить сама.

– А бросать тебя и уходить к другой женщине – тоже справедливо? – не удержался от укола сыщик. Уж больно у Юли все гладенькими да благородненькими выглядят. Куда ни кинь – сплошь порядочные личности и великодушные родственники.

Когда в соседней комнате мужик с разбитой головой лежит, не надо делать реверансов и соблюдать политкорректность – прошу всю подноготную наружу.

Глаза Юлии, то и дело заволакиваемые слезами, мгновенно стали жесткими.

– Жанна Генриховна Закревская – новая вершина. Мой Котов, Паршин, из породы скалолазов. Ему не устоять на достигнутом, он в вечном движении. Жанна – высота. Я – пройденный этап. Стагнация. Застой.

Честно говоря, Паршину очень хотелось спросить: «Ты, Юля, дура блаженная или спектакль разыгрываешь?» Какие на хрен пики и высоты?! Кому ты тут втираешь?! Нормальные бабы личных скалолазов цепями, как Прометеев, держат! Всю плешь и печень расклюют, но на сторону не отпустят!

Так не пойдет. Если Юлька перед следователем начнет из себя благородную даму корчить, тот сам ей печень расклюет. Видали мы таких – «мы с мужем расстались без камня за

пазухой», а чей камень башку изменнику пробил – не мое дело.

– Юленька, – Паршин максимально приблизил лицо к бывшей однокласснице, считывая малейшие мимические изменения, движения зрачков, – если ты решила обкатать на мне приемчики «великодушной разведенки», то напрасный труд. Перед следователем этот финт обломится, только хуже сделаешь. Давай-ка все как есть. По чесноку.

– По чесноку?! – на мгновение опешив, взъерилась Юлька, двинулась вперед и почти уткнулась носом в лоб сыщика. – Что ты хочешь от меня услышать, Паршин? А?! Хочешь послушать, как я две ночи подушку грызла? как головой о стенку билась?! как снотворные таблетки в горсть набирала?! Так получи. – Юлия отстранилась, сложила руки перед грудью. – Я билась. Я ревела. Сдохнуть собиралась.

– Ага. А через два дня опомнилась. – Получив нормальную реакцию, Паршин заговорил совсем спокойно.

– Через два дня Котов признался, что полюбил другую женщину. Два дня спал в кабинете, потом признался: все, Юляшка, финита ля комедия.

– И ты типа успокоилась.

– Не успокоилась, – устало сторбилась вдова. – Они улетели в Майами. Котов решил не мозолить мне глаза, дать пообвыкнуть к мысли...

– Когда вернулись?

– Вчера. Сегодня днем он пришел в офис. Мы старались

не встречаться. Он позвонил мне на мобильный и предложил встретиться дома в семь часов вечера. Когда мы с тобой вошли, я увидела, что свет горит, квартира с сигнализации снята и решила, будто Коля уже дома. Или к родителям спустился.

– Почему ты не поехала домой к семи, как вы договаривались, а торчала в это время столбом в супермаркете?

Юлия шумно выдохнула, изгибая тонкую шею, задрала голову к потолку.

– Я не смогла. Не смогла заставить себя приехать и увидеть, как он собирает чемоданы. Мне было бы тяжело на это смотреть.

– И потому ты меня зацепила, – усмехнулся Паршин.

– Угу.

Довольно складно. Брошенная женщина тянула время, закупала все подряд – не глядя, не соображая (Паршин отлично видел ступор Юльки перед кассой). Потом встретила знакомого и решила нанести удар по самолюбию изменщика, приехав домой с мужиком. Собралась показать, мол, и мы не лыком шиты, мы тоже кое-что можем – надеялась на ревность.

– Закревская, Паршин, старше меня на одиннадцать лет. Она Таньку старше на год. – Все это Юля говорила, глядя в потолок, лампам в унижении признавалась. – Ботокс, замешенный на силиконе, вся кожа за уши притянута. А за ушами еще двое детей, три мужа...

Юлька наклонилась вперед, прямо поглядела на Олега – мол, каково, а? представляешь, на какую старуху он меня променяли?

– Так на что же твой Котов позарился-то?

– А у нее башка работает, как аналитический центр Генштаба. Я ему такого дать не смогу. Мы Жанку давно знаем. Котов всегда признавал, что она самая толковая баба из тех, кого он видел. Юридический концерн, риелтерские конторы, аудит... Мне до Жанки как до луны – не допрыгнуть. Не всем, Олежа, молодые сиськи-попки интересны, кое-кто еще на умных западает.

Юля горько усмехнулась, потерла лицо ладонями.

– Так, ладно, Юлька, проехали, – пожалел школьную подругу Олег. – Почему свекровь из трубы завывала?

С камином и свекровью дело обстояло так. Восемь лет назад, когда родственники еще только планировкой жилья занимались, свекор Егор Валерьевич увидел на плане сына комнату с камином и захотел такое же великолепие и для себя устроить.

Каминных дел мастера провели печные трубы, снаружи оформили-выложили все как полагается – любо дорого глядеть: камины в лучших антикварных традициях. Гранит и мрамор, изразцы.

Егор Валерьевич и Ольга Марковна первыми из Котовых отметили новоселье.

Семья сына (все руки никак до ремонта толком не дохо-

дили) въехала на «маковку» лишь спустя полгода. Въехали, прожили два месяца, и как-то муж устроил в кабинете громогласную выволочку прислуге. Поорал немного на домработницу чисто профилактически, через пять минут на «верхотуре» образовалась мама Оля.

– Николаша, мы слышали каждое слово из твоего выступления. В чем дело?

Оказалось, проводя каминные трубы, рабочие-головотяпы допустили некий промах: на нижний этаж спускались все громкие звуки из кабинета Николая. Наверх они поднимались, если только мама Оля голову в камин просунет. Но суть не в том.

Камины решили не перебирать. Во-первых – грязно. Во-вторых – кабинет младшего Котова самое тихое место в квартире и вопят там крайне редко. В-третьих – строительный казус признали аттракционом, местной достопримечательностью: почти полгода мама Оля развлекалась запихиванием головы в камин, громогласно взывая к сыну:

– Коля?! Ты уже поел?! У нас пирожки с капустой, приходи на ужин!

Внизу под кабинетом старшие Котовы сделали гостиную с камином, где мама каждый вечер увлекалась сериалами.

– Об этом каминном казусе многие знают? – спросил в итоге Паршин.

– Да все, – пожала плечами Юлия. – Любимая забава мамы Оли. Мы головы в камин не запихиваем, так что она при-

выкла, если ей не отвечают.

– Свекровь знает, что вы собирались разводиться?

– Нет. Родители считают, сын уехал отдохнуть.

– А Таня знает?

– Да. Я ей сказала. Не нашла другой жилетки.

– А сыновья?

– Я думаю, что тоже, – усмехнулась Юля. – Татьяна навряд ли удержит в себе такое известие. Свекровь и свекра пожалеет, отдаст честь известить о новом разводе Николаю. Но с сыновьями – поделится.

– Как, думаешь, они отреагировали на известие?

– Как? – собираясь с мыслями, переспросила Юлия. – Эдик... сложный мальчик... Хотя какой он мальчик, балбес двадцатичетырехлетний. Не работает, не учится, ловко манипулирует чувством вины отца и матери.

– А чем мать перед ним провинилась?

– Чем? – печально усмехнулась мачеха балбеса. – А тем, что распустехой стала – потолстела, в халаты нарядилась, не смогла папеньку удержать. Эдик из породы людей, обожающих искать виноватых. Причем сам он своей жизнью крайне доволен – трясет отца и мать как груши, чуть что, на комплексы пеняет. А комплексы эти, – Юля развела руками, – сплошные выдумки, манипуляции лентяя и хитреца.

– А Валентин?

– Валька молоток. Восемнадцать лет, учится в строительном, увлекся игрой в «Дозор». Знаешь такую забаву?.. Ма-

лолетки и дяденьки постарше на машинах по городу катаются, знаки, метки всякие разыскивают? Котов обещал машину подарить, если сын хорошо зимнюю сессию сдаст. Валик уже экипаж под себя подбирает...

В прихожей раздалась трель вызова домофона. Приехала бригада, а сыщик не успел спросить о главном – о терках в бизнесе покойного.

* * *

Общую реакцию оперативно-следственной бригады на присутствие в квартире Паршина можно выразить словами капитана Ханькина:

– Паршин – ты?! Откуда? Я, блин, думал ты четвертый литр у Зыкина дома допиваешь, а ты тут, бродяга!

Буквально час назад конопатый рыжеватый Ханькин забегал в кабинет Зыкина и с горечью, по причине дежурства, отказывался от стакана. Закусил «всухомятку» парой бутербродов и пожелал ребятам отдохнуть еще и «за того парня, за тех, кто в море».

Приезд по «адресу» Саша Ханькина Паршин посчитал хорошим знаком: отличный Александр мужик. Дельный, головастый, без чинодральских фанаберий. Добро людское помнит.

Со следователем тоже повезло: от СКП приехал Дима Павлов, которого Паршин не просто как облупленно знал, сам в люди выводил. Лет пять назад Дима сыщика Олегом Сергеевичем величал, хотя разница в годах не великая. Ува-

жал, чертяка, увидев, издали кланялся и улыбался.

По инерции он с пониманием отнесся к просьбе старшего приятеля не набирать понятых из близлежащих квартир, а пригласить кого-то из охраны или obsługi дома.

Три года назад и Ханькин, и Павлов грудью вставали на защиту Паршина, когда того заставили уволиться из органов за избиение на уличном задержании гада-насильника, оказавшегося сынком высокопоставленного чина.

Примерно в половине одиннадцатого основные следственные мероприятия были завершены, эксперты отбыли; три приятеля расселись по креслам-диванам Юлиной гостиной, и Саша Ханькин выразился так:

– Хреновые твои дела, Сергеич. Хорошо хоть... Прости, не в качестве недоверия, а для порядка я Зыкину звонил, и тот подтвердил, что ты встретил дамочку на их глазах, случайно. Все подтвердили, что ты предлагал ребятам в кабаке продолжить, но Зыкин настоял и вас к себе повез. Вдова тебя из магазина чуть ли ни силком в гости уволокла. И должен понимать, если б не наше старое знакомство, увез бы я вас с дамочкой отсюда... на ночевку не по адресу. Улик, Сергеич, выше крыши.

– Хватает, – весомо согласился Дима Павлов.

Олег не обижался. Не пыжился и не изображал. Смотрел на ребят исподлобья, ждал пока те сами «хреновую» ситуацию дополнят деталями.

– Экспертиза обозначила время смерти как девятнадцать двадцать с малым люфтом, – продолжил Ханькин. – Ты и вдова появились в доме аккурат в это самое время. На даме был платок, позже обнаруженный под трупом. На орудии убийства отпечатки пальцев только Котовой и убиенного. В комнате следы беспорядка.

Пока ничего нового сыщик не услышал. Опыта хватило и без пояснений суть схватить – куда ж от очевидного и отпечатков Юли на домашней вещи денешься? Но отпечатки говорят только о том, что Паршин за кочергу не брался (если только в перчатках) и позже отпечатки не уничтожил, раз сохранились «вензеля» хозяев.

Так что – «вензеля» не катят. В отличие от времени убийства и изумрудного платка.

– Что скажешь? – Ханькин смотрел на Олега с легким смущением.

– В квартире кто-то был, когда мы сюда зашли, – с уверенностью, которую не слишком ощущал, заявил Олег.

– Ты что-то видел, слышал? – слегка воодушевился опер.

– Нет. Но от кухни до входной двери длинный коридор с поворотом – ни черта не видно. Кто-то мог незаметно выйти после нашего прихода, иначе появление под трупом платка не объяснить.

– А грохот посуды? – скривился капитан.

– Слушай, Саша, не притворяйся плохо сделанным, а! – раскипятился Паршин. – Ты сам все видел – локализация

осколков конкретно возле двери, труп лежит в пяти метрах у окна и под ним ни одного осколка! На паркете четкие следы от соприкосновения посуды с полом – сверху вниз и ни разу наискосок! Ты сам сто раз видел: когда разборки с битьем посуды идут, она в разные стороны летит! Об пол, о стену, сикось-накось! Убийца мог настроить этажей из тонкой посуды, сделать упор на дверную ручку, и как только Юля повернула ручку – все рассыпалось, разбилось! Грохот был кошмарный, специально для свекрови на нижнем этаже подстроенный!

Паршин гневно выдохнул и отвернулся.

– Закончил? – хмыкнул Ханькин. – Агаты Кристи читался – посуда, этажи, упоры?

– А ты глаза разуй! – снова повернулся к другу сыщик. – В комнате дверь на балкон не заперта. Что стоило поставить посуду друг на друга, тихонько выйти через балкон и дойти до любой такой же двери – балкон всю квартиру опоясывает. Убийца по пути мог платок с вешалки схватить, вернуться и под труп засунуть. А уже после преспокойно выйти – сигнализация-то отключена. Юля дверь на засов не закрывала, думала, муж к матери спустился.

– Ловко чешешь, – покачал головой оперативник. – Придется огорчить. Попасть на три верхних этажа можно только на лифте...

– Или по пожарной лестнице! – перебил Олег.

– Согласен. Но продолжу огорчать. Любое проникновение

со стороны пожарной лестницы фиксируется пультом охраны в холле. Причем не просто фиксируется, а выдает информацию, кто из жильцов квартир трех верхних этажей воспользовался номерным ключом и выходил на общую лестницу. Охрана тут серьезная. Противопожарная дверь на тридцать третьем этаже открывалась электронным ключом покойного Котова в семь пятнадцать, дважды, с интервалом в полторы минуты. Его ключ лежит на полочке в прихожей, точно такой же ключ вдовы был с ней в магазине.

Паршин почесал в затылке. Пока по дому бродили эксперты, он, полный дум и размышлений, выходил на эту лестницу, обследовал ее и теперь прекрасно представлял, о чем толкует Ханькин. Доступ на крышу практически свободен на случай возможной эвакуации погорельцев при помощи вертолета, три двери перед площадками трех последних этажах – нешуточное препятствие: армирование, толстая сталь, хитроумная электроника на месте замков.

– В семь пятнадцать на последний этаж мог проникнуть убийца, – продолжил упорствовать Олег. – Не вам объяснять, как профессионалы замки вскрывают...

– А куда он потом делся? – перебил Дима. – Мы, Сергеевич, проглядели на скорую руку данные с камер наблюдения и расшифровку электронных сигналов с замков. Если убийца проник в дом при помощи поддельного ключа с «позывными» этой квартиры, то потом он что – в воздухе растаял, испарился? Судя по предварительным данным, кроме жиль-

цов никто отсюда не выходил. Лифтом пользовались только узнаваемые лица, дверь на лестницу больше не открывалась...

– А что Котову-то на лестнице понадобилось?! – воскликнул Паршин. – Чего он сам туда поперся?!

– Курил, наверное, – спокойно отозвался Ханькин. – Там пепельница, полная бычков. По словам вдовы, мать его и отца приучила не курить в квартире. Котов, вероятно, вышел перекурить и вернулся обратно. За полторы минуты, Сергеевич, до этой квартиры от лестницы только туда-обратно добежать можно. Посудных этажей с упором на дверную ручку не настроить, времени на это не хватит. Да и платок сюда как-то не вписывается...

– Саш, а почему ты всегда «вероятно» и «наверное» говоришь? Тут везде камеры слежения понатыканы, вы что – их данные не просматривали?

– Камеры лестницу на трех последних этажах не фиксируют. Висят для мебели.

– Почему?

– А это ты у своей красавицы спроси, – устало усмехнувшись, предложил капитан. – Семейная история. Нам важен факт – камеры на пожарной лестнице трех последних этажей не работают.

– Так, значит, тем более! Убийца хорошо знаком с охраной дома, он...

– Он отсюда не выходил!! – перебивая, разгорячился

Ханькин. – У нас не было времени просмотреть съемку холла и обычных лифтов, но с этих этажей никто не выходил! Только поднимались и то жильцы! Жильцы, Сергеич, посторонних не было.

– Но если работал профессионал...

– То искать его информатора, понимай – возможного заказчика, нужно среди родственников покойного. Этажерку из посуды построил тот, кто хорошо знаком с историей камина. Кто знал, что грохот услышат внизу, что камеры не работают, а ушедший к другой женщине муж будет дома в семь часов. – Ханькин обреченно махнул рукой. – Ты лучше вот о чем, Сергеич, подумай – а не специально ли тебя красотка в магазине зацепила? Подговорила кого-то мужа грохнуть, а тебя для алиби привезла.

– А зачем тогда посуду бить? – удивился Паршин. – Привезла бы попросту домой, провела по квартире с обзорной экскурсией, я бы сам на убиенного мужа и наткнулся. И платок сюда не вписывается. Зачем ей свою вещь под труп запихивать?

– А из хитрости. Чтобы все выглядело как конкретная подстава.

Сказать по совести, подобный поворот Олег тоже рассматривал. Юлька очень уж надолго зависла в магазине, как будто искала среди покупателей знакомых, кого можно случайно в гости зацепить. (Ее последующие крики и натуральную бледность вполне можно списать на шок от вида размозжен-

ной мужниной головушки.)

Но при детальном рассмотрении предположение рассыпалось в прах. Зачем рисковать, подстраивая случайную встречу, если можно позвонить подружке и пригласить домой оказывать моральную поддержку при сборе мужем чемоданов? Такая просьба выглядела бы адекватно. Если бы Юлька решила грохнуть Котова, на случайности бы не надеялась, а действовала наверняка. С хорошим, а не вероятным свидетелем, без всякой посуды и платков под трупом. Время смерти и подружка-свидетельница отмели бы от нее все подозрения.

– Нет, Саш, не катит, – спокойно возразил Олег. – Если бы она решила убить мужа, то сделала бы так, что вы ее ни к чему привязать не смогли. А платок и грохот – привязки. Ей этого не нужно.

– Логично, – согласился приятель. – А ты точно уверен, что она не успевала убить мужа?

– Саша! – выкрикнул сыщик. – В который раз, а?! Я говорил уже – НЕ УСПЕВАЛА! Я что, по-твоему, не смогу отличить убитого только что от пролежавшего какое-то время?! Кровь была свежей, жидкой, текущей! Но мозг, практически открытый, не пульсировал! А я через пять секунд после грохота в кабинет примчался!

– Все, Сергеич, завязали. – Ханькин примирительно поднял вверх ладони. – Завтра засажу ребят и кого-то из охраны дома за съемку камер наблюдения, попробуем пересчитать входящих, выходящих... Но сам понимаешь, дело это не

быстрое. Народу в доме полно живет. Пока всех опросим...

Слушая старого приятеля, Паршин понимал, какой сюрприз ребятам подкинул. Огромный многоэтажный дом под завязку людьми забит, время – начало уик-энда. Гости, визитеры, жильцы спуют... Если б не свидетель Олег Сергеевич Паршин, «закрыли» б Юлю Котову и не чихнули. Кому ви-сяк с убийством богатея нужен? Тем более что доказатель-ной базы для любого суда – выше крыши набралось.

– А тебя я, Олег, сердечно попрошу, – Ханькин состроил доверительную мину, – не лезь ты в это дело. Зыкин, конечно, подтвердит, что затащил тебя в магазин, а ты на кабаке настаивал и дамочку встретил неожиданно, на его глазах... Но...

Что «но», Олег прекрасно знал. Свидетель защиты из му-жика, которого потенциальная разведенка домой привела, – аховый. Подозрительный. Если за Юльку всерьез возьмутся, раскрутят, используют их «роман» на полную катушку.

– А это, Саша, я сам решу.

– Про лицензию напомнить? – жалостливо скривился опер. – Если ты как частный сыщик в мокруху впишешься, лишат лицензии и о заслугах не вспомнят.

– Попрошу Юлькиного адвоката нанять меня для сбора свидетельств в пользу защиты.

– Не выдумывай! Ты сам свидетель!

Сыщик не ответил. Капитан был прав на все сто: частный сыщик не имеет право заниматься расследованием тяжких

преступлений, а адвокат навряд ли рискнет нанимать основного свидетеля защиты для сбора информации.

Паршин сделал вид, будто не заметил предупреждения приятеля, спросил:

– Жильцов остальных квартир на верхних этажах опросили? Уже известно, кто из них на момент убийства дома был?

Ханькин поморщился, подумал пару секунд и взялся листать блокнот.

– Бумажки завтра оформлять будем, – бормотал, прищуриваясь на листки, – пока, предварительно, вот что. Мать и отец покойного – дома... Свекровь твоей красотики еле перед дверью удерживали, потом ее муж увел и снотворным накачал... Татьяна Котова с детьми – дома... Жильцы квартиры на тридцать втором этаже – тоже дома...

– А кто там, кстати, проживает? – вклинился Паршин. – Юля говорила, две двухкомнатные квартиры под наем сдаются, пока сыновья не выросли.

– Сдаются. Внизу супруги Лихолетовы живут – пенсионеры, Игорь Дмитриевич и Нора Викторовна. Дальние родственники Ольги Марковны Котовой. Квартиру на тридцать первом этаже снимает секретарша покойного Котова – Эмма Канипалова. Она приехала домой только в восемь.

– Квартиры нельзя осмотреть? – быстро вставил Паршин, думая о том, что куда-то же убийца делся?! Проникнуть он мог через дверь на пожарную лестницу. То, что там покойный перекуривал – не факт, съемок камер наблюдения нет.

– А санкция, а повод? – поднял брови капитан.

– Ну так там родственники живут. Неужто будут упираться?

– Олег, если кто-то из родственников замешан в убийстве, то обыск нужно проводить со всем старанием и вряд ли он что даст...

– Человек не иголка!

– Сергеич, – вмешался молчаливый Дима Павлов, – убийца мог во время чехарды со следственными мероприятиями исчезнуть. Тут столько народу туда-сюда сновало.

– Весь этот народ мы завтра по камерам наблюдения выловим и просчитаем, – покосившись на следака, буркнул Ханькин. – А обыскивать пять квартир... самая маленькая из которых площадью метров под двести... Не многовато ли, Сергеич, будет?

– Наружный осмотр, – парировал Олег и повторил, – человек не иголка. Следуй своей же логике – с трех верхних этажей никто не выходил до вашего приезда.

Капитан смущенно крикнул. Скоро полночь, людей распустили, оснований – кот наплакал (тем более если завтра на съемке подозрительная личность высветится, все вообще самодеятельностью попахивать начнет – зачем, товарищ капитан, людей напрасно дергал?). Три этажа – как три гектара. Ночи не хватает.

– Олег, давай действовать в установленном порядке. После одиннадцати вечера мы вообще не имеем права в жили-

ща граждан вторгаться и допросы устаивать.

– Так в добровольном же порядке! Осмотр.

Ханькин трагически вздохнул. На лице читалось: «Сергеич, ты хочешь и меня в добровольном порядке погон лишить? Сам как-никак уже допрыгался».

– Олег, если убийца профессионал, то давно нашел пути отхода.

– Ага, по веревочке гад спустился, – разозлено фыркнул Паршин.

– И этого не исключаю.

Еще до разговора с приятелями, как только уехали эксперты и основная часть бригады, Паршин буквально силой вытолкал из квартиры родственников, попробовал уговорить Юлию принять успокоительное и лечь. Но та категорически отказалась. Села в кухне с бутылкой коньяка и стала ждать, пока уйдут капитан и следователь.

– Олег, – сказала, едва Паршин показался на пороге кухни, – я слышала, ты – частный детектив?

Умытое, без единого грамма косметики лицо Юльки выглядело юным, почти прежним, вдова напоминала заплакавшуюся из-за двойки старшеклассницу. Красноватые веки подчеркнули зелень глаз, опухшие искусанные губы алели на бледном личике маковыми лепестками, Юлька выглядела трогательно, беззащитно. Сердце детектива екнуло.

– Юль, я не могу заниматься расследованием убийств, ес-

ли ты об этом.

– Я слышала, – отмахнулась вдова. – Как охранника я могу тебя нанять? – Юлия зябко повела плечами, скорчилась на высоком барном стуле у кухонной тумбы, ноги на хромированную полочку пристроила. Характерная поза так явно передавала испуг, что сердце сыщика екнуло еще отчетливей. Вероятно, приятели разговаривали в гостиной слишком громко, хозяйка квартиры, где одна дверь украшена жуткой бумажной полоской с печатью следователя, услышала об опасениях Олега: убийца может до сих пор скрываться в доме. – Ты можешь остаться сегодня здесь? Я боюсь, Олег...

– Юль, если ты боишься спать за запертой на засов дверью, тебе лучше на время переехать к кому-нибудь из друзей. Или в гостинице пожить.

– Пожалуйста. Я не хочу никого видеть. Пожа-а-алуйста.

– Юль, нам не стоит подчеркивать близость, – с мягкой настойчивостью, как можно убедительнее проговорил Олег. – Все и так слишком запутано, чтобы я еще и на ночевку здесь остался. Понимаешь? Позвони какой-нибудь подруге, родственникам...

– Да не хочу я никуда ехать, не хочу никого видеть! – перебила вдова. – Пожалуйста, дай мне возможность не страдать по чужим постелям, а выплакаться в свою подушку!

Олег задумчиво надул щеки, пожевал губами.

– Я остаться не могу, но могу прислать свою помощницу. Напарницу.

– Женщину? – Юлия довольно сильно удивилась, поскольку персону женского пола в качестве охраны как-то не рассматривала.

– Девушку. Дусю Землероеву. Она со мной работает чуть меньше четырех месяцев, но доверять ей можно, как себе. Девчонка с головой.

К уверенной, но краткой аттестации помощницы Паршин мог бы присовокупить детальное повествование о заслугах Дуси, например, в расследовании последнего заказа – нервного папаша и набедокурившей девицы. Там львиная доля и лавровый венок практически принадлежали Землероевой. Именно она, сберегая время и нервы Паршина, втерлась в доверие к девчонке, вызнала все обстоятельства (на всякий случай «обкатала» вариант с наркотиками) и позволила Паршину сделать папаше твердое заявление: наркотиками и плохой компанией здесь не пахнет, все дело в неразделенной страсти и любовной дури.

Юлия скептически наблюдала, как сыщик достает мобильник и созванивается с помощницей. Слушала, как улетают в телефон команды: «Захвати пижаму и зубную щетку...» Школьный приятель уже сам все решил, не спрашивая ее согласия.

– Евдокия поживет у тебя сколько потребуется, – сказал в итоге. – А почему ты, кстати, прислугу уволила?

– Роза начала давать советы. Лезть не в свое дело. Она проработала у нас четыре года... наверное, посчитала себя

членом семьи, эдакой старшей сестрицей. Меня это раздражало.

– Понятно. – Юлия убирала из дома воспоминания, рубила все концы, связывающие с мужем. Сочувствие прислуги наводило тоску, в печени засело. – Чайку, Юлька, сообрази. Покрепче.

* * *

Примерно в то самое время, когда Юлия Владимировна Котова тупо рассматривала кошелек в супермаркете, Евдокия Землероева вдыхала волнующие ароматы любимого шоколадного бутика «Конфаэль». Стояла у прилавка, смотрела на симпатичную блондинку-продавщицу, запаковывавшую коробку умопомрачительно дорогих цукатов в горьком шоколаде, и думала: «Жизнь – удалась. Сложилась».

Человеку преклонных лет такие мысли в двадцатитрехлетней голове покажутся смешными – жизнь, деточка, себя еще предъявит и покажет. Но мы оставим нравоучения. Со всем недавно на Землероеву свалилось счастье в виде двухкомнатной квартиры в элитном доме – подарок человека, которому Евдокия жизнь спасла. Миленький автомобильчик (от тех же щедрот). И увлекательнейшая работа под руководством детектива Паршина (при виде коего стучало сердце).

Хотя тут скажем честно: сердце уже давненько не сбивалось с ритма. Мимолетный девичий восторг не перерос

в мавританские страсти, погряз он – в сестринской опеке. Какое девичье сердечко засбоит при виде небритого мужика в разномастных носках, неглаженных рубашках и мятых брюках? Евдокия вынужденно и увлеченно взяла на себя холостяцкий быт Олега, былой восторг припорошился разноцветными носками, протертыми манжетами, изжеванными воротничками... Лучшая подруга и советчица Линка Синицына подозревала, что на этих бытовых берегах навсегда и застрянет любовная лодка... пока на горизонте не появится свежесбривший красавец-лайнер.

Евдокия вполне серьезно прислушалась к заявлению подруги, начала уже поглядывать по сторонам в поисках надежного ковчега приятной наружности, но в силу вступил второй закон любви: недоприконченная бытом страсть возрождается из ревности.

Но будем двигаться в порядке повествования.

В одиннадцать часов упомянутого вечера, когда умытая и довольная жизнью Евдокия улеглась в постель с миленьким дамским детективом и коробочкой умопомрачительных марципанов, мобильный телефон напомнил о жизни за окном.

Звонок завершал в самый волнующий момент, когда удалая сыщица обломком каблука вскрывала запертую бандитами дверь. Дуся, не отвлекаясь от сюжета, нашарила на тумбочке пиликающий телефон, мельком глянула на дисплей и несколько удивилась, обнаружив на нем вызов Паршина, со-

бравшегося пить с ментами.

– Алло? – с робкой надеждой сказала Дуся в трубку. (Бойфренд подруги Линки все наиболее приятные слова вспоминал почему-то исключительно в подпитии. От трезвого бойфренда ласкового слова не дождешься, подвыпьет – как провет, причем всегда по телефону.)

От Паршина Евдокия не услышала ничего ласкового. Совершенно трезвым командирским голосом сыщик дал пятнадцать минут на сборы («тревожный чемоданчик» включал в себя пижаму и зубную щетку, так что надежды на амурное ночное приключение Дуся не теряла) и назвал адрес прибытия.

Основная часть дохода работников частного сыска складывается из заказов ревнивых супругов. Не раз и не два Евдокия наблюдала, как доверительно, но сухо Паршин ведет переговоры с обеспокоенными дамочками, невозмутимо собирает предварительные сведения о мужьях, порою утешает, и никогда не вкладывается всей душой в процесс. Вбивает попутно в Дусину головушку: эмоции, Дусенция, мешают делу. Зачастую дамочки элементарно развлекаются слезжой от безделья либо на воду дуют. Вникание душой в проблемы заказчика чревато, детка, нервным истощением, сиречь папахивает непрофессионализмом.

Эту часть сыщицкого кодекса Землероева усвоила на пятерку с минусом. И потому невероятно удивилась, когда уви-

дела Олега, со всей нежностью поглаживающего по плечу зареванную шатенку неопределенного возраста.

– Евдокия, Юля не заказчица, а друг. Мой друг.

Приехали, подумала Дуся. На когда-то сверкающих полах огромной навороченной квартиры отпечатались грязные подошвы многих мужских ботинок, в доме бардак и запах смерти, но суть не в том. Сидя на высоком неудобном стуле в большой, порядком разбомбленной кухне, Евдокия ощутила удар по сердцу. Как будто пику засадили в грудь и провернули в ране пару раз.

Стараясь сосредоточиться на рассказе Командира, Евдокия упорно не замечала руку сыщика на тщедушном плечике вдовы, кивала с нужной регулярностью, в глаза рассказчику и его однокласснице старалась не смотреть – боялась ревностью испепелить. «Не думать, не думать, не думать, – уговаривала себя Дуся и попутно думала: – А той ли помадой успела губы мазнуть? Вроде с кофточкой не сочетается... Не отвлекаться на руки и плечи, тетеньке досталось, у нее мужа грохнули, Паршин сюда залетел совсем случайно, а остался по делу...»

Некоторую растерянность помощницы Олег списал на позднее время и общую неожиданность положения. (А мы заметим со знанием дела, что мужчины вообще славятся умением не замечать в близких женщинах проклюнувшейся ревности – инерция мышления и привычная успокоенность имеют место быть.) Используя профессиональную лексику,

Паршин умело обрисовал ситуацию, дополнил своим видением проблемы и угрюмо спросил Дусяного мнения. (Низкий поклон ему за то, Дуся сразу же почувствовала себя немного выше разбогатой вдовушки.)

– Ближний круг, – подхватывая «диалог профессионалов», коим не требуется расшифровка, высказалась Землероева.

– Согласен, – кивнул Командир. – Заказчик либо даже исполнитель.

Вдова глядела на «опытную» Дусю во все зареванные глазки. Дуся, вся практика которой, скажем прямо, складывалась из личных неурядиц, нескольких слежек, двух «внедрений» и множества прочитанных детективов, расправила спину:

– Список жильцов трех этажей вы уже составили, можете мне показать?

– Нет, времени не было. Я сделаю его завтра, когда более детально ознакомлюсь с передвижениями жильцов по камерам слежения. Что думаешь по делу?

Не совсем по делу Дуся думала вот что: Юльке крепко повезло, что ангел хранитель у нее на Небесах не задремал. Вдове следует навеститься в церковь, свечек перед иконами многочисленно поставить. Если бы она случайно не привела домой Олега, «закрыли» б тетку обязательно.

Но вслух сказала:

– Хорошо бы конкурентов по бизнесу прошерстить... Если здесь хороший профессионал работал... ты, Олег, зна-

ешь, как они умеют информацию о камнях собирать.

– Конкуренты – епархия Павлова и Ханькина, нас туда не пустят. Мы отработываем ближний круг. Думаю, вопрос о законности и незаконности наших действий родней подниматься не будет, так что действуй, Дуся. Опрос жильцов, беседы с родственниками, мгм... Юлю постарайся одну не оставлять. Понятно?

По совести сказать, волоокую зареванную Юлю Дуся с удовольствием слегка бы придушила. Вдовица взирала на Паршина с тихо плещущейся мольбой и нежностью во взоре, картинно покусывала губы. (Дусе адресовались толика уважительного внимания и робко обозначенная благодарность.) У сыщика же постоянно протягивались руки куда не надо: то плечико погладит, то по ручке вдову похлопает...

Убила бы сама и не взгрустнула! Причем обоих. Курица слезливая, глаз положила! Где раньше...

Так. Стоп. О чем там Паршин говорит?

– ...Юля представит тебя родственникам и жильцам, постарайся наладить контакт с мальчишками Котова, тебе это сподручней сделать – почти ровесники, может быть, получится с их друзьями задружиться. Прислугу не забудь...

– Олег, – Землероева фыркнула и изобразила эффектную позу, едва не свалившись с табурета. – Ой!.. Кому ты говоришь? Я что, сама не понимаю, чем мне заняться?

– Хорошо. Вижу, ты в теме. Вопросы есть?

Вопрос у Дуси был. Но задавать его в присутствии тетень-

ки, в которой только распоследняя тупица не углядит соперницу, не стоит. Землероева издала многозначительный носовой звук «гм», покосилась на вдову...

– Юль, ты не оставишь нас одних? – понятиливо попросил сыщик, и едва вдовушка исчезла с горизонта, кивнул: – Валий. О чем спросить хотела?

Неудержимый гейзер ревности Евдокии удалось сдержать не в полной мере. Чувствуя себя немного «чудовищем с зелеными глазами», Землероева оформила вопрос, как смогла, тактично и тактически:

– Олег, я, конечно, не могу знать, что вас с Юлей связывает, но не хочешь ли ты, хотя бы мне сказать...

– Дуся!! Сколько можно?! – Подобным интересом Паршина терзали несколько часов! Вопрос завяз в ушах, набил оскомину, осточертел до судорог лица!

Вопли и судороги физиономии патрона Дуся поняла неправильно. Расстроилась. Заткнулась.

Паршин неверно истолковал ее обиженное молчание.

– Прости, сорвался, – буркнул хмуро через десяток секунд.

– Проехали, – в тон бросила ревнивица.

– Юлию, Дуська, я встретил впервые лет за десять. После школы только на встрече выпускников раз пересеклись. Повторяю для неверующего Фомы – Юлия случайно увидела меня в магазине и...

– Я ж говорю – проехали! Скажи, что она из себя пред-

ставляет?

Олег задумчиво вытянул губы, приподнял брови...

За несколько месяцев знакомства с сыщиком Дуся заметила за ним одну особенность. Если Паршина спрашивали о близко знакомом человеке, он никогда не отбрехивался дежурными фразами вроде «плохой, хороший человек», «нормальный парень», «трудоголик, лентяй последний», а выбирал из общего прошлого наиболее показательную историю, рассказывал и позволял слушателю судить самостоятельно.

Для Юлии он выбрал вот что:

– Представь, Дуся, десятый класс. Прыщавые нигилисты и фрондеры, интеллектуалы, блин. Вместо умеренно выпивающего физкультурника Галкина нам дают новую учительницу Ирину Федоровну. Целеустремленную молодую, как я бы сейчас сказал – девчонку, мгновенно закрутившую гайки. Двойка за «забытую» или «мамкой постиранную» форму, на девичьи проблемы, к которым раньше с пониманием относился Галкин, – ноль внимания... Мы, понятно дело, взбунтовались.

Федоровне назначают открытый урок, чинуши из РОНО понаехали, а мы – отсутствуем. Изобрели какой-то дикий повод вроде сбора макулатуры, всем классом не явились на урок. Ирина – в слезы, ей выговор вlepили, позор всей школе...

И вот... Не знаю, какими правдами и неправдами Махотина добилась приема у начальника РОНО... До сих пор не

знаю, что она там ему наговорила, но нам назначили второй открытый урок. Еще одну попытку, так сказать.

Прежде чем одеть всех в форму и под конвоем завучей сопроводить в спортзал, нам устроили классный час. Вначале распиналась директриса, потом классная убедительно доказывала, какие мы в целом некрасивые, в конце слово дали Махотиной.

Олег сделал паузу, глотнул густого чая.

– Юлька выступила просто. Встала со своего места и, глядя на портрет Макаренко над доской, сказала: «Может быть, кто-то думает по-другому, но я считаю, что серьезное отношение к своей работе надо уважать, а не наказывать». Физкультурник Галкин, кстати, на этом месте покраснел и отвернулся.

Тут можно было бы добавить, что после этого Юлькиного выступления полувлюбленный мальчик Паршин переключился на другую одноклассницу: ума хватило догадаться, что с такой девушкой не допустимы половинчатые отношения. Махотина личность, а не объект для флирта на лестничной площадке за мусоропроводом.

Но это дополнение Олег не стал доносить до Евдокии.

Дусю, прямо скажем, выбранная сыщиком история слегка обескуражила. Наверное, Паршин слишком давно закончил школу, чтобы помнить, как на самом деле школяры к правдоискателям и стукачам относятся. На Дусиной памяти подобным девочкам бойкоты или «темные» устраивали. До

слез и истерик довели: сплоченная общей идеей толпа детей – суперзлющая субстанция!

Что хотел историей сказать Олег? Что тетенька приличный человек, неутомимая защитница несправедливо обиженных? Правдоискательница, идущая до самого конца?

Или... Паршин напирал на присутствие личного мнения у подростка Юлии Махотиной?.. Мол, посмотри, Дуся, Юльке от горшка два вершка было, а она уже не подчинялась мнению большинства?

Если подумать... то примерно в том же возрасте Линка Синицына обзывала Дусю принципиальной занудой. Например, когда предлагала подделать мамину подпись в дневнике. Или наврать предкам, что идут на день рождения, срубить деньги для подарка, а на самом деле оттянуться на дискаче.

Олег намекал на их похожесть? Разглядел в Евдокии нечто подобное?

– Поброди тут, Дуся, – тихо продолжил Паршин. – Поговори, поищи в шкафах скелеты. Юле надо помочь.

– Тебе тоже помощь не помещает, – тоскливо выплеснулся из Землероевой осадок «зеленоглазой мути».

* * *

Компания в «цитадели» на верхних этажах подобралась не разношерстная, а крепко спаянная родственными либо,

в случае секретарши Канипаловой, служебными отношениями. Все выходные Евдокия сновала по внутренней лестнице из квартиры в квартиру, знакомилась с фигурантами и совала нос в исподнее. Особой грязи и скелетов пока не попадалось, родня дружно горевала об усопшем. Присутствие Евдокии принималось неоднозначно – мама Котова подозревала, будто Юля нарочно таскает с собой непонятную девицу, так как боится остаться наедине с упреками. Папа покойного, полковник Генштаба в отставке, молча пил коньяк напополам с валерьянкой. Татьяна Котова угощала чаем, поминутно вытирая глаза и нос мокрющим платочком.

Татьяна Дусе понравилась. Если бы не предварительный рассказ вдовы о том, что Тата когда-то лишилась мужа исключительно из-за себя, поскольку с макушкой в быт провалилась, – не поверила бы ни за что. Нынешняя Тата отличалась ухоженным лицом, парикмахерскими ухищрениями в причёске, премиленький домашний костюмчик черного цвета ладно обтягивал округлую фигуру. Под тонкой тканью костюмчика слегка угадывалось корректирующее белье. Тата за собой следила даже в дни траура.

– Вот, Евдокия, посмотри, – раскладывала она перед Землероевой любовно собранные фотографии туристических походов.

Дело было в понедельник, Юля в офис улетела, там что-то неординарное стряслось. Дуся передоверила вдову охранникам компании и осталась дома, на предмет уединения и

доверительности при сборе информации.

– Глянь, какие мы раньше были. – Упитанная розовощекая Тата лучилась улыбками на всех фотографиях из стародавнего фотоальбома. – Вот это Стасик Леонидов... сейчас у Котова работает, каким-то... коммерческим, что ли, директором? – Первая жена покойного была все так же далека от всяческих нюансов бизнеса. – Когда-то Стас имел свою фирму, в дефолт все прахом пошло, и Коленька его пригрел. – Продолжая рассказ, Татьяна раскрыла более свежую версию фотовоспоминаний. На глянцевых профессиональных снимках «что ли, директор» выглядел весьма импозантно: высокорослый и подтянутый, челюсть с ямкой, глаза играют – огонь-мужик, такой до старости копытом бьет. – Это мы на юбилее Ядвиги и Бориса Роциных. – Дуся внимательно пригляделась к стоящей возле Стаса породистой поджарой парочке бизнесменов вполне европейского вида. Коротко стриженная, изможденная в тренажерных залах блондинка независимо придерживала статного муженька под локоток. Муж Боря равнодушно и белозубо улыбался в объектив. – Роцины наши однокурсники, «старая банда»... – Задумалась. – Борька, наверное, сейчас горюет... Перед смертью Коля об объединении говорил – у Роцина тоже строительный бизнес. Не такой, как у нас, правда, помельче. – Евдокия сделала пометочку в мозгах на оговорке – «у нас». – Ядя этим недовольна, ворчала, считая, будто Николаша их под себя подминает... Но зря она так, у Бори бизнес на ладан

дышит, Коленька помочь хотел. А вот это, Дуся, – старенькое! Мы на сплаве...

После того как Евдокия в ответ на сетования Татьяны по поводу перегревшей кофеварки сообщила, что сумеет приготовить приличный кофе в джезве, взаимная симпатия возросла еще больше. За несколько месяцев умасливания клиентов детективного агентства Дуся и вправду насобачилась варить отличный кофе. А под хороший кофеек хозяйка и гостя окончательно сблизилась, из уютной Таниной гостиной не хотелось уходить, первая жена Котова охотно рассказывала о прошлом: вспоминала туристические походы, верных друзей нахваливала. О настоящем практически не заикалась. Как будто подвела черту под жизнью после развода с Котовым. В прошлом Коля – был, последние года Татьяна провела с детьми, друзьями, родственниками. К нынешней Колиной жизни – в бизнесе и браке – Татьяна относилась подчеркнуто безразлично, хотя незримая черта была все-таки подведена словами: «Коленька хороший человек, Евдокия, порядочный».

«И что ж такой порядочный-то жен пачками бросает?!» – едва не поинтересовалась Евдокия.

Болтовня о прежней благодати, слов нет, Дусю тронула. Но много не дала. Молодую сыщицу прежде всего интересовало настоящее, Татьяна же, что несколько странно для застрявшей у плиты домохозяйки, упорно не хотела сплетничать.

Старший сын Татьяны Дусе не понравился категорически – у парня было такое лицо, словно за щекой пригрелась долька лимона, а верхняя губа дерьмом намазана, и Эдик вечно к ней принюхивается. Кислое выражение на лице оболтуса и иждивенца прописалось очень прочно, вероятно навсегда (порода вечно недовольных). Эдуард день-деньской сидел в своей комнате, уютно свесив ноги с шеи мамы, и презирал весь свет.

Евдокии досталась пренебрежительная гримаса за то, что бегаёт по найму. По папеньке он прошелся, мол, вкалывал, как бес, а тратить не умел. Юлька – хорошо устроилась. Мама – клуша. Дед – «сапог». Бабуля – пуп земли на ровном месте.

После недолгого разговора с Эдиком хотелось вымыть руки.

– Может, поклубимся вечерком? – довольно быстро предложил сын недавно упокоившегося. Дусю он рассматривал кем-то вроде прислуги, такой девице за счастье погулять с хозяйским отпрыском. – Только шмотки поменяй... Отстой.

После этих слов у Евдокии, прямо скажем, челюсть слегка отвисла. Более хамского предложения Землероевой еще не делали. Откормленный барчук лениво развалился на диване, заваленном журналами, и только что чресла в ее присутствии не почесывал. Пятнадцать минут назад, когда Дуся только зашла в его комнату, Эдик лениво перелистывал один

из таблоидов, увидев Евдокию, вместо «здрасьте», буркнул, щелкнув пальцами по глянцевому развороту с фотографией раскрученного мужского дуэта:

– Видала уродов? Для лохов лабают, типа – звезды. – И зевнул: – Чудилы, блин.

Дуся быстро поняла, что любое проявление таланта и усердия на Эдика зевоту нагоняет. Идеология глиста равномерно и гладко проступала на упругих щечках: «Круто жить по кайфу за чужой счет; долбаться на работе – стремно, пусть лошади работают, они тамдохнут».

И забежим немножечко вперед. Через несколько дней, когда Эдуард перестал пыжиться и корчить из себя невесть что, он снизошел до разговора с Дусей по душам. (Наверное, соскучился просиживать задницу в одиночестве – друзей у кислых негодников всегда в недостатке.) Подловил Землероеву на внутренней лестничной площадке и начал с хитрой жалобы:

– Засада, денег нет. Не знаешь, когда наследство раздавать будут? А то запарился уже тут ждать...

Из разговоров с Юлей Дуся знала: в последнее время папа Котов – в воспитательных целях – лишил оболтуса ежемесячной субсидии и маме Тане строго приказал не раскошиться. Оболтус взял паузу от развлечений, расположился на диване и начал монотонно ждать, когда на него откуда-то сверху просыплется манна.

Пока не сыпалась. Пришлось собирать глянцевые журна-

лы по соседним квартирам. Кино и музыку оболтус презирал – «жевачка для лохов», до книг и музеев его культурный уровень не поднимался, так что – скука. А на скуку, как известно, и Дуся шука, а вовсе не карась.

Уныло и долго жаловался Эдик на житье-бытье. Себя расписывал в превосходных красках радетеля за ближнего: «Видала, какой мамахен стала? Я постарался. Не прошло и десяти лет. Намекал ей, намекал – надо за собой ухаживать, надо за собой следить – парикмахерские там, салоны всякие, шмотье... Добился». Евдокия уже прекрасно представляла, как звучат Эдиковы неустанные намеки – наотмашь в лоб. «Валька тоже... лох. Не может преподу «франклина» в зачетку сунуть. Дал в лапу – все, зачет, гуляй студент!» Радетелем и благодетелем расписывал себя Эдик Котов. Причем совершенно серьезно. На голубом глазу.

Тем же вечером, встретившись с Паршиным, Дуся взяла назад некоторые свои слова:

– Помнишь, я тебе говорила, что впервые встретила такую отъявленную, красочную пакость, как Эдик Котов? Прямо-таки опереточный мерзавец в полный рост, после него остальные подозреваемые – херувимы и ангелы кротости. Сегодня, Олежка, хочу покаяться: была не права. – Дуся ернически склонила «повинную головушку». – Облыжно обвинила парня. Мерзавец из Эдички ни дать ни взять – карикатурный. Просто смех, какая сволочь. А наш убийца, прости за дифирамбы, ради дела стараюсь, – личность неорди-

нарная, трудолюбивая, изобретательная и где-то даже – с полетом. Согласен?

– Насчет Эдички не очень понял, – нахмурился Олег. – Юлия его давно знает, он большой хитрец и...

– Да вся его хитрость – тупая и прямолинейна! – на полуслове прервала Землероева. – И отец с матерью видят сына насквозь! Почему, ты думаешь, великовозрастный обалдуй целыми днями баклуши бьет? Почему Котов не запихнул его в институт – самый распоследний, на платное место, для лодырей и дебилов?! Да потому, Олег, – Дуся склонилась через столик небольшой кафешки, где они встречались с Паршиным, – что отец и мать прекрасно знали, Эдик – непроходимо ленив и туп.

– Но Юля...

– Да что твоя Юля! Ее ли дело приглядываться к неприятному злобному мальчишке? Поцапались разок, и ну его к черту, окрестила лодырем и хитрецом. Котов, понятное дело, не обсуждал с ней, не говорил, что у сына чердак не меблирован. Зачем Юльке эти заморочки с тупым пасынком? – От легких уколов по адресу тетеньки Землероева, конечно, не удерживалась. Использовала шпильки при удобном случае.

– Значит, Эдик у нас тупая злобная скотина, – задумчиво припечатал сыщик.

– Где-то так, – согласилась Дуся. – А наш убийца – человек с полетом, с выдумкой, Эдику такой сюжет с переворотом в

жизни не изобрести. Как ни печально, самый противный тип среди Котовых – вне подозрений.

– Об этом нельзя судить наверняка, Юлька, знаешь ли, с головой дружит, да и парня лучше знает. Если права она, то Эдик тот еще артист. – На защитных высказываниях Паршина Дуся старалась не сосредотачиваться – время покажет, у кого котелок лучше варит. – Что думаешь о младшем сыне?

– Полная противоположность Эдичке. Как будто кого-то из них в роддоме перепутали. Хороший открытый парень, друзей – море. – Евдокия неловко замялась (не привыкла еще хороших мальчиков подозрениями пачкать) и все-таки продолжила рубить правду-матку: – Тут настораживает как раз то, что успокаивает в старшем брате, – Валентин умен. И если вспомнить его увлечение игрой в «Дозор», где интриги и выдумка приветствуются...

Когда Дуся начинала вербально оформлять мысли хорошим литературным языком, Паршин обычно настораживался – детка подгребает к неприятной сути. Обдумывает каждое слово.

– Ты его подозреваешь? – прямо поинтересовался сыщик.

– В числе прочих, – суксилась Землероева. – Я просто показываю, что на фоне Эдика, Валя – ума палата, кладезь, расторопный парень. Вся игра «Дозор» построена на изощренном мышлении – загадки, шифры, цейтнот, интрига... Понимаешь? Валя стопроцентно попадает под портрет преступника.

– А тебя это расстраивает.

– Да. Что, если мальчишка заигрался? Знаешь, как игровые наркоманы, запутался в фантазии и реальности? – Евдокия почти жалобно ловила взгляд Паршина. – Юлия тебе уже рассказала, из-за кого отключены камеры наблюдения на пожарной лестнице и внутри периметра «цитадели»?

Олег кивнул.

Отличный парень Валя Котов и впрямь имел море-окиян друзей. Не все из его приятелей могли позволить себе каждый день зависать в кафешках и молодежных клубах, а платить за себя запрещали из гордости. И потому, по словам Эдика, иногда оперирующего трудными словами, Валик вел люмпенский, пролетарский образ жизни, сиречь, попроще выражаясь, терся по подъездам.

Самая шикарная лестничная клетка с огромными окнами на пожарной лестнице – как раз оказалась в доме Котовых. Несколько месяцев молодняк пятнадцати-шестнадцати лет стекался под крышу высокого дома. Встречались, гомонили, сигаретками баловались... Мама Тата решила прикрыть «вертеп», причем не слишком умно. Вначале отправилась искать союзников среди родителей молодняка из своего дома, поговорила со строгими предками девочки Маши, записи с камер наблюдения предъявила...

Девочка Маша на тех записях вовсю курила. И даже обнималась.

Строгие предки запретили детке встречаться с Валиком.

Посадили под замок.

А у Валика – любовь. Первые чувства. Скандал образовался.

Валентин ругался и позорил маму:

– Как ты могла?! Следить! Наушничать! За что ты так выставила меня перед друзьями?! Ты хочешь, чтобы я по кабакам терся, наркотики там покупал?!

Чтобы сын терся по кабакам и скупал наркотики, Тата не хотела бы увидеть и в страшном сне. И потому пошла на поводу у взбунтовавшегося подростка. Сошлись на малом: отключили все камеры наблюдения на верхних пролетах пожарной лестницы – туда все равно фиг проберешься, работающих камер на нижних этажах навалом. Внутренние камеры «цитадели» тоже обесточили – по тамошней лестнице только свои шнырят, а за уютными изгибами так много уголков для поцелуев...

В общем, Валик вырос, стал более мобильным, а воз и ныне там – охранная система начинает полноценно работать только когда Котовы съезжают на летнее дачное время. Стилыми зимами и в межсезонье «дозорного» продолжают навещать друзья, которым мамы запрещают курить и целоваться.

– Но вся эта история с камерами не делает из мальчишки подозреваемого, – после глубокомысленного кивка Паршина продолжила Евдокия. – И дело тут не в моих личных симпатиях и антипатиях. У Валентина алиби – девочка Маша. Точнее, уже девушка-студентка.

– Что можешь сказать о пущенных в двухкомнатные квартиры жильцах? Я их еще не видел.

Землероева отработала с душой и расстановкой.

К Эмме Канипаловой, на взгляд Дуси, можно применить довольно устоявшееся выражение «стоцентная секретарша босса». Высокая синеглазая брюнетка со статью лебедя – под длинной тонкой шеей гордая крутая выпуклость. Но ум совсем не птичий. К любознательной Евдокии Эмма отнеслась настороженно, мгновенно отнесла себя по месту на момент убийства – дома не было, задержалась в городе, приехала к шапочному разбору, когда шефа уже грохнули.

Дуся рассказала, как прогулялась по квадратным метрам огромной, только условно двухкомнатной квартиры, где к кухне внушительная столовая приплюсована, а в гардеробной можно неплохой танцкласс для юной балерины организовать. Как уважительно присвистнула и хитроумно поинтересовалась:

– И дорого обходится?

Но интеллект у секретарши, как говорилось выше, был совсем не птичий.

– Я оплачиваю только коммунальные расходы, – усмехнулась Эмма. – Сюда попала случайно. Пожаловалась Николаю Егоровичу, что приходится съезжать с прежней квартиры, он предложил обосноваться здесь.

– По доброте душевной, – ухмыльнулась Дуся.

– По трезвой мысли, – вернула ухмылку Эмма. – Эта квар-

тира предназначена для Эдика. Но пока он не вошел в доверие, квартире не позволяют пустовать, она всегда под наймом. Мне повезло в одном – на тот момент прежние жильцы уехали на ПМЖ в Германию, новых нанимателей еще не нашли... Еще вопросы есть? Например – спала ли я с шефом?

– Спала ли ты с шефом? – покладисто поинтересовалась Дуся.

– Нет. Иначе Юлия меня бы к этой хате на пушечный выстрел не подпустила.

– Резонно, – согласилась сыщица Землероева и выбросила в лоб: – Как думаешь, кто мог Котова убить?

Эмма оперлась задом на кухонную тумбу, скрестила длинные ноги, руки с маникюром сложила перед... точнее, на высокой груди:

– Меня тут не было. А изобретать инсинуации я не хочу.

– Так ведь человека убили.

– Меня. Тут. Не было.

Понятно. А раскроешь рот, читалось между строгих жирных точек, не будет и на работе.

– Адью, – сказала Землероева. – Как-нибудь еще наведаюсь.

– Милости прошу, всегда готова к сотрудничеству, – насмешливо пропела секретарша, и сыщица ей сразу не поверила.

– Эмма что-то знает, – сказала Дуся Паршину. – Имеет ли

это отношение к убийству, или на работе собака порылась – понять невозможно. Канипалова чертовски умная вышколенная девица с хорошими нервами и стальными челюстями. Запросики, кажется, имеет царские. Такая, если захочет кусок урвать, вцепится – не оторвется.

– Не понравилась тебе красотка? – многозначительно, с намеком на чисто рефлекторное женское соперничество, спросил Олег. Дуся фыркнула. – Не распыляйся. У Канипаловой стопроцентное алиби – сидела в парикмахерской. С родителями Котова уже успела дружбу завести? Какие они люди?

На маму Олю от двух невесток поступили практически однозначные отзывы. Врач-отоларинголог. Как у многих людей, к которым страждущие либо болезные за помощью бегут, завышена самооценка. Сноб без чувства юмора. Почему в таком случае «из камина шутит» много лет? Ответим – потому и шутит, что чувство юмора отсутствует, а хочется не выделяться. Кто-то из высокопоставленных друзей супруга по Генштабу сказал – забавный тут у вас переговорный пункт. Мама Оля сочла, что выглядит уморительно с задницей из камина. Ее никто не разубеждал (и вправду – зрелище, хотя и не для слабонервных, кои будут присутствовать на обоих этажах).

Но вернемся из камина полностью к семье. Если искать среди взрослых Котовых человека, способного поделиться с Эдичкой генами напыщенности, чванства и самонадеянно-

сти, то честь сия полностью принадлежит бабушке. Ген ума у Ольги Марковны, к счастью, не затерялся, но, учитывая, что возможность посмеяться над собой категорически отсутствовала, то относилась к себе отоларинголог с максимальной серьезностью. И других заставляла (кланяться).

Тяжелый диагноз. Тата привыкла считать его вяло текущим, латентным. Юлии казалось, что свекровь уже десять лет переживает серьезнейшее обострение, и, так как наиболее яркие приступы частенько совпадали с ее присутствием, подозревала у Ольги Марковны идиосинкразию (индивидуальную непереносимость аллергического характера) на себя, любимую. (Простите за избыточную медицинскую терминологию, речь о враче идет.)

Тата легко пообвыкла и практически не обращала внимания на деспотические заскоки свекрови, каждое лето выезжала со старшими Котовыми к ним на дачу, на грядках в удовольствие упаживалась, компоты закрывала и варенья. Юлия (личность другого порядка и полета) в подчинении отказывала.

Свекор эту индивидуальность Юлии почему-то высоко ценил. Когда Николаша с Татой расписался, старшие Котовы еще по гарнизонам мотались; непритязательная, легкая на подъем Татьяна легко вошла в семью. Немного позже Егор Валерьевич перешел на службу в Генеральный штаб – Таточку и там от всей души любил, но уход сына от разлюбезной невестки принял адекватно (ген ума бродил у Котовых не

только в крови несмеяны-бабушки). Юля больше отвечала возрастающему статусу сына, Егор Валерьевич, хоть и был насквозь порядочным мужиком...

Тут остановимся. И в шестьдесят пять лет Егор Валерьевич оставался молодцеватым мужиком насквозь, до самой сути. И вывод этот Евдокия сделала совсем не по его облику или манерам, выправке военного, – отец был совершенно уничтожен смертью единственного сына, понурился, обвис лицом и телом, – а по взглядам на него Ольги Марковны. Едва в их квартире появилось новое молоденькое личико – Дуся Землероева, Ольга Марковна, скорее всего, абсолютно на автомате, накатано, не спускала с мужа глаз.

Так ловят реакцию погуливающих мужей на симпатичных девушек истерзанные ревностью супруги: всегда, при любых обстоятельствах взгляд опытно ловит – появится приязнь к новой юбке или пронесет на этот раз? Минует нелегкая или снова в подушку плакать?

Досада.

И в связи с этим некоторые хамские вывихи бабушки Оли Дуся простила не затачиваясь. Не исключено, что и к Юлии свекровь относилась с неприязнью из-за укоренившейся подозрительности. Ловила взгляды мужа на точеную фигурку невестки, губы кусала, видя, как тот легко общается с красивой женщиной. Тата, по всей видимости, не вписывалась в укоренившиеся кальки симпатий свекра – простовата была, рыхловата, без шика-блеска... Юля... Юля отвечала самым

сластолюбивым требованиям. Отсюда и нелюбовь свекрови. И неприязнь, которая ловко и умно списывается на разрушение крепкой семейной ячейки. Внуков-безотцовщину.

И следуя вышеизложенному, можно смело предположить, что именно от бабушки, помимо прочих прелестей, Эдику досталась толика чисто бабской, белой ниткой шитой хитрости. Бабушка Оля, видимо, чувствовала подобие, старшего внука крепко любила и громко жалела – родное внучатое яблоко от яблони не укатилось. Лежало рядом и тихонько гнило.

Но, впрочем, Дусю просили искать скелеты, а не гены. И первый из этих скелетов был найден при помощи наемщиков Лихолетовых, бывших дальней, на семи водах замешенной родней бабушки-отоларинголога.

К Игорю Дмитриевичу и Норе Викторовне Дуся попала только через два дня после заселения в гостевой комнате тридцать третьего этажа. Ее туда Юля привела. Привела и так смутно представила Евдокию жильцам, что те до конца и не поняли кто она по сути есть: то ли молодой милиционер, то ли близкая подруга вдовы...

Но, к счастью, уяснили главное: с девицей просят не тусоваться, говорить правдиво и подпольщиков не изображать – Дуся Землероева расследует убийство.

Нора Викторовна и Игорь Дмитриевич, по милой совковой привычке, усадили непонятную персону за длинный

кухонный стол, чаю предложили: стол заставлен вазочками с печеньем, конфетами, крендельками, булочками, мармеладками, зефиром. На стенах уютные светильники, верхний свет отсутствовал, мягкое лучение лилось отовсюду и особенно из глаз: более слащавую пару искренних доброхотов Дуся в жизни не встречала. Супруги Лихолетовы слегка напомнили ей безвредных домашних питомцев – упитанных, вечно жующих морских свинок с немигающими глазками. Или хомячков.

– Как?! Разве вы не знаете?! – примерно через полчаса приложила обе лапки к груди мадам Хомячиха. – На свадьбе Юлии и Николая был скандал – Ядвига Рощина повисла на Егоре, Ольга их застучала и облила крюшоном!

Весьма занимательную историю про обнимания на свадьбе сына Евдокия ловко перевела на прочие адюльтеры полковника. Минут через десять попробовала сосредоточиться на чередке женских имен из просто подозреваемых и конкретно улученных, но плюнула. Полковник получался вроде бы гусаром. Причем прилично нынче обеспеченным. После выхода в отставку (с нерядовой пенсией) Егор Валерьевич подвизался во главе какой-то полувоенной ветеранской организации. Постоянно удирал от супруги на слеты, охоты, юбилеи, вручения регалий и прочие пьянки. Ольга Марковна лесных комаров и пьяных «братьев по оружию» на дух не выносила и редко посещала, и потому чередка из женских лиц получилась весьма условной и мифологической. Рожденной

воспаленной бабьей ревностью и одиночеством.

В итоге Дуся запуталась не только в череде, но и фактичности и попросила Лихолетовых рассказать о достоверных адюльтерах Николая Котова.

– Их не было, – дружно развели лапками морские свинки, не забывая пережевывать сухой корм в виде печенюшек. – До семнадцати лет Коленька жил в атмосфере подозрительности и вечных оправданий. Видимо, домашние разборки отца и матери надоели ему жутко и своим женам Коленька не изменял. Как только чувствовал – уводит в сторону, брал паузу, думал и только потом рубил с плеча. Мол, простите, Тата, Юля, я полюбил, как честный человек, обязан и так далее. Впечатлительные молодые люди зачастую дают зарок: «Я не буду жить, как мои родители», но редко его выполняют. Коленька здесь – исключение.

Дуся в результате услышанного так и не поняла – жалеть ей Ольгу Марковну или признать круглой душой, со всей серьезностью рубящей сук, на котором сидит? Сцена с крюшонам имела многих свидетелей, но... кто не знает хмельных и легких свадебных флиртов?

Вот если бы три дня назад убили полковника Генштаба, а не его сына, то информацию стоило бы признать существенной. А так пока... Пока скелеты сплошь чужие и в основном мифологические.

***

Дуся, в полном соответствии с фамилией, трудолюбиво «рыла землю»; Паршин приезжал все реже: проверив алиби жильцов «верхушки», следствие склонилось к версии подстроенного под бытовые разборки заказного убийства со стороны конкурентов по бизнесу. Поскольку получалось – никто из проживающих на верхних этажах убить физически не мог, в определенный час все находились при свидетелях. Мама Оля с папой Егором вместе смотрели телевизор в приятной близости камина. Тата с Эдиком в эти минуты маленько поругались из-за пособий Эдику на бедность и дулись: Тата на кухне за выпечкой пирога, сынуля, громко разговаривая по телефону, в своей комнате. Валик целовался с Машей. Лихолетовы заказывали пиццу. Секретарша Эмма наводила лоск в преддверии начала уик-энда.

Все.

Дуся жесточайше соскучилась по своей обожаемой недавно заполученной квартирке. Но Паршин умолял остаться в «цитадели» хотя бы до поминок на девятый день, когда все соберутся – только самый ближний круг, – немного выпьют, погрустят о Коле и, может быть... ведь так бывает... сболтнут чего-то сгоряча.

«Лови, Дуська, каждое слово! Взгляд из-под ресниц. Укол, упрек, плевков и критику!»

Евдокия, скрепя сердце и зубы, осталась в надежде на плевков и критику.

Суббота. После похода на кладбище и в церковь (Дуся замерзла почему-то и там и там совершенно одинаково, как подзаборный Бобик) печальная компания собралась в просторной столовой квартиры первой жены покойного.

Вначале, еще в четверг, Юля предложила расположиться у нее, но Ольга Марковна, с неопишимо ужасным выражением на лице проходившая мимо страшного опечатанного кабинета, категорически отвергла предложение. (Рестораны не рассматривались из-за папарацци.) Узкий круг скорбящих – родня и «старая банда» в лице «какого-то директора» Станислава Леонидова и супругов Роциных, – печально расселся по крепким стульям столового гарнитура. Боря Роцин поминальную речь толкнул. Проникновенно. Но мама Оля тут же запретила «детям» плакать. Слезы навряд ли бы одобрил покойный сын, так что вспоминайте, дети, Колю со светлой грустью, а не пошлым вытьем над рюмкой. (Так и было сказано. Слово в слово.)

Тата, правда, не сдержалась. «Какой-то директор» сумел ее утешить, рассказав историю из общего туристического прошлого. Роцин добавил, что сделал подборку из старых, еще не цифровых съемок покойного, выбрал места, где Коля наиболее типичен – весел, бодр, любимый заводила. После недолгого всеобщего переглядывания с суровой мамой Олей, съемку решили посмотреть перед прощальным кофе в гостинной.

Конкретно в тот момент в столовую вошла Эмма Канипа-

лова.

На поминальный девятый день секретаршу никто не приглашал. Эмма простилась с шефом на похоронах вместе с прочими работниками компании. Так что, увидев на пороге стройную фигуру в черном деловом костюме, зареванная Та-та шмыгнула красненьким носиком и спросила хоть и слегка логично, но крайне невоспитанно:

– Ребята, а кто последним заходил?

Все сразу поняли, на самом деле вопрос звучит следующим образом: какая бестолковая зараза забыла дверь на ключ закрыть?! Почему эта разодетая профурсетка всем тут глаза мозолит?!

Эмма выпад прожевала и проглотила; невозмутимо оглядела скорбящую компанию и обратилась к вдове:

– Простите за вторжение. Примите еще раз соболезнования. Юлия Владимировна, не могли бы вы сегодня уделить мне полчаса вашего времени?

– Сегодня? – удивилась Котова. Трагически поморщилась.

– Да. Именно – сегодня. Пожалуйста, это очень важно, я буду вас ждать.

Эмма кивнула обществу, всем показалось – усмехнулась; прямая, как штанга футбольных ворот, спина секретарши исчезла за углом столовой.

В гостиной, в унисон, прозвучало сразу несколько рема-рок.

От мамы Оли: какая невоспитанность, что себе позволяет эта девица, врваться без звонка и т. д. и т. п.!

От Рошина задумчивое: интересно, что девушка имела в виду?

От Эдика: мам, баб, а когда она мою квартиру освободит, а? надоело, в натуре – живет тут, ходит, как у себя дома...

Та, к кому непосредственно обращались слова Эммы, сидела с выражением крайней задумчивости на лице. Кусочки хлебного мякиша отщипывала и катала в пальцах.

– Юля! – привлекла к себе внимание отоларинголог. – Я надеюсь, ты не позволишь помыкать собой какой-то секретарше?! – В возмущенном вопле проскользнуло нечто настолько личное, что муж-полковник неловко крикнул и пожегил. – Она, видите ли, ждате изволит! Нахалка!

Евдокия ловила взгляд вдовы, вращая шеей, приглядывалась к прочим, надеялась хотя бы на крошечный плевоч по теме.

Не прилетело. Да и Юлия, надо сказать, после принятых еще на кладбище успокоительных таблеток (удивительно совместимых с некоторой дозой алкоголя) была тиха и кротка, словно накормленный ягненок. Сидела молча и большей частью смотрела в стену.

Возмущенный вопль отоларинголога безответно улетел в пространство. Народ вернулся к траурным речам, налег на рюмки и закуски. Про секретаршу все забыли.

Опомнившаяся после рыданий Тата, при помощи отдан-

ной в ее распоряжение домработницы старших Котовых Люси, проворно сотворила смену блюд. Горячие закуски окончательно отогрели тела и души замерзших на кладбище друзей и родственников; разговоры о покойном плавно перешли в разряд анекдотов, и в том не было ничего зазорного. Усопших, тут мама Оля права, следует провожать не только слезами, но и хорошими, порой веселыми воспоминаниями. Пусть видят с облаков, что оставили о себе добрую теплую память.

...Мужчины пару раз сбежали перекурить. Женщины приватно поболтали. Ольга Марковна, в частности, поведала, почему запрещает перекуры в доме: тыщу лет назад еще капитану Котову выдали в пайке сигареты восьмого класса – «Донские». В ответ на искреннее, чуть лебезящее удивление Ядвиги «А разве такой класс бывает?» ответила: бывает, если в табаке попадают кусочки автомобильной резины и прочий мусор. Мусор этот при сгорании, по словам мамы Оли, выдает такой неповторимо гнусный дым, что мухидохнут, а у женщин развивается непереносимость близости с курильщиком. Подобное воспитание – дымить вне дома, мама-врач привила и сыну.

Тата снова прослезилась. Валик смылся в свою комнату. Эдик поскакал на лестницу к не таким слезливым мужикам.

Через десять минут, когда почти все общество собралось вместе, оказалось, что просмотр «нарезок» кинооператора Рощина откладывался по причине не полной работоспособ-

ности домашнего кинотеатра.

Минут пятнадцать Эдик уверял, что разбирается в видеотехнике, как автослесарь в газонокосилке, глазом не моргнете, раз-раз – починит. Эффектно лежал пузом вверх под плазменной панелью; директор Стасик и кинооператор Боря стояли возле его пяток с умными лицами. И вероятно, так продолжалось бы до вечера, если бы вернувшийся в гостиную Валик не сообщил, что отдал во временное пользование какому-то другу какие-то шнуры.

Послали за шнурами.

Дусю на все время возни с кинотеатром припахали к джезве. Хозяйка приема, отвлекая скорбящих гостей от досадного видеонедоразумения, обмолвилась, что Евдокия заткнет за пояс любую (перегоревшую) кофемашину. Землероева прониклась щедрой рекомендацией и скромно расстаралась. Поколдовала у плиты. Как оказалось через двадцать досадных, усердных минут, пожалуй, даже слишком: очередь из кофеманов превысила пределы разумного.

Послали за кофемашинной. Юля дала опростоволосившемуся с кинотеатром Эдику ключи от своей квартиры, пасынок не подвел – притаранил в целости агрегат (к слову сказать, почти не уменьшивший очередь истинных ценителей).

За «нарезку» старых пленок Боря Рощин получил огромное мерси от всей компании: после просмотра кинохроники Евдокия Землероева смогла оценить, какого парня потеряли близкие – Коля Котов был грандиозным мужиком. Веселым,

хлебосольным, улыбчивым, с дамами обходительным...

Диск с фильмом Рошин подарил родне. Прощание прошло проникновенно. В половине одиннадцатого подвыпивший Эдик побрел к Канипаловой выяснять отношения относительно дальнейшего проживания секретарши на приписанной ему жилплощади, несильно пнул дверь «своей квартиры», заметил, что не заперто, вошел...

Эмма Канипалова лежала между тумбой и столом на кухне с ножом в груди. В пронзительно синих глазах секретарши застыло невероятное удивление.

* * *

Паршин орал на Дусю долго. Почти без перерывов.

Евдокии думалось, что это никогда не кончится.

– О чем я тебя просил, Землероева, о чем?! Будь рядом с Юлей! Всегда! Глаз не спускай! А ты?! Неужели так трудно усвоить глупой башкой... Тебя даже думать не просили – только выполняй!!

Евдокию обуяла немота. Разнос происходил уже утром, на квартире Дуси, куда она переехала после того, как вдову Котову – слава богу, не заковав в позорные наручники! – увезли в СИЗО как подозреваемую в убийстве секретарши мужа.

На ноже нашли отпечатки пальцев Юли. Она призналась, что заходила к Эмме для разговора. Убийство четко совпало по времени с ее визитом.

– Вот скажи мне, чем ты занималась, когда Юлия отправилась к секретарше? – слегка понизив децибелы, подустав

орать, спросил Олег.

– Кофе варила, – с трудом разлепила губы Дуся.

– Двадцать минут?

– Полчаса.

Паршин, на этот раз не присутствовавший на месте преступления, еще не успел разузнать всех тонкостей поминального вечера. Павлов и Ханькин сообщили ему только основные сведения и подвели итог: «Попала твоя Юленька по самое небалуйся. Второе убийство, а она основная подозреваемая, так что, прости, Сергеич, увезти – пришлось». На Дусю Паршин, честно говоря, орал от нервов, валил с одной больной головы на другую, не менее печально хворую.

– А какого хрена ты на полчаса к плите прилипла?!

– Попросили.

– Кто?! Кто попросил тебя прилипнуть конкретно в тот момент, когда Юлька к Канипаловой отправилась?

– Наоборот. Это Юля отправилась к Канипаловой, когда меня кофе заняли.

– И кто тебя занял?

– Татьяна Котова. – В ответ на ставший угрюмо подозрительным взгляд Паршина, добавила: – Она ж не знала, что это будет так надолго. Я и сама не ожидала – очередь по второму кругу двигалась...

– Повариха, твою мать, – скрипнул зубами сыщик и отвернулся.

По месту пришлось – Землероеву отправили на помин-

ки к народу приглядываться, за Юлей присматривать, а не кулинарными талантами поражать. Евдокия чувствовала себя кругом виноватой, немножечко хотела сдохнуть. Или, как минимум, вместо Юлии на нарах посидеть.

Позор случился. Прокол бесславный, унижительный для сыщицы, сказать попросте – срамота. Маленького поручения дурища не выполнила – быть рядом с Юлией. Везде! Если та потащилась к секретарше, тащиться рядом. Если та в туалет пойдет, стоять под дверью!

– Прости, Олежка, я сама... вся... не знаю, как сказать... – Землероева всхлипнула, но прямого заслезившегося взгляда от друга-сыщика не отвела. Как бы показывала: вот она я вся! Руби, командир, повинную голову с плеч!

Паршин Дусю пожалел.

– Проехали. Давай рассказывай, что видела и чего думаешь.

Дуся утерла нос ребром ладони, вздохнула, как уставший ожидать, неожиданно помилованный преступник-смертник, и выразилась:

– Я вот что, Олежа, думаю... Время покумекать было... К Котовым Эмма приходила не зря. И это поняла не я одна, Роцин тоже пробормотал нечто вроде: «Интересно, что девушка в виду имела?» У секретарши был такой вид, словно она пришла не просто Юлю пригласить – для этого существуют телефоны, – она пришла ударить по конкретному человеку. Бросить вызов. Выпад. Напугать. Мол, видишь, я

готова рассказать, что знаю.

– Такие выводы и мои парни сделали, – задумчиво признался Паршин. – Но для суда это не аргумент. Прилюдно пригласив на разборки, секретарша могла пугать и саму Юлю. Понимаешь?

– Конечно, – кивнула Дуся. – К сожалению для Юли, все так и выглядит – секретарша чем-то шантажировала вдову босса, пришла нажать, продемонстрировать готовность вывалить прилюдно компромат наружу.

– Вот видишь, – понурился одноклассник подозреваемой Котовой.

– Но, Олег! Я там была, я все видела, воздух этот наэлектризованный чувствовала! Я...

– Лучше б ты другое чувствовала...

– Олег! Ну сколько можно! Если Юльку собрались подставить, то сделали бы это все равно!

– Как?

– Ну, я не знаю... Дождались бы ночи, как-то по-другому постарались... Ты мне скажи, что говорит Юля о походе к Эмме? О чем они потолковали?

– По словам Ханькина, ни о чем, – слабо усмехнулся Паршин. – Юлька сама удивилась, когда Эмма начала нести ахи-нею о продлении найма квартиры, просила не увольнять ее с работы, мол, она в теме и будет полезна для любого другого руководителя... – Сыщик покачал головой: – Как будто другого времени не нашла. – Помолчал немного, глядя под но-

ги, и добавил: – Нож еще этот... Нож, Евдокия, определенно из комплекта Юли. И это уже доказано. На кухне Канипаловой куча похожих ножей – их подарила мебельная фирма, занимавшаяся обустройством всех кухонь «цитадели», – но остальные на месте. Такого ножа не хватает только в комплекте Юлии. Они все похожи, подарки мебельщики сделали одинаковые – не хватает только Юлиного.

– Так-так... – задумчиво забормотала Дуся. – Из ее квартиры, говоришь... Нож с отпечатками ее пальцев... Так к Юле ходил Эдик! За кофемашиной!

– Знаю, – невесело промолвил Командир. – И еще я знаю, что этот придурок не отдал ключи Юлии, а бросил связку на тумбочку в своей прихожей.

– Так вот! – мгновенно воодушевилась Дуся. – Вот откуда преступник мог их взять! Взять ключи, пройти к Юлии домой, забрать нож с отпечатками пальцев хозяйки...

– Господи! – расстроено фыркнув, перебил Паршин. – Кому ты это говоришь, Дуся? Мне? Ханькину попросишь передать? Или себя успокаиваешь?

– Наверное, себя. Что Юля говорит? Ты ее видел?

– Нет, не пустили. Ханькин сообщил, что Юля в шоке. На кладбище она успокоительных таблеток напилась, весь вечер – как в тумане, Саша говорит: почти готова поверить, будто сама грохнула секретаршу и все забыла.

– Ничего себе! – присвистнула Дуся.

– А я тебя просил – будь рядом... – Олег пригляделся к

подруге-сыщице, увидел, что та готова разреветься от стыда и жалости к его однокласснице, и прекратил упреки. – Давай, Дусенция, по порядку. Рассказывай, кто где был, что делал, взять нож из квартиры Юлии и пройти к секретарше – дело семи-восьми минут. Квартира на сигнализации не стояла...

– Так, подожди, – перебила Дуся. – О том, что квартира не стоит на сигнализации, я, например, знала. Мы свою одежду у Юлии оставили, потом еще два раза бегали – первый раз за графином для сока, второй – за коньяком для полковника, тот почему-то быстро кончился. Но почему на «верхушке», на внутренней лестнице и площадках, снова не работало видеонаблюдение?! Я только сейчас об этом подумала. Почему камеры не включили?!

– А кто их включит? – немного разозлено бросил Паршин. – Кто? Эти остолопы из охраны дома? Да? Они твердят: приказа не было. На отключение – был, на включение – не было.

– А почему его не было? – искренне поразились Дуся.

– А кто его даст? Юля? Егор Валерьевич? Бабушка? Всем не до этого было. Все – горевали.

– Какая глупость... По дому преступник гуляет...

– Согласен. Но получилось так, как получилось – передвижения внутри «верхушки» не засняли. Так что давай вспоминай – кто где был, что делал, особенно обрати внимание на отсутствие, продлившееся более семи минут.

Евдокии потребовалось гораздо меньше семи минут и

двух листков бумаги для расчерчивания графиков передвижения и времени, чтобы понять – свидетель из нее никуда не годный. Получасовая временная прореха, где Землероева корпела над плитой и джезвой, все сводила насмарку. За полчаса могли прирезать всех гостей.

– Адвокат потребует проведения следственного эксперимента, – в итоге информировал Олег. – Был разговор, что потребует. Тут ты – глаза и уши. Готовься, Дуся. Вспоминай любую мелочь. Каждый взгляд. Полувздох, полувыдох. От этого может зависеть судьба Юлии. Понятно?

* * *

К следственному эксперименту Землероева подошла до того серьезно подготовленной, что, если не считать доброты Лихолетовых и Юлию, заполучила кучу врагов в лице всех прочих Котовых и «старой банды» в полном составе. «Вы, девушка, отныне персона нон-грата», – сказал ей каждый взгляд. Но будем продвигаться в порядке очередности.

В самом начале под пристальный сыщицкий взгляд Землероевой попал хитроумный Валик. В какой-то момент минок младший внук Котовых исчез с горизонта. Исчезновение он объяснил глубокомысленным чтением книжки в своей комнате. Обратного, надеялся, не доказать.

Не тут-то было. После памятных воплей Паршина, где сыщик требовал от Дуси воссоздания картины до самых ме-

лочей, Евдокия задалась вопросом: почему, собственно, так быстро испарился дедушкин коньяк? Причем с бутылкой вместе. В самом начале поминок на столе стола бутылка Remy Martin, литраж 0,7. Путем введения себя в транс, Дуся пересчитала количество и тоннаж рюмок, сосредоточилась на поминальных спичах и пришла к выводу: коньяк у дедушки стащили, поскольку больше ему деться некуда.

Оговоримся сразу. Более опытный товарищ вполне мог предположить, что «Реми Мартен» умыкнули мужики на перекур.

Но Дуся, как человек приметливый более, чем опытный, не смогла представить, как полковник Генштаба, «какой-то там» директор и владелец крупной фирмы глушат коньяк из горла на лестничной площадке, поскольку рюмки со стола не пропадали.

Таким путем у Дуси появился хоть и пустяковый, но резонный вопрос: куда все-таки исчезло французское пойло? (Вместе с бутылкой.)

Для девушки двадцати трех лет вопрос смешной – конечно же стащили внуки. У Дуси опыт другого рода: в семнадцать лет – совсем недавно! – они с Синицыной спиионерили бутылку шампанского с родительского стола и, немного отвлекаясь на запускание петард и конфетти, выхлестали его под елочкой в снегу за милую душу. Заели одной конфеткой на двоих, не развезло только благодаря обильной предварительной закуске и холоду.

Так что плавали, знаем. Оставалось навести конкретику. Эдик?

А на фига? Вполне половозрелый оболтус, захочет – и так напьется из маминых запасов, вон их сколько.

Валик?

Вероятнее всего. Крутился подозрительно вокруг стола (как раз где дедушка сидел), имел вид плутоватый, а позже чересчур невинный (когда Юлия попросила Землероеву за коньяком наверх смотаться). И посему, портя весь следственный хронометраж, Евдокия воткнула Валику вопрос:

– Зачем коньяк стащил, негодник? О том, что книжку почитать ушел, бабушке и маме втирать будешь. Сегодня все по чесноку.

Окончательно разрушая хронометраж событий, Валик полновесно покаялся в краже коньяка и бутылки мартини с поминального стола.

Мама Тата заламывала руки и стенала:

– Зачем, Валенька, зачем, чего тебе не хватает?!

Пунцово-алый Валик бормотал, что «так случилось, бес попутал»; бутылки он припрятал на пожарной лестнице, откуда их позже Машка с «дозорными» забрала...

Скандал. А говорил – читает книжку. Студент. Одно слово – обормот «дозорный».

Но с Валиком еще цветочки. Чуть позже, когда к кратким туалетным отсутствиям подобрались, Евдокия спалила и второго внука. Причем отметим сразу, лучше б Эдик кра-

жей спиртного пробавлялся.

В какой-то момент Эдичка объявил следователю: «А тут я руки мыть ходил». Следователь записал слова на бумажку, весьма довольный Эдичка сел на диван...

Не тут-то было.

– Эдик, а ты когда в туалет ходишь, воду за собой смываешь? – с самым простодушным видом поинтересовалась Евдокия.

– Конечно, – опешил тот.

– И руки моешь?..

– Мою, мою.

– Тогда ты врешь. Помнишь, мы столкнулись с тобой в коридоре? Я как ра-а-аз в туалет шла...

– Ну, – напрягся нервами и извилинами старший внук.

– В сливном бачке вода не шумела. А полотенце было совершенно сухим – я выясняла, его Люся поменяла, – и аккуратно развешанным.

За Эдичку взялись всерьез. Туалет был так называемым гостевым, в коридоре возле входной двери. Когда Эдик в поминальный вечер попался Дусе на глаза, он как раз проходил мимо этой двери, и вполне могло показаться, что он выходит из удобств. Но – полотенце сухое, вода не льется... Как же так?

Эдик пылал лицом, почти что плакал и ужом крутился, изобретая враки. Родне уже казалось, что его ждет камера по соседству с Юлькой, бритоголовые татуированные сидельцы

уже готовятся макнуть наследника в парашу, ужас так искажил лицо бабушки-отоларинголога, что...

Рощины переглянулись. Вздохнули. И слово взял Борис:

– Тут... как бы это, Тата... Деньги у нас немножечко пропали. У Яди тыщи три рублями... И у меня по мелочи. Я взял из сейфа на работе доллары, с прислугой расплатиться. Пропало-то всего... сотня... одна.

Кошмарное выражение лица бабушки смешилось на конфузливую оторопь. Что за нелепица, моргнули веки, – наш Эдик шарил по карманам?! Не говорите чепухи, любезный!!

Татьяна ошарашено молчала. Дедушка полковник раздувал щеки и ноздри. Рощины уверяли, будто финансово почти пострадали.

В какой-то момент Ольге Марковне хотели вызвать неотложку. На Дусю смотрели голодными свирепыми волками. А это, скажем предварительно, еще не все сюрпризы.

После того как откачали бабушку, отпоили маму и попросили Дусю не делать комментарии под руку, а оформлять их позже, на подведении итогов, Землероева тут же не удержалась и сделала крохотную поправку...

В результате которой выяснилось, что ушедший с перекура Рощин не кофе пил, а запирался в комнате разведенной вдовы Татьяны. Причем – с ней вместе. Пока все прочие нахваливали кофе, либо торчали у ног Эдика, забравшегося под телевизор.

Чего Рощин и Тата в спальне делали – следствие прове-

ритель не в силах. Борис и Тата уверяли, будто уединились за дверью чисто по-братски, дела перетереть...

Ядвига попросила всех поверить. Мол, Боря позже рассказал ей о беседе с Татой в спальне.

Очнувшаяся баба Оля испепелила взглядом почему-то Ядю и мельком подпалила Дусю.

К слову сказать, чуть позже, оказавшись с Ядвигой наедине, Дуся с максимальным простодушием задала вопрос о происшествии с крюшоном. Ядвига, уверовав в детективно-дедуктивные способности Землероевой, ответила, как было: бывший свидетелем Николая Котова Боря Роцин заигрался в отвязного тамаду и начал флиртовать со свидетельницей со стороны невесты Юли – «сексапильной молоденькой шалавой». Ядвиге это – против шерсти, она подговорила полковника Котова «изобразить» в ответ, пусть поревнует.

Взревновала, правда, отоларинголог. Как и предположила прежде Дуся, Ольга Марковна особа с богатейшей фантазией, что вкупе с отсутствием чувства юмора обернулось бадьей крюшона на чинные наряды «шутников».

Причем оба промокших проказника пробовали уверить Ольгу Марковну, что все было не всерьез, шутейно, – ничего не вышло. Оля юмора не оценила.

Но вернемся к следственному эксперименту. Наточенная бдить, проинструктированная Паршиным «наплюй, Дусенция, на всех, подмечай, даже сморкаться заставляй в точности как было в тот вечер», Землероева отрешилась от всеоб-

щей неприязни. Косых взглядов, гневного пыхтения отоларинголога, бурчания пунцовых внуков.

Через какое-то время все, включая следователя и Ханькина, начинали вздрагивать, если Дуся говорила «кхм». То есть «минуточку, господа, позвольте уточнить».

В лучшей манере первого президента России Бориса Николаевича Дуся уточняла – не так сидим или: «Татьяна, прости, пожалуйста, но ты, когда вилку уронила, унесла ее на кухню и отсутствовала не две минуты, а целых восемь».

С ненавистью во взоре Тата начинала «припоминать», что, заменив вилку, осталась на кухне проконтролировать заправку соуса, проверить, не пережарила ли домработница Люся мясо по-французски...

Люся алиби пугливо подтверждала.

«Станислав, – говорила Дуся, – не могу понять... Когда в тот день, вы ко мне подошли за добавкой кофе, от вас пахло несколько иначе. Как-то более, что ль, женственно...»

Впечатленный Дусиным нюхом «какой-то директор» казался, что поменял одеколон. «Простите, я не знал, что это тоже важно, и использовал другой парфюм», – бормотал растерянно.

«Егор Валерьевич, прошу минуточку, но когда вы вошли в гостиную в прошлый раз, портсигар вы положили в левый карман, а не в правый... Да, да, вот так. И сели не к Ольге Марковне, а обошли диван и присели на подлокотник рядом с Юлей...»

Хмурый полковник молча топал вокруг дивана. Привезенная из изолятора арестантка Юля покладисто отодвигалась чуть-чуть в сторонку и с надеждой смотрела на востроглазую сыщицу.

На этом месте, раз к слову пришлось, слегка затормозим повествование.

Встретившись с Юлией на следственном эксперименте, Евдокия почувствовала, что на место дремучей зеленоглазой ревности заступила и все дальше продвигалась определенная приязнь.

Возможно, симпатию подогревали Дусино раскаяние и вина. Возможно, все гораздо проще и приземленней: удаленный в СИЗО раздражитель перестал действовать на нервы. Как бы там ни было, под взглядами родни и «банды» на следственном эксперименте между Юлией и Дусей возникло некое подобие родства: так две сиротки, попадая во враждебный мир, держатся друг друга. Юлия одаривала сыщицу одобряющим, полным надежды взглядом, Дусе стало стыдно за недавнюю антипатию. Чего она на тетеньку взъярилась? Хорошая тетка, право, жаль ее.

Откровенное упование Юлии на въедливую Дусю ошутимо раздражало большинство присутствовавших. В конце нудной, многочасовой реконструкции событий участники вздрагивали от самого тишайшего Дусиного «кхм» и «мгм», моментально обретали память и – пересаживались, перестраивались, сморкались и роняли вилки в точности как бы-

ло почти самостоятельно.

Подбивая итог, спрашивая участников следственного эксперимента: «Вы довольны, все было как в тот день?» – следователь Дима Павлов смотрел только на свидетельницу Землероеву.

Дуся сказала «кхм» – общество по привычке дружно вздрогнуло! – и нахмурила лоб:

– Не могу понять... Что-то получилось не так... Что-то было не как в тот день... Но... Нет. Не вспоминается. Могу вспомнить позже. Так – можно?

– Все можно, – хмуро кивнул Павлов и собрал бумажки.

Дуся вышла из гостиной, активировала сотовый телефон и, набрав номер Паршина, недопущенного на реконструкцию, прикрывая губы ладонью, прошептала:

– Все, Олег, закончили. Ты ждешь?

Измаявшийся в неведении Паршин ждал Евдокию, Павлова и Ханькина за только что накрытым столом в тихом ресторанчике.

На следственном эксперименте Дусе показалось, будто Ханькин и Павлов ее тихонько ненавидят. Через две рюмки ресторанной водки почудилось совсем обратное: путем распевания дифирамбов холостой Павлов и вполне женатый Ханькин начинают с ней заигрывать.

– Ох, Сергеич, ну и дала сегодня Дуся! – с наигранной восторженностью затягивал оперативник и подмигивал при-

ятелям.

– Да, да, – жестикулируя вилкой, с набитым ртом, мурлыкал следователь Дима и строил Дусе глазки.

Землероева мило пылала щеками; Паршин, которому кусок в рот не шел, ждал пока друзья закончат с баловством, жратвой и выступлениями мимо сути.

– Она их всех построила, как старшина стройбата. Народ пикнуть боялся! Шагал и влево и вправо только по команде...

– Саш, а конкретно – что? – не поддержав восхвалений, перебил детектив. – Толк – был?

– Все, кроме Евдокии, расписались, что довольны. – Ханькин обтер рот салфеткой, отложил ее в сторону и стал серьезным. – А по конкретике вот что: каждый из присутствовавших на эксперименте имел возможность совершить убийство.

Олег присвистнул:

– Даже так. Каждый-каждый?

– Включая домработницу, толкавшуюся на кухне, включая жильцов Лихолетовых – все исчезали из поля зрения на достаточное время. Помещение огромное, после того как Канипалова назначила встречу Котовой, хозяева и гости постоянно переходили с места на место. Ключи от квартиры Юлии часа полтора лежали в прихожей квартиры Татьяны... Нам даже не удалось установить, кто из фигурантов звонил с домашнего телефона Татьяны по номеру Канипаловой.

О телефонном звонке Евдокия услышала впервые. На мгновение опешила и задалась вопросом: «Паршин не сообщил о телефонном разговоре Эммы, потому что не хотел вмешивать лишнюю информацию в чистоту следственного эксперимента? Забыл, запарился или попросту не захотел?»

Обидно. Но времени на рефлексии нет. Проглотив досаду, Дуся быстро вклинилась в мужской разговор:

– Саш, а когда поступил звонок?

– Собираешься включить поправку в реконструкцию? – хмыкнул капитан. Дуся предположения не подтвердила, и Ханькин серьезно продолжил: – Звонок последовал без пятнадцати шесть. Через полчаса после того, как Канипалова толкнула речь. Приблизительно за час до убийства.

Евдокия закусила губу, оглядела мужиков, подумала немного.

– Значит... – сказала тихо, – теперь вы полностью уверены, что убийца Эммы и, вероятно, Котова сидел в гостиной Таты. Если никто не сознался в том, что разговаривал с убитой секретаршей по телефону, а... никакой наемный убийца не мог проникнуть в квартиру и позвонить Эмме...

– Дусь, не занимайся ерундой, – оборвал Ханькин. – Версия с заказом от конкурентов давно накрылась. Работаем по родственникам и друзьям.

– Эмма пришла кого-то напугать, и у нее получилось, – плавно подытожила собственные мысли Землероева. – Кто-то очень серьезно воспринял ее намек на нежелание скры-

вать некую информацию и, прежде чем Юля отправилась к ней, успел по телефону договориться о молчании. Так? Юля пришла... секретарше уже кто-то позвонил и успокоил: мол, детка, наши договоренности в силе, не гони волну. В разговоре с Юлей Эмма начала нести чепуху о работе и квартире... Потом... Потом пришел убийца и прикончил строптивую свидетельницу.

Мужчины великодушно позволили сыщице Дусе выговориться и построить версию. Пожалуй, после выступления (многих выступлений!) Землероевой на реконструкции и Ханькин, и Павлов начали воспринимать ее более серьезно. Тем более что, строя версию, девчонка еще раз продемонстрировала определенные мыслительные навыки.

Наполненные в четвертый раз рюмки стояли нетронутыми, профессионалы сыска приступили к предметному обсуждению последних событий.

– С какого убийства начнем? – задавая тему, сказал Паршин: – С Котова или с Канипаловой? Жильцов дома, кстати, уже всех выловили?

– Нет, – поморщился капитан. – Такой бардак! А еще сто степеней защиты себе начислили, мать их... прости, Дуся. Продолжаю. По прошлой пятнице не удалось установить нескольких человек: кто-то поднимался на двадцать девятый этаж и проходил в дверь квартиры возле прохода на пожарную лестницу: мужик был в широкополой шляпе, лица не видно, жильцы квартиры до сих пор отсутствуют. Па-

ра работяг с малярными валиками куда-то испарились с камер. Очень интересные ребята, кстати, нелегалы-азиаты. Но в связи с последними событиями мы перестали очень уж усердно их разыскивать, легче идти от нанимателя с поминок. Еще компания малолеток туда-сюда шныряла... На двадцать седьмой этаж цветы доставляли, а там камера через пень-колоду фурычит... В общем, рыли много, толку мало. Сам знаешь, все разговоры об абсолютной безопасности шикарных хат – туфта на постном масле. Если бы не исключительная изолированность «верхушки» от остального жилья, можно было б ставить и на мужика в шляпе, и на маляров, и на молодняк с цветами.

– А если вернуться к нашему прежнему разговору? О том, что убийца должен был наблюдать за подъездной дорогой к дому?

Дуся наострила уши, удивляясь, как много, оказывается, обсуждалось за ее спиной; опыта попутно набиралась.

– Ты об окурках, оставленных в пепельнице на пожарной лестнице?

– Да, – кивнул Паршин и, заметив заинтересованность уже слегка обиженной помощницы, быстро пояснил: – Убийца должен был откуда-то наблюдать за подъезжающими машинами, Котова убили буквально за несколько минут до нашего прихода. Самое удобное для этого место – окно пожарной лестницы на последнем этаже, где, кстати, открывалась дверь к квартирам «цитадели». Понимаешь?

Землероева с готовностью кинула: еще бы не понять. Картина выстроилась окончательно.

Преступник, откуда-то зная, что у Юлии и Николая назначена встреча на семь вечера, затаился у окна на пожарной лестнице и, как только увидел на подъездной дорожке приметную красную машину Юлии, открыл дверь сворованным у Котова ключом (или в точности подделанным, что тоже указывает на ближний круг) и прошел к Николаю. Убил, настроил этажей из посуды, дождался, пока Юля и ее гость пройдут на кухню, стащил платок, быстренько подсунул его под труп и смылся, оставив электронный ключ у Котовых(?).

– Вам удалось установить, кто тогда позвонил на домашний телефон Юлии и заставил ее бегать по квартире?

Ханькин одобрительно хмыкнул и произнес любимое словечко:

– Шурупишь.

Если проследживать Дусину логику, то, прежде чем смыться из квартиры, преступник должен был оставить в доме один единственный работающий городской телефон, спрятать его в кабине рядом с трупом и звонком заставить Юлию зайти туда сразу же после появления в квартире. Иначе труп мужа Юля могла бы не заметить долго и тем подпортить стройную картину с точным, поминутно выверенным временем убийства. Грохот над головой старших Котовых должен был возвестить о трагедии максимально быстро.

– Звонок на домашний телефон Котовых прошел с неуста-

новленного мобильного аппарата, – конкретизировал капитан.

Если б Дуся не боялась подпортить возникшее вдруг ре-
номе доки сыска, она б по-бабьи приложила ладошки к ще-
кам и заунывно протянула: «Какой ловкач, какой ловкач, ре-
бята нам попался... Подстроил все – не придерешься!»

Посетовать на ум преступника хотелось очень. Еще не
меньше хотелось попенять на следствие: «Что ж вы, ребята,
так в профессионального киллера-то уперлись? По шабло-
ну-то пошли? Думаете, раз грохнули богатого мужика, зна-
чит, нужно искать конкурента, что мощной потряс, на убий-
ство чужими руками раскошелился, да? Столько времени
потеряно! Трясли бы сразу ближний круг, как вам Олег со-
ветовал!»

– Что с мотивами? – спросил Паршин, показывая, что со-
лидарен с мыслями помощницы и настроен до последней
нитки прошерстить ближайшее окружение покойного бизне-
смена.

– Вагон и маленькая тележка, – вздохнул капитан и поко-
сился на Павлова, переадресовав тому честь развернуть от-
вет.

Дима оставил в покое зубочистку, так и не сумевшую
извлечь кусочек грецкого ореха из-под десны, причмокнул
языком и отчитался кратко:

– Долги, бизнес, наследство, личная неприязнь. Полный
джентльменский набор, если добавить к нему еще и разбор-

ки с любимыми женщинами.

Намек на любимую женщину из числа своих одноклассниц Паршин постарался не заметить, уперся с финансы:

– Кто должен Котову? Имеется в виду из тех, кто присутствовал на поминках.

– Рощины, Лихолетовы живут практически за счет родни. Станислав Леонидов мог на работе что-то накосячить.

– Про косяк это – слухи или достоверность?

– А ты попробуй за неделю двойную бухгалтерию любой многоуровневой организации насквозь прокопать, и перестанешь задавать вопросы. – Следователь Дима Павлов давно оперился и больше молчал при беседе старших друзей исключительно из уважения к последним. – Я говорю – мог накосячить. Бизнес крупный, многоотраслевой, Леонидов завязан на поставках...

– Понятно, – хмуро мотнул головой Олег. – Ничего против Станислава вы не нарыли. Что по мотивам личной неприязни?

Павлов развел руками.

– Все как обычно, если оперировать стереотипами – бывшая жена, дети не могут из-под отцовской пяты выбраться. Наследство тут же – все для них, для родимых деток.

– Кто-то из детей мог испытывать такую ненависть, что до убийства докатился?

Следователь изобразил туманную мину: мол, кто ж их, спиногрызов, знает?

– Олег, – напоминая, вклинилась Дуся, – Юлия говорила, что Котов обещал младшему сыну машину купить, если тот зимнюю сессию хорошо сдаст.

– Чего это ты про Валика вспомнила? – ехидно ввернул Паршин. – Он же у нас отличный парень.

– И что с того? Башни сносит не только у злодеев. «Милые» паренки тоже, случается, старушкам черепа кроют, а все соседки удивляются: «Какой приличный мальчик, в жизни не поверим...»

– Друзей и университетское окружение Валентина мы проверили, – задумчиво произнес Ханькин. – Учебу тоже: хвостов у парня нет, успеваемость вроде бы в порядке...

– Это текущая, – насмешливо фыркнула недавняя студентка Дуся. – А если у Валика в потенциале назревает такой облом, что никакая машина на день рождения не светит? А он уже экипаж для «Дозора» набрал. Нахвастался. Перед мальчиками и девочками. С преподавателями надо конкретно говорить, а не зачетки проверять, понятно?

– Может быть, ты и поговоришь? – немного разозлено (тоже мне, есть никто и звать никак, в сыске без году неделя, а туда же – поучает) предложил Ханькин.

– А может, и поговорю, – беспечно отозвалась слегка подвыпившая Дуся. (Тоже мне – ком с горы, профессионал и монстр сыска. Восемь дней по городу бегал, конкурентов, блин, на понт брал.)

Молодое поколение и матерый сыщик поиграли взгляда-

ми...

– Да проверяли мы, Дуся, проверяли, – примирительно заговорил Павлов (тоже не такой уж давний студент). – Преподаватели Котовым в целом довольны.

– Все-все-все? – закусила удила «без году неделя». – И только «в целом»? А частности рассматривали? А...

– Так, Дуся, брейк! – Паршин резко шлепнул ладонью о стол. – Угомонись.

– А что они, а? Олег, я что не знаю – с нужным преподам не поговорили, заболел он – и вся версия о неподаренной машине насмарку!

Ханькин насмешливо и слегка устало покосился на Олега, головой покачал.

– Слушай, Паршин, она у тебя всегда такая въедливая или к сегодняшнему нарочно подготовилась и никак успокоиться не может?

– Нет, Саша, – ответно усмехнулся сыщик, – подумай о том, что Дусе легче нашего ковыряться в подозреваемых из числа студенческой молодежи. В них она понятное видит, а на старичках... ломаются молочные зубки молоденьких девушек.

Дусе показалось, что потолок ресторана разверзся и на нее проникло то, что обычно извергается из хлябей небесных, – холодная вода потоком и за шиворот. Уже нешуточная обида затопила Дусю: стараешься, стараешься, из кожи лезешь, а тебе, мол, зубы, детка, обломаешь?! – еще немного и пока-

пает из глаз.

Возникшее недавно реноме упрямо втянуло внутрь то, что готово было вылиться из глаз и носа. Обретя горделивую позу, Евдокия сделала вид, будто последний намек не про нее, и даже взором никого не испепелила.

Но сыщиков не проведешь. Перехлестнувшись с друзьями сочувственными взглядами – мужики Дусе как на подбор сплошь добродушные и милые попались – Паршин попросил:

– Расскажи-ка ты лучше, Дуся, что думаешь об Эдике, а ты, Саша, послушай.

Спасибо. Евдокия едва не поклонилась в благодарность за возможность еще немного поблистать, но вспомнила о позе – блистающие умницы принимают комплименты как должное, без реверансов.

По мере продвижения рассказа Дуся поняла, что некие ее суждения о старшем внуке Котовых Олег до сыскарей донес. Но коли уж дали возможность отличиться – не упустила случая. Отрапортовала дельно, кратко, выразительно.

Немного кислый взгляд Ханькина бальзамом душу не порадовал – видали мы таких тупых да хитрых Эдиких. Подобные вот типчики такие лапти заплетут да бороды наклеят, сам черт не разберет, откуда уши выросли.

Паршин правильно прочел взгляд капитана, потер пальцами подбородок и, оставив обсуждения Эдика, перевел разговор на старших Котовых:

– Родители?

– Не замечены, не состоят, – глотнув минералки, ответил Дима. – Мать самодур, конечно, бытовая инквизиция присутствует. Но за то, что сын выбрался из-под подчинения, – не убивают.

– Убивают, – задумчиво не согласился Паршин.

– Не в этом случае, Сергеич. Мать гордится сыном, как Звездой Героя.

– Проехали. Про какие-нибудь терки с отцом слышали?

– Не-а. Хороший дядька, ветераны на него молятся. Финансово совершенно независим.

– Я слышал – он погуливает?

– А кто не без греха?

– Тем более что ветеран жив-здоров, чего и нам желает, – вставил Ханькин.

– Вернемся к Роциным, – кивнул Олег. – Борис собирался с Котовым кооперироваться?

– Было дело, – солидно кивнул Павлов. – До настоящих переговоров не дошло, все на уровне кухонных посиделок оставалось – Ядвига была против объединения бизнеса.

– Это я уже знаю, – поморщился детектив. – Что-то в этом вопросе могло заставить Ядвигу или Бориса пойти на убийство?

– Маловероятно, – задумчиво проговорил следователь Павлов. – Все было только на словах, одни прожекты... Тем более что после ухода Котова к Закревской переговоры во-

обще остановились – Жанна Генриховна дама цепкая, мимо себя ничего не пропустит. У нее наверняка есть свое видение ситуации на рынке, до старых институтских друзей потенциального мужа ей дела нет – бизнес есть бизнес, тут главное – выгода, а не взаимные уступки двух друзей.

– Закревскую как возможного заказчика мы не рассматриваем? Даже в смысле ревности? Вдруг любовник решил к жене вернуться, все такое...

– У Котова и Жанны все было серьезно, – отрицательно помотал головой Ханькин. – Адвокаты начинали оформлять бумаги для бракоразводного процесса.

Когда Паршин ненадолго вышел из-за стола, Ханькин склонился над столом и тихо спросил Дусю:

– Евдокия, слушай, ты сама-то что обо всем этом думаешь? Уж больно все обстоятельства крепко на Юле Котовой сходятся, а ты с ней много дней бок о бок провела. Могла она мужа и секретаршу грохнуть?

Землероева состроила максимально серьезную физиономию и помотала головой:

– Я верю Олегу – мужа она физически не могла убить. Паршин человек опытный, если говорит, что времени не было, значит – не было.

Ханькин при этих словах поморщился, понимал, что, как бы ни сходилось все на Юлии, оба убийства крепко связаны. Тут, можно сказать, цепь идет. Но профессионал не должен упускать и вероятности того, что первое убийство Юля зака-

зала исполнителю, второе, ввиду цейтнота, исполнила сама.

– Прежде чем ответить по второму пункту, – продолжала Дуся, – скажи мне, Саша, Канипалову мог убить слабосильный человек? Женщина, девушка, пенсионер...

Ханькин сделался еще кислей.

– Нож, которым секретаршу зарезали, из отличного германского набора. Подобными небольшими, но очень острыми ножами мясники кости из туши вырезают – вошел между ребер как по маслу. Точно в сердце.

– Хорошее знание анатомии могло помочь?

– На маму-врача намекаешь?

– Ну, будем считать, к слову пришлось.

– Даже если бы резак просто в область сердца прошел – он бы все артерии там перерезал. Удар хороший, но нанести его могла и женщина, и человек просто понадеявшийся, что после таких ранений не выживают. Я тебя вот о чем спрашивал: по складу характера, по некоторым высказываниям Юлия способна возненавидеть кого-то до смерти?

Евдокия задумалась еще крепче, согнала на лоб морщинки...

– Саша, Юля на поминках какой-то дряни наглоталась. Ходила словно зомби. Мне кажется, в таком состоянии она была не способна подняться к себе за ножом, зарезать секретаршу, а потом как ни в чем не бывало вернуться к Татьяне.

– А может быть, как раз наоборот? Успокоительные пилюли помогли ей остаться для всех невозмутимой?

– А зачем тогда убивать Эмму своим ножом? Канипалову убили на кухне, там других ножей навалом. Зачем Юлии подкидывать лишнюю работу адвокату? Зачем указывать на себя?

Ханькин откинулся на спинку стула и усмехнулся:

– А из хитрости. Для объективного сомнения. Ведь получается, действительно – зачем? Зачем все так плотно сходится на Юлии? Она женщина умная, если б мужа убила, то не пошла б разыскивать случайного свидетеля-одноклассника, а алиби себе состряпала понадежнее. Секретаршу зарезала – а на фигуа своим ножом? Чем больше вопросов и загадок, Дуся, тем вероятнее сомнение возникнет и...

– О чем базар? – За стол вернулся Паршин.

– Да Юле твоей кости моем, – не стал увиливать капитан. – Евдокия уверена, что такая умная женщина, как Котова, не могла специально столько собак на себя навесить.

– А ты как раз уверен, что именно исключительно умная женщина сможет работать под обоснованное недоверие в расчете на доброту присяжных-обывателей?

Ханькин красноречиво пожал плечами – детектив как будто подслушал часть его разговора с Дусей.

* * *

Разобиженная намеками Паршина на молочные зубы, Евдокия не пошла в университет разыскивать вероятного заболевшего препода. В «цитадель» тоже не отправилась. Боялась, что после ее многочисленных выступлений на след-

ственном эксперименте на вахте в холле лежит записочка с фамилией «Землероева» и приказом – не пущать! Даже в том случае, если болтливая сыщица наврет, будто оставила на верхотуре любимую зубную щетку, ее с домработницей Люсей вниз переправят.

Дуся пошла в офис строительной фирмы Котовых, рыть землю по следам секретарши Канипаловой. У такой хваткой красотки, как Эмма, наверняка найдется парочка-другая подкожных подружек, способных вволю поболтать об убиенной – с «сочувствием», без протокола.

И прежде чем стучаться лбом в пуленепробиваемое стекло отдела регистрации посетителей, благоразумно позвонила Леонидову.

– Станислав Натанович, не могли бы вы принять меня в офисе и представить сотрудникам? Я хотела бы...

Объяснять чего бы она хотела и почему зайвится, Дусе не пришлось. «Какой-то там директор» был сама любезность и готовность. «Конечно, Евдокия, о чем разговор. Приходите, беседуйте, я окажу, поспособствую, представлю, дам приказ...» Учтивость Леонидова распростерлась вплоть до личной встречи у конторки выписки пропусков. Евдокия чувствовала себя персоной ВИП, директор помогал снять шубку, секретарша уже и кофе в кабинет доставила...

– Делайте все, что считаете нужным. – Огорошенный последними событиями Леонидов был слегка испуган. – Не могу просить вас держать меня в курсе дела, понимаю – тайна

следствия, но... – Станислав скривился: – У нас такой коллапс назревает... Юленька отошла от дел, Коли нет... Господи, мне даже не верится, что это все когда-то кончится!

Леонидов взмахнул рукой, поправил немного сбившийся галстук.

– Станислав, – в первые минуты встречи директор попросил Евдокию оставить отчества, – разрешите мне начать с вопроса вам?

Леонидов с готовностью кивнул.

– Вы не могли бы мне сказать, на каком этапе находились переговоры об объединении с фирмой Рощина?

– Николай попросил Бориса сделать аудит, – кривя лицо, как будто собирается заплакать, бодро отрапортовал директор. – Аудит должна была делать фирма Закревской... Но окончательного решения не принял еще ни Борис, ни Николай – так что разговоры, разговоры...

– Но разговор ведь шел об аудите? А это уже продвижение к консенсусу?

Леонидов пожал плечами:

– Ядвиге принадлежит солидная часть фирмы Рощиных, без ее согласия на объединение все могло так и остаться на уровне болтовни. – Сам Стас был разведен много лет назад и оставался в твердом убеждении, что жены и бизнес должны пасть на разных лужках.

Дуся и директор еще немного поболтали о семье и «банде», прошлись по некоторым деталям субботней реконструк-

ции.

– Вы не могли бы мне сказать, с кем более всех здесь дружила Эмма? – в итоге спросила Евдокия.

– Секретарши не моя епархия, – смущенно скуксился Стас. – Но, Анечка, мой референт, введет вас в курс. – Нажал на кнопочку селектора, пригласил Анюту в кабинет и повелел той быть поводырем для молоденькой сыщицы.

Профессионалы сыска уже прошлись по всем школьным, университетским, дворовым и рабочим подружкам убиенной Эммы. Евдокия, думая о том, что в связи с убийством шефа и секретарши «собака закопала косточку» в непосредственной близости от рабочего стола Эммы Канипаловой, отправилась туда – к уютному предбаннику в стиле хайтек, к двум кадкам с сочным фикусом и пальмой – и даже посидела в кресле Эммы, любуясь видом на начальственную дверь.

Подумала немного.

Анюта «какого-то директора» не сказать чтоб оказалась сыщице полезной. На девушек, услышавших о двух убийствах, вообще немота нападает, и эта тоже не явилась исключением. Когда сыщица Землероева храбро уселась в кресло покойной, референт так посмотрела на Дусю, словно та душевно заболела и совершила святотатство. В глазах у Ани пылала возмущенно-гневная отповедь: тут кресло, можно сказать, не остыло, а ты уже в него уселась, дорогуша! Ничего святого в людях нет.

Землероева же невозмутимо поглядела на пышный букет с печальной лентой возле фотографии жизнерадостной усопшей; потрогала бумажки на столе, покрутилась вместе с креслом и, решив, что произвела уже достаточное впечатление, поставила локти на столешницу. Положила подбородок на ладони чашечкой и, задирая его чуть выше, чем требовалось для внятной речи, произнесла:

– А скажите-ка мне, Аня, каким человеком была Эмма Канипалова?

Аня, бывшая старше душевно черствой Дуси лет на восемь, гневно хлопнула ресницами:

– Эммочка была отличной девушкой! Хороший работник, заботливый друг, внимательный...

Землероева, в мыслях которой акулы со стальными челюстями слабо монтировались с заботой и дружбой, громко хмыкнула и убрала подбородок с ладоней.

– Ань, ты мне тут насчет любви и дружбы не втирай, а? Я с Эммой немножко познакомилась, такие как она друзей на завтрак кушают. – Внушительные клееные ресницы хлопнули уже не так отчетливо. В глазах плеснулась поговорка «о мертвых либо хорошо, либо рыба об лед». – Давай говори, кто тут был самой злейшей подружкой и загадычной сплетницей?

Ресницы некоторое время шлепали в ритме виртуозно исполненного «Полета шмеля», Дусе показалось, даже ветром обдало. (Интересно, у Леонидова изначально вкус на нату-

ральность подгулял или общая мода на искусственную красоту уже позже привилась?) Пошелестев густо подведенными опакалами, Анюта наконец-то привлекла и руки: сделала круговой жест наманикюренной когтистой лапкой, подразумевающий – да все.

– С кого начнем?

– Пожалуй, с Насти, – вздохнула референт, слегка нахмурив гладкий лобик.

Анастасия Лыжина слишком часто посещала солярии, но в остальном была девушкой разумной и, на Дусино везение, изрядно словоохотливой. Прозрачная розовая помада (насколько возможно) хорошо сочеталась с щеками цвета тертого кирпича, белокурые волосики лежали ровно, подкаченные в тренажерных залах плечики то и дело недоуменно поднимались:

– Ума не приложу, кто Эмку грохнул. Она своих мужиков особенно не светила. – Тут Настя вроде бы пожаловалась. – Семей, – за скобками читалось «пока», – не разбивала. Чего она с Котовыми не поделила... – плечи ушли вверх почти до уровня ушей, – не понимаю.

– А с чего ты взяла, что Эмма с работодателями чего-то не поделила? – уцепилась за оговорку Евдокия.

– Так это... – вильнула взглядом загадочная подружка секретарши, – ее же там убили... Все знают, что в дом к шефам просто так не пробраться и чужих на поминках не было.

Резонный вывод, мысленно согласилась Дуся, народ, как говорит капитан Ханькин, шурупит, причем в правильном направлении.

– Эмма что-нибудь рассказывала о том, как ей живется рядом с начальством?

– Ну так... Немного. Дружбы они не водили – кто Эмка, кто они...

– То есть – после поселения Эммы в доме Котовых в их отношениях ничего не изменилось?

– Конечно нет. «Здравствуйте, Николай Егорович, до свидания, Юлия Владимировна». «Чай, кофе, документ на подпись». Начальство с секретаршами не дружит, – многозначительно проговорила Настя. – У них свой круг, у нас свой.

– Постоянный бойфренд у Эммы был?

– А кто ж ее знает? Я ж говорю – не показывала, не светила.

– Почему? Вы же подруги. Эмма... боялась конкуренции?

Тонкая лесть подогрела атмосферу до градуса гораздо еще большей откровенности:

– Так было не всегда, – доверительно склонилась Настя. Девушки сидели за столиком уютной столовой офиса, вполне тянувшей на ранг ухоженной кафешки с неплохим меню. Дуся пила кофе, приверженка здорового образа жизни дула фреш. – Таинственность началась примерно с полгода, может быть, чуть больше. – Красноречивая пауза. – А раньше мы вместе тусовались. Потом... Эмма «нашла какую-то те-

му»... Понимаешь?

Прежде всего Дуся понимала, что не бывает злей подружки, чем та, которую кинули на мужиков. «Это мне повело наткнуться», – порадовалась Землероева и с пониманием мотнула пышной шевелюрой. Сдула с глаза нацепившуюся на ресницы челку и превратилась в синоним внимания.

– Год назад Эмка зацепила неплохого мужика. Почти раскрутила его на двушку в спальнике, но что-то не срослось... Тот на Катьку переориентировался...

– Мужик из вашей фирмы? – быстро попросила уточнить Дуся.

– Не. Катьку мы по фитнесу знаем. Вовик ее на пивной тусе в «Бавариусе» зацепил, Эмка, дура, сама привела, знала же – на рыжих западает. Он...

– С Вовиком проехали, – перебила Дуся. – Последние полгода Эмма была одна?

– Ну ты, подруга, наивно завернула! Эмка? Одна? Да за последнюю ее «шкурку» кто-то десять тонн зелени выложил!

– Ого. У Эммы появилась дорогая шуба?

Анастасия фыркнула с такой искренней завистью, что Дуся захотелось посмотреть на эту «шкурку».

– Я тебе говорю – Эмка раскручивала неплохую тему, – доверительно наябедничала загорелая Настена. В ярко-зеленых глазах загорелось восторженное одобрение, слегка притушенное осторожностью – как-никак убили везучую заразу Эмку. Шкурки, шкурками, а своя все ж ближе к телу и един-

ственная. (Хоть и, на взгляд Евдокии, излишне подкопченная в соляриях.)

– А этот тайный бойфренд мог быть с вашей работы?

– На Егорыча, что ль, намекаешь? На шефа? – насмешливо хмыкнула Настя. – Не, тот – кремень, к нему девочки с таким экстерьером подкатывали...

За этим высказыванием тоже полыхало многое. И зависть к чужому экстерьеру, и толика одобрения кремнеподобных семейных уз и стойкости Котова, и непонимание – как морально устойчивый шеф соблазнился бабушкой Закревской, когда вокруг мелькают загорелые и юные мордашки?!

Евдокия мысленно усмехнулась: рассказ-роман в одном едином предложении. В рассказе бушевали интриги за сердце твердокаменного шефа, просматривались хитроумные батальные наскоки, длительные обсуждения осадной тактики – порода современных офисных хищниц не дремала.

– Ну а Станислав Натанович, к примеру? Мог он с Эммой замутить?

– Стасик? Он ни одной юбки не пропустит, несерьезная тема, только время зря убьешь. – Здесь проскользнула печаль о скоротечности поры мордашек и крепких попок без намеков целлюлита. – Да и «шкурка»... не его конек. Он, прикинь, Ирке Мурашевой вообще ролики на День влюбленных подарил...

– Мгм, – прикинула Землероева. – С роликами – это круто.

– А я о чем?

– Ты про Бориса Рощина что-нибудь слышала?

Вопрос был не пустым. Дружба дружбой, а информатор на стуле секретарши друга-Коли не помешает. Таких девчонок – ценят. (Если опять-таки вспомнить «шкурку».)

– Борис, Борис, – пропела Настя, – Рощин, Рощин... Нет, не слышала. А кто это такой?

Потенциальный шеф, могла бы по-доброму насплетничать Дуся, но удержалась.

– Так, пустяки, один знакомый Котовых.

Анастасия уважительно кивнула – Землероева в верхах крутилась.

– В квартире Эммы обнаружили несколько недавних фотографий с мужчинами, – продолжила расспросы Дуся. Эти снимки она видела, но ни одной мужской персоны не опознала, только получила впечатление – последние месяцы Канипалова находилась в активном поиске. Ни единой повторенной мужской физиономии на фотках не было. – Тебе их случайно не предъявляли для опознания?

Анастасия махнула рукой:

– Предъявляли. Туфта. «Центровые кексы» – папашины халявщики. Эмка лучше б с их папиками замутила. Там лыжный инструктор, приятель по универу – несерьезно.

– Но серьезный кто-то был, – без вопросительной интонации уточнила Землероева.

Настя важно мотнула головой:

– Да, раз «шкурка» серьезная. Такие соболя лыжный инструктор потянет только в складчину со всеми Эмкиными одноклассниками. Она в каком-то захолустье за МКАДом училась.

Девушки еще немного поболтали. Анастасия совершенно неожиданно понравилась Дусе – девчонка не изображала из себя святую офисную невинность (подобно силиконовой Аниоте), не притворялась нежнейшим цветком лотоса, а в лоб показывала – поиск богатого мужа ведет с открытым забралом, ногами и бюстом.

– Скажи, Настя, с кем я еще могу поговорить об Эмме? – в итоге спросила сыщица Дуся.

– А ни с кем. Точнее, со многими, но лучше меня Эмку здесь никто не знает. И если уж я не смогла тебе нормально помочь, то остальные... – Лыжина пощекотала воздух длинными пальцами с подточенными коготками, – вообще не в теме. Ты телефончик, кстати, оставь. Может, пересечемся, а может, я что вспомню или выпрошу...

В институт, крошить подозреваемый молодняк молочными зубками, Евдокия все же съездила.

Побегала по аудиториям, лично выловила практически каждого Валиковского препода, потолковала, понадоедала и только через полтора часа узнала, что бегает проторенным путем. Тем же утром в понедельник – пока Землероева в приличном тихом офисе кофеи с Настасьей распивала – по

универу пронеслись ребяташки Ханькина.

Прониклись, оказалось, монстры сыска Дусиными указаниями на нерадивость.

Приятно, черт возьми. Бальзамом греет.

Вечером позвонил Паршин и сообщил, что Юлю отпустили под подписку и домашнее содержание. Но к Евдокии ма-тушка с батюшкой полны упреков приехали – куда ты, дочь, запропастилась, столько дней не виделась! Дуся маму с папой накормила ужином, спросила, как работает новая посудомоечная машина...

В отличие от отставного капитана, спустившего часть последнего гонорара на пропой ментов, Евдокия Землероева распорядилась денежкой более разумно. Капельку в банк отнесла, часть потратила на покупку и установку посудомоечной машины в кухне родителей. Когда мама прослезилась от подарка, поняла, что радовать родителей – высшее наслаждение! – себе купила умопомрачительные конфеты и новый дамский детектив.

Дуся сразу же позвонила Котовой, сказала, что приедет поздно вечером, как только уедут родители. Но уставшая Юлия, голосом смертельно больного, измученного человека, попросила не беспокоиться: она хочет как следует прополоскаться в ванной, выпить чаю и рухнуть спать. Пропит, наверное, до самого полудня. Квартира на сигнализации, камеры внутри периметра в рабочем состоянии, так что:

«Спасибо, Дуся, за заботу, но я хочу немножечко побыть одна». «Государственную камеру хранения» вместе с Юлей Котовой делили: пожилая проститутка, переквалифицировавшаяся в «мамки», тетка, убившая мужа тяжелой ручкой древнего складного зонта, и две шумные женщины не христианского облика.

Дуся пообещала приехать завтра. Не слишком рано, чтоб Юля выпалась.

* * *

Погоды на улице отличные стояли. Солнце без малейшего мороза, что, согласитесь, не совсем типично для готовой к новогодним праздникам Первопрестольной.

Евдокия немного постояла на широком и высоком крыльце приличной московской новостройки; подождала, пока глаза привыкнут к яркому полуденному солнцу и бликам от сугробов. Перчатки попутно натянула.

Милый сердцу дорогой «фольксваген» – достойного дымчатого цвета – тихонько загорал за решетчатым забором.

Дом, в котором проживала Дуся, по каким-то замысловатым почвенным нюансам не смог обзавестись подземной парковкой. Благодаря не менее затейливым градостроительным препонам не смог оккупировать под стоянку близлежащие территории – милый сердцу «немец» сверкал под солнцем в некотором отдалении от крыльца, за забором. В этот

дом Дуся заехала позже большинства жильцов, шустро расписавших парковку (под два-три семейных автомобиля!), и сейчас немного воевала с соседями за метры на стоянке. Пару месяцев назад неподалеку построили современную многоуровневую парковку, но цены за постой ломили настолько немыслимые, что на общем собрании жильцов Дусино дома в который раз поднимался вопрос об установке дополнительной охраны, достигающей автомобилей за забором.

Вопрос подняли, обсудили, но хитрые «домашние» охранники выставили драконовскую калькуляцию. В результате чего жильцы решили вначале пролоббировать в мэрии вопрос относительно захвата кусочка городских территорий (сиречь «дать столько, чтобы взяли»), просчитывали и высчитывали – пока не получалось. У парней, что выстроили недалеко парковку, тоже нехилое лобби оказалось: жильцам категорически советовали раскошелиться на плату за постой автомобилей.

...В самом приятном расположении духа Евдокия спустилась с крыльца, прошла мимо будки охранника на въезде во двор, огибая сугробы, добралась до немца и чуть не разрыдалась.

«Фольксваген» приседал на оба правых колеса.

Какой кошмар! За последние месяцы Евдокия три раза меняла проколотую резину, на левом боку драгоценного дойчавто зияли две царапины. В диверсиях подозревались: хитроумные охранники (не получившие деньги на увеличе-

ние штата и обслуживание пограничных территорий), работяги из ближайшего автосервиса (к ним пару раз отправлялись мужики-соседи профилактически бить морды) и конечно же новоявленные многоуровневые парковщики (Дуся видела их полубандитские рожи, они ей сразу не понравились).

Усевшись в сугроб, Евдокия немного порыдала от злости. Запаска – одна. Сил тоже далеко не две лошадиные. Вспомнила недавний совет: не быть девочкой для битья, скандалить с привлечением властей в лице милиции, – и пошла к будке с сонным охранником.

Маленько покричала в заспанные очи мужика в тулупе. Была перенаправлена к конторке в дом, где охранники в костюмах были выше рангом. Там тоже дала разгон.

Через пять минут наоравшаяся Дуся топала к многоуровневым парковщикам, с приданным ей в качестве морального и боевого подкрепления могучим молодцем Серегой из числа охраны дома.

Молодец сочувственно бубнил все пятьсот метров от дома до стоянки. По его словам выходило, что парковщики, в натуре, обурели: который автомобиль возле дома покалечили. Охрана устала мосты наводить и миром разруливать, пора – наехать. Но шеф охранного агентства чего-то телится. Типа, сначала с поличным подловите, а потом предьяву кинем...

Дуся, почти не вслушиваясь, разозлено шагала вдоль сугробов по узкой дорожке. Судя по лексике, охранный молодец не шибко отличался от тех, кто уже разглядывал ком-

панию из Дусю и Сережи в окошко небольшой конторки у въезда на парковку.

Вопить Дуся устала еще двадцать минут назад. Честь драть глотку на парковщиков отдала охраннику Сереге.

Серега не подвел. С привлечением ненормативной фени объяснил двум пацанам, кто на земле хозяин, спросил имеются ли тут лишние рога и пальцы...

Пацаны в долгу не остались. Послали и Дусю, и Серегу, и хозяина земель...

У Дуси уши трубочкой свернулись. И стало страшно за автомобиль.

Оставив молодца то ли еще один мост наводить, то ли лишать кого-то рогов и пальцев (что в принципе сомнительно, перевес значительный, к пацанам узбек с метлой прибавился), она отправилась назад. Если вызвать ремонтников... попросить их привезти еще одну запаску... надо еще Юле позвонить, сказать – задерживаюсь...

За спиной нарастало некое рычание и дребезжание. Евдокия обернулась назад и, прямо скажем, не поняла что происходит.

Мимо промелькнул автомобильный борт фисташкового цвета. Под колеса машины Евдокия не попала только потому, что чья-то сильная рука цапнула ее за шиворот и отшвырнула на обочину.

...Землероева сидела в сугробе. Рядом сидел перепуганный Серега с лицом свекольного цвета и глазами, по-

лучившими перископический эффект. Неподалеку вихлял хвост улепетывающей обшарпанной «копейки» нежно-зеленого колера.

– Ты чё, в натуре, б...? – пропыхтел Серега. – Жить надоело?.. Я, б..., тебя, б... из под колес, б..., как котенка... Твою мать.

Ошарашенный испугом Серега об этикете напрочь позабыл. Сидел в сугробе и душевно матерился.

Евдокия заполошенно собирала полы шубы под попу. Встать не могла, так как ноги совершенно отказали.

– Это чё, в натуре? – мотая стриженной башкой в сторону исчезновения жигуленка, возмущался охранник. – Это чё было?.. Тебя, типа, мочкануть хотели?!

– Почему... мочкануть? – икнула Дуся.

– Так это, типа, тачка на тебя неслась... Прямо в задницу... Ты чё, кого-то защемила, подруга?.. В один день нехило будет – колеса прокололи... тут ва-аще – засада... – Выпученные глаза Сереги смотрели на Дусю с испугом и некоторым восхищением. – Я, типа, это... слышал – ты частная сыщица...

В первый месяц работы с Паршиным еще не наигравшаяся в детектива Дуся раздавала визитки направо и налево, в том числе не забыла представиться и охране дома. (Потом – жалела. Начало казаться, в спину отпускают хихоньки.)

– Ну, блин, житуха у тебя!! – Серега поскреб в затылке пальцами, похожими на замерзшие сосиски. – Вставай, по-

друга, потопали до хазы... Ментов вызывать будешь?

Вначале Дуся вызвала Паршина, а уж тот связался с Хань-киным и сообщил приметы жигуленка.

Чтобы не возвращаться, сразу отчитаюсь – «жигули» первой модели выпуска семьдесят второго года (приметного нежно-зеленого цвета) были найдены в двух кварталах от Дусяного дома, с распахнутой водительской дверью. На сиденье рядом с водительским лежал «дорожный набор джентльмена»: полупустая водочная бутылка, обертка сникерса с кусочком шоколадки, нераспечатанный презерватив.

Охранники дома смотрели на Дусю так, словно она только что из космоса вернулась. Предлагали помощь – переобуть резину, кофейку пока налить...

На поменять колеса Дуся согласилась, кофе и дома пить не стала, плеснула коньячку, что крайне редко делала.

Хмурый Паршин смотрел, как трясущиеся пальцы Евдокии едва не роняют тонкий бокал, и слушал сбивчивую речь.

– Олег, меня убить хотели! Ты понимаешь – задавить! Я кого-то напугала! На реконструкции! Что-то сказала, что-то сделала, кого-то подловила и – напугала до смерти!

– Дуся, машина – в угоне, водитель мог напиться и сбежать...

– Олег!! Ты меня пугать не хочешь или нарочно тупым прикидываешься?!

– Не критикуй начальство. Я элементарно возвращаю те-

бя на землю, хочу напомнить: о твоих парковочных неприятностях не знают подозреваемые в убийстве Котова и Канипаловой.

Размеренная отповедь Олега не произвела Дусю ожидаемого впечатления.

– Ах да, – с видом дамочки, упустившей на распродаже перчатки, огорчилась Землероева, – ты же не знаешь. Ты не был на реконструкции и ничего не слышал. Дело, Паршин, было так...

В какой-то момент на девятинах затронули водительские качества покойного. Похвалили Колю, Роцин рассказал занятную шоферскую историю из его жизни...

Дуся сидела на поминках незаметной тихой мышкой. На нее не обращали внимания, с ней практически разговаривали – Котова Дуся не знала, добавить ей было нечего. Благородный Боря Роцин решил немного подбодрить девчушку, воспитанно вовлечь в застольный разговор:

– Евдокия, а вы к кому себя причисляете, к автомобилистам или пешеходам?

– К сожалению – автомобилист, – не попадая под восхвалительный настрой автолюбителей, отреагировала Землероева и шумно потянула носом воздух.

Боря поднял брови «почему к сожалению?», прочее общество тоже заинтересовалось. Землеровой пришлось развернуть ответ.

Довольно краткий рассказ Евдокии о парковочно-домо-

вых неприятностях получил неожиданно широкий резонанс. Истерзанные теми же проблемами москвичи бросились давать советы.

Бабушка-отоларинголог продвигала детальные и грозные рекомендации насчет того, куда бежать, чего кричать – не быть вороной! – а тащить на место преступления участкового и возмущенную общественность.

Более рассудительный Борис Рошин предложил привлечь к вопросу остальных жильцов, пощекотать за ребра управляющую компанию. Не быть вороной тоже посоветовал.

Стас Леонидов не предлагал носиться по опорным пунктам и управляющим компаниям, а мудро намекнул, что стоит подключить милицейские связи: «У вас там, Дуся, кажется, все схвачено?».

Будущий автомобилист и младший внук Котовых допустил, что в борьбе с нечистоплотными парковщиками допустимы более изобретательные и радикальные меры. Мгновенно расписал компанию: он, Валик, берется подговорить «дозорных» (за небольшую мзду) на пикет с плакатами, на прозвон «Авторадио», «Дорожного патруля» и прочих шоферских программ. Через Инет можно устроить флеш-моб. На громкий в полном смысле скандал, возможно, отреагируют и прочие молодежные неформалы. С Дуси – «подогрев» и адрес парковки. Через неделю парковщики ее «фольксваген» на руках к себе внесут. «Суточные» для «дозорных» обойдутся дешевле всех прочих заморочек.

Дуся поблагодарила участливое общество. И сказала, что, прежде чем принимать к кому-то меры, сначала надо выловить вредителя.

Общество с разумным доводом согласилось, но осталось на своем – нельзя оставлять подобные выходы без последствий и позволять кому ни попадя устраивать протыкание колес.

... – Олег, они все, всё слышали! – кипятилась Дуся, угораздившая Паршина перепугаться за себя, любимую. – Вот подумай. Если бы меня сегодня на дороге от парковки сбила машина, к кому бы пошли с вопросами в первую очередь? А? – И ответила за сыщика: – Конечно же к этим парковщикам с бандитскими рожами. Я им скандал учинила, Серегу привлекла...

– Евдокия, – спокойно перебил Паршин случайно выжившую Дусю. – Нарочно сбить машиной человека не так уж просто. Вот посмотри – дорога окружена высокими сугробами, так? Что тебе стоило отпрыгнуть в сторону, даже без помощи охранника?.. Машине на сугроб за тобой не вскарабкаться. Это – первое. Второго набирается много: свидетели, встречные машины, твоя собственная бдительность, если в снегу завяз, как потом удирать от очевидцев ДТП...

– Олег. Ты что не понимаешь? – Совершенно искренне обескураженная бестолковостью (или наивным желанием успокоить) Паршина, Дуся округлила глаза. – Важен – прецедент. Повод. Подозрение. Разговоры о скандале. Еще пе-

речислять?

Детектив опустил голову, и Дуся так и не поняла, какая из двух догадок верна: Олег вдруг отупел или подругу беспокоить не хочет?

– Но покушение ведь провалилось, – не очень внятно, но упорно не соглашался Паршин.

– Да что с того?! Если сегодня вечером или завтра-послезавтра меня найдут с пробитой головой? Где-нибудь поблизости от дома... На кого в первую очередь падет подозрение?! На охранников, которым я вселенский разнос устроила или на парковщиков, которым вдвое прилетело? Олег, если на меня устроят покушение неподалеку от дома, следствие обязательно опросит нашу охрану и узнает о скандале... который, кстати, мне посоветовали устроить на поминках. Олег, звони Ханькину, пусть проверяет алиби Котовых и «банды» на момент наезда!

Звонить Паршин не стал. И посему Евдокия заподозрила его в лукавстве. Изображает на голубом глазу недоверие словам и версиям, а сам давно определил задачу Ханькину и Павлову.

Сыщик запретил Евдокии уходить из дома, с трудом согласился отвезти ее хотя бы к Юлии. Вечером туда приехал Саша и рассказал, что удалось узнать об алиби подозреваемых.

***

Печальная бледная Юля накрыла в гостиной чайный стол.

Дуся помогала ей со всем старанием, выглядела вдова, мягко говоря, на троечку: под глазами тени пролегли, губы сжались в две струны, волосы гляделись старым, пыльным париком. Беда – не красит.

Голодный Ханькин убрал с тарелок бутерброды, приготовленные в расчете на всех желающих, умял с десяток канапе, закусил яблоком и грушей. Пока капитан жевал и глотал, Дуся широким щедрым веером рассыпала версии, каждая из которых могла бы послужить неплохой основой для дамского детектива. Версий этих было такое множество, что Паршин, дабы Дуся не запуталась в них с головой, попросил не увлекаться. Не расплытаться сразу на два убийства и одно покушение. А идти последовательно и с конца. Конкретно: с проколотых колес, скандала и наезда зеленых «жигулей».

Землероева не решилась плевать на рекомендации Командира и попросила озвучить алиби подозреваемых.

Объевшийся и потому добродушный Ханькин внял просьбе и кратко, затронув каждого из Котовых и «банды» парой предложений, обрисовал их местоположение на время неудавшегося покушения.

Застройщик Рошин выезжал в область, где у него объект. Время на дорогу ему потребовалось чуть больше, Борис уверял, будто просматривал какие-то участки в какой-то глуши.

Мадам Рощина сидела дома, что подтвердила верная, как пес, домработница, вкалывающая на Роциных лет десять.

Тата и Эдик торчали в «цитадели» и снова давали друг

дружке взаимное алиби.

Полковник мотался по ветеранским делам и есть свидетели.

Отоларинголог самостоятельно варила борщ, так как ее помощница по хозяйству ходила зуб лечить.

Стас Леонидов в пробке загорал.

Валик был в университетской библиотеке. Это подтвердила куча свидетелей и библиотекаряша, хорошо запомнившая паренька в малиновом жакете и огромных башмаках.

Лихолетовы, по причине нетипично приличной погоды, прогуливались в парке, что подтвердили знакомые собачники.

Дуся воодушевленно вцепилась в каждое алиби, разметала все в пух и прах...

Хитрый Ханькин попросил молодую сыщицу умерить темперамент и довериться профессионалам. Под насмешливым взглядом Паршина еще немного поговорил об алиби и его доказательствах.

Машину Рощина видели аборигены какой-то деревеньки, где автомобиль задумчиво стоял между сугробов. Борис действительно рассматривал предложенный земельный участок.

Его жена два часа трещала по домашнему телефону с подружкой, что подтверждает распечатка звонков телефонной компании.

Домработница старших Котовых уверяет со знанием дела: сварить такой борщ за полчаса – уму непостижим, хозяйка

на него часы убила.

Дедушка-ветеран вообще вне подозрений.

Местоположение Стаса удалось установить по дорожным камерам ГИБДД. Леонидов опаздывал на деловую встречу, поминутно на часы смотрел и в точности сказал, в каком районе был в указанное время.

Валентин не такой глупый парень, чтобы не знать – его присутствие в университете позже сверят с показаниями опять-таки камер наблюдения. На это нужно время, которого еще не было, университет – разбуженный пчелиный рой. Но задача вполне выполнимая: паренек приметный, неформальный.

Эдик из дома вяло общался по Интернету с таким же бездельником-приятелем. Тата, правда, выходила из дома, но на минуточку – белье забрать из прачечной, где ее отлично знают. (До Дусинога дома успевала только на вертолете смотреться.)

Знакомый собачник Лихолетовых – генерал МВД в отставке. С ним немножко поговорили по телефону.

Евдокия приуныла.

– А что с машиной? – спросила почти безнадежно. – С «жигулями»?

– А это интересно, – хмыкнул Ханькин. – Жигуль не просто получается приметный, а где-то даже легендарный. Его владелец – шибко пьющий индивид, о сохранности четырехколесного друга не печется. Машина стоит во дворе. Каждый

пацан знает, что забывчивый дед хранит запасные ключи в дупле огромной липы.

– Такое еще бывает? – удивилась Дуся.

– Страна непуганых алкашей и порядочных соседей. Дворик тихий, старый, соседи говорят – машиной пользуются все кому не лень, но почему-то всегда возвращают на место. Лет десять возвращают: сгоняют за водкой или солью в ближайший магазин и снова – на место.

– Действительно – страна... – Дуся поражено покачала головой. – Дед широко прославился?

– Шурупись, – привычно одобрил Ханькин. – По предварительным наметкам, ни дед, ни двор, ни его машина никак не сочетаются с нашими подозреваемыми. Никто там о Котовых и прочих не слышал.

– А Интернет? – с энтузиазмом выдвинула Евдокия. – Может быть, кто-то из пацанов, соседей деда, в Сети весточку кинул – мол, живет такой реликт, машину с ключами вместе оставляет...

– Не лишено, – задумчиво кивнул Александр. – Предполагаешь, преступник узнал о «жигулях» через Интернет?

– Конечно! Половина молодежи мечтает казус на обозрение выставить!

– Проверим. А пока мы, Дуся, проверяем, ты дома посиди. Сиди и думай, за что тебя убить хотели, может...

– Валерыч! – неожиданно прикрикнул Паршин. – Не надо девочку пугать! «Жигули» могли случайно на нее наехать.

Водитель – пьяный, дорога – узкая...

Ханькин немного сконфузился и дал обратный ход:

– Ты, Дуся, правда, не бери в голову... Такие происшествия... да на скользкой дороге...

Евдокия только усмехнулась. Преступник, так ловко подстроивший первое убийство, в цейтноте, наспех совершивший второе... Что ему стоит изобрести ДТП с трагическим исходом? Раз плюнуть ему такой расклад! Тем более что Евдокия сама идею подкинула, рассказала о прошлых неприятностях с парковкой. Тут только подтолкни как следует, проколи еще пару колес – пойдет скандалить и ругаться с бандитскими рожками, с соседями из-за метров на стоянке, охрану дома в хвост и в гриву – подозреваемых получится хоть пруд пруди.

– С ребятами из охраны твоего дома уже всерьез потолковали, машина будет стоять на самом видном месте под камерами.

Вот не было бы счастья, да несчастье подвалило!

Но завоеванное место на парковке обрадовало только на секунду. Дуся посмотрела на бледную тень прежней Юли Котовой и тихо поинтересовалась:

– Юль, а у вас на парковке место для моей машины найдется?

Паршин, показалось, лопнет от досады. Детектив набрал в грудь воздуха для возмущенной отповеди, но Дуся скромно, в лучшей традиции перепуганных младших сестренок,

хлопнула ресницами:

– Двоих нас легче охранять, ведь правда? Я присмотрю за Юлей, она меня поохраняет...

За следующие два дня случилось только одно серьезное (для Дуси) происшествие.

Ночь с понедельника на вторник – спиртное и снотворные таблетки мама признавала пошлыми снадобьями с далеко идущими последствиями, а теплое молоко и мед как-то не выручили – Дуся посвятила не сну, а долгим размышлениям. В итоге чего проснувшаяся Юлия обнаружила Землероеву на кухне, с глазами пылающими, как два бессонных, всю ночь горевших, фонаря.

– Доброе утро есть идея, – без запятых и смысловых пауз проговорила Дуся.

Пока хозяйка верхнего этажа прогоняла остатки сонной оторопи, нетерпеливо ерзала на неудобном табурете, не собираясь блистать идеями перед не полностью очнувшейся женщиной. Ждала.

При помощи кофе и умывания холодной водой Юлия восстала. Оседлала табурет напротив и изобразила умытым и смазанным кремами лицом готовность слушать.

– Нам надо выманить убийцу из норы, – бегая фонарями по выпавшемуся, но бледненькому лицу визави, заявила Землероева. – Чего толку сидеть и ждать, пока меня грохнут, а тебя посадят? Надо действовать!

Вдова с задумчивой оттяжкой кивнула – смысл есть. Пожалуй.

– И как ты собираешься его выманить?

Заметив в Котовой готовность проникнуться блестящим замыслом, Евдокия разродилась текстом:

– Слушай, что я придумала. Ты дашь мне все номера со-товых наших подозреваемых, на каждый телефон я отправлю СМС в стиле «я знаю, что ты делал прошлым летом», гони лаве, короче. Могу даже подписаться, пусть сволочь думает, будто я вспомнила то, чего мне на реконструкции не понравилось, и больше испугается, поверит... Каждому из подозреваемых назначу тайник – одному за батареей на подземной парковке, другому в камере хранения магазина, третьему... В общем, время есть – придумаю. Останется только подождать немного и к вечеру обежать тайники. Чей тайник тот, где деньги, тот и есть убийца. – И задала вопрос, судя по озабоченно нахмуренным бровям беспокоивший ее более всего: – Как думаешь, сто тысяч евро запросить – не много? – И пока слегка ошарашенная изобретательностью жилички Котова не ответила по сути, ораторствовала самолично: – Я вот что думаю... Для Эдика наличка в сто штук евро – запредельная мечта. – Брови насупились совсем серьезно. – А запросить поменьше... как-то не солидно. Богатые люди за свои шкуры выложат и больше... Но Эдик, Валик... Может быть, у Рощина и Стаса по пол-лимона цыганить, а у пацанов штук пять потребовать... Что посоветуешь?

Юля Котова рассматривала Землероеву с непередаваемым выражением на лице. Во взгляде смешались удивление, изучение, недоверие тому, что слышит, крупинка восхищения присутствовала и даже толика вполне материнской нежности. Так смотрят на глупое дитя, решившее построить паровоз из кубиков. Так смотрят на старую собаку, обогнавшую щенков. Так разглядывают зимой неизвестно откуда взявшуюся бабочку.

– И долго думала? – Юля почему-то сочувственно вытянула губы.

– Всю ночь, – с готовностью созналась Евдокия.

– Ночью, Дуся, надо спать. А не измышлениями заниматься.

– Это почему же измышлениями... – Дуся начала приподниматься с табурета.

– А потому. Сядь. Ничего у тебя не получится. Как только на телефоны Котовых и «банды» придут хитроумные сообщения – начнутся созвоны.

– Как это?... Зачем...

– Дуся, не будь ребенком, не изобретай велосипед, все уже давно придумано! Аттракцион с «я знаю, что вы делали прошлым летом, положите деньги в славянский шкаф» известен даже детям! Как только ты начнешь шантаж, Котовы моментально поднимут вой! И я даже знаю, кто этот вой инициирует, – Ольга Марковна. Она тут же спустится к Татьяне: «Полюбуйся, дорогая, что мне тут прислали?!» Тата тут же

позвонит Рошиным и Стасу, все скопом понесут мобильники в прокуратуру.

– Да ну, – недоверчиво отмахнулась Дуся. Она-то решила быть героиней, вызвать огонь на себя, убийцу выловить...

– Все в точности так и будет!

– А если не посылать «писульку» маме Оле... – задумчиво пробормотала Евдокия, – чтоб не было чего инициировать... А отправить эсэмэски только самым-самым... Маму Олю я и так почти не подозревала...

– Дуся! Очнись!

То ли потому, что не спала и отупела от бессонницы, тои из общей вредности и въедливости характера, но Землероева словам мудрой вдовы не вняла. Не в силах проститься с блестящей идеей, засела на кухне с восьмой по счету чашкой кофе и, хмуря брови и кусая губы, чертила на листочке схемы и бубнила: «А если этому отправить, а этому – не надо... Интересно, с дамочкой – прокатит? Или тоже побежит докладывать...» Временами осоловелые Дусины глаза замирали на одной точке, приходящейся на висящие кухонные поварешки, в некоем подобии ступора Евдокия могла сидеть довольно долго...

Котова ж не стала долго думать, сигнализировала Паршину.

Олег примчался, по московским меркам, практически мгновенно.

Схватил соловую Землероеву за плечи и так потряс, что

у той (как у вождя краснокожих из рассказа О. Генри) веснушки застучали друг о друга. И зубы заклацали.

Если бы не безошибочно угадываемое беспокойство Командира, Дуся на Паршина осерчала бы. Паршин вновь орал и обзывался, молил и угрожал, запугивал репрессиями в виде отобранного телефона и смирительной рубашки для безумцев, коим песен не поют.

– Сидеть на попе ровно! Дверь никому не открывать! Юля, проследи, чтобы эта ненормальная даже на площадку не высывалась! Дай сюда телефон...

За телефон Дусе пришлось почти подраться. Если бы не тихое, искреннее сочувствие вдовы, присутствовавшей на громкой экзекуции, Землероева на Котову обязательно б обиделась за доносительство. Но Юля так непритворно соболезновала глазами, что не поверить в доброту ее намерений мог только самый черствый любитель губы надувать.

Готовую расплакаться, отупевшую от бессонницы Дусю напоили валерианкой, замотали в плед и уложили спать.

В постели Дуся шмыгала носом и мысленно обещала «всем показать». Обязательно и скоро.

Накаркала.

В четверг примерно в семь вечера вдова предложила жилищке выпить в дым. Тюремный ужас еще терзал бедняжку днем и ночью, после субботних событий Юля опасалась оглушать себя таблетками и посему решила обратиться к

лучшим российским традициям – промыть голову и нервы алкоголем.

Малопьющая Евдокия согласилась поддержать традицию исключительно присутствием. Но в общем-то одобрила. Юлия никак не могла отвлечься, забыть тесное «камерное» сообщество, постоянно возвращалась к рассказам о бабе, убившей мужа зонтом, о двух золотозубых дамах, попавшихся на уличном мошенничестве, о «мамке» с повадками вороватой блудливой кошки...

А Ханькин еще говорил, что Юле повезло с «соседями». Отдельных «апартаментов» не нашлось, так ей подобрали малонаселенную камеру, где не было отпетых «пассажиров», способных заставить «крепостных» ходить по струнке. Глаз подбить ненароком.

Не меньше камерного сообщества Юля вспоминала те слова и представляла, как живетя богатому сословию на зоне. В ужасных снах мадам Котову уже навещали видения того, как ее лупят, выколачивая бабки и сигареты. Заставляют чужие грязные носки стирать... Вдове нашлось с чего напиться.

Начать хозяйка предложила с «легкого». С любимого коктейля «Солти дог». Домработница старших Котовых притаранила из магазина два грейпфрута и черный виноград (Паршин, пообещавший бегать по магазинам, дабы девушки не выходили из дому, запаздывал, сообщил по телефону, что будет только после девяти). Юлия попыталась разыскать на

кухне электрическую соковыжималку для цитрусовых – уволенная домработница младших Котовых ее куда-то засунула, так как хозяйка редко фреш просила, предпочитая попить вино или негазированную воду. Лазая по полкам, Юлия наткнулась на ручную выжималку в виде рифленого конуса и решила не заморачиваться: довольно умело и ловко отжала из грейпфрутов сок. Оформила крупинками соли ободки бокалов (в русском переводе коктейль прозывается «соленой собакой») и сочинила наполнение из водки, сока, льда был минимум. Тихонечко взболтала и поставила перед Евдокией внушительный стакан-тумблер:

– Попробуй, это вкусно.

Евдокия, по правде говоря, предпочитала что-то сладенькое. От грейпфрутового сока, самой его малости, у нее вообще дикая изжога начиналась.

Пришлось сознаться.

– А чего ж сразу не сказала? – резонно высказалась Котова.

– Хотела посмотреть, как ты эти коктейли делаешь, – бесхитростно призналась Дуся.

Взгляд Юлии сказал: «Хватило б посмотреть и одного стакана для меня».

Но впрочем... напиток же решили? Авось тут и вторая, и третья «собака» не протухнет.

Юлия сделала внушительный глоток, с удовольствием, несколько нервически начала метать на стол закуски. Доста-

ла из холодильника так и не востребованную бутылку розового шампанского от Клико (из супермаркета, где не могла различить купюры). Попутно допила коктейль. Прожевала кусочек сыра. Сказала, что специально для «неопытных девочек» приготовит на глазах Дуси еще один коктейль, прозывающийся «Шейди леди», то есть леди подозрительная. Там тоже есть грейпфрутовый сок, а кроме грейпфрутов Люся и черный виноград принесла, который подается к «Подозрительной леди» в качестве гарнира...

Болтая и просвещая Дусю, Юля порхала по кухне. Впервые со вторника Евдокия увидела на ее губах улыбку.

– Когда приедет Паршин, мы с тобой, Дуся, столик в гостиной накроем: салфетки, свечи, все дела, – подмигнула Евдокии, хихикнула, как школьница. И Дуся почему-то нисколечко не взревновала. – Оденемся, словно две гетеры, припомадимся... А пока по-свойски на кухне поддадим. Не возражаешь?

Юля сноровисто откупорила шампанское, налила в фужер для Дуси. Ополоснула в дуршлаге виноград, отщипнула ягодку, прожевала...

Дусе показалось – подавилась.

Прокашлявшись, Юля доплелась до табурета. Длинными пальцами оплела горло, глаза ее бессмысленно смотрели в пол.

– Что-то дурно мне, Дуся... – сказала хрипло. – Что-то тут... Сердце, что ли... Пить нельзя.

На этих справедливых словах Юлия стала закатывать глаза и сползать с табурета.

Евдокия успела подхватить безвольное тело и не позволить Юле стукнуться головой об пол. Стояла, неудобно низко скорчившись, обхватывая потерявшую сознание женщину поперек туловища, и не знала, что делать.

Звать на помощь? Скорую вызывать? Кричать?! Вопить?! Или попробовать водичкой окатить?! Юлия болталась над полом тряпичной куклой и, кажется, пока дышала. Значит, не подавилась, труднопроходимых хрипов нет...

Мамочки родные!!! Что делать-то?!!

Хрупкая Юлия оказалась неожиданно тяжелой. Чувствуя, как на глазах вскипают слезы, Евдокия оттащила ее до небольшого диванчика в углу кухни, с трудом забросила сначала туловище, потом приладила ноги-руки...

Понеслась к телефону!

Так. Номер «скорой» – 01... 02.. 03... Господи, какая дура! От страха все забыла!!

Суматошно, едва попадая пальцами на кнопки, Дуся получила долгожданные гудки из трубки, потом откликнулся невозмутимый женский голос.

– Спасите!! – проорала Землероева. – Женщина умирает!!! – В ответ на просьбу быстро назвала данные Юлии. Почувствовала, что невозмутимая телефонная женщина не слишком-то прониклась: инфаркт? в тридцать три года? вы не слишком перенервничали? И завопила: – Она недавно му-

жа схоронила!! Приезжайте быстро!

– Адрес?

Адрес, адрес, какой же, черт возьми, здесь адрес?!

Номер дома вышиб перепуг.

– Подождите минуточку, я у соседей спрошу!!

А голова еще чуть-чуть соображала. Уже открыв толстенную задвижку на входной двери, Дуся резко повернулась, подбежала к кабинету, содрала с косяка бумажную полоску с печатью следователя и, подлетев к камину, засунула в него голову – внизу наступило время любимых сериалов отоларинголога. Сиречь – врача. И это есть помощь ближе, чем врачи со «скорой»! Тем более что Дусе надо не по этажам дурниной бегать, а находиться рядом с умирающей Юлей...

Как же там искусственное дыхание-то делается?!

Стукнувшись лбом о притолоку каминного зева, Дуся почти вся проникла внутрь него и заорала что есть силы:

– Ольга Марковна, Ольга Марковна, Юля умирает!!!

Дуся повопила еще секунд пятнадцать, отклика не слышала и потому, прекратив драть глотку, помчалась обратно к двери: придется все-таки бежать вниз по лестнице до квартиры врача и свекрови.

Но в коридор уже заскакивал Стас Леонидов. Перепачканная сажей, с безумно вытаращенными глазами, Дуся напугала его до икоты:

– Что... Что случилось?!

За спиной «какого-то директора» показались супруги Ро-

щины, удивленная, вытянутая физиономия свекрови.

– Туда! – выкрикнула ей Дуся и резво понеслась на кухню. Цапнула со стола телефонную трубку, засунула ее в руку опешившей Ядвиги и приказала: – Скажи диспетчеру адрес. – Рощина тупо переводила взгляд с трубки на Дусю. – Ну! Что застыла?! Диктуй адрес! – Евдокия удивлялась, как у нее еще губы шевелятся, казалось, их вот-вот парализует страх. – Ольга Марковна, вам к Юле, – палец сыщицы указал на тело невестки, немного спрятанное за дверь. – Кажется, сердечный приступ.

Все занялись делом. Ядвига, прикрывая ладонью мембрану, вышла в коридор, Марковна присела перед Юлей на корточки, принялась ей веки задирать, пульс прощупывать...

Евдокия, до боли закусив костяшки пальцев, ждала вердикта.

– Жива, – вставая на ноги, сказала врач. – Но еле-еле.

– Юлю надо в комнату перенести, – несмело предложил директор.

– Неси на диван в гостиную, – кивнула Марковна, почувствовав себя на передовой, на самом фланге реабилитационной медицины. – Дуся, открой там балконную дверь. Душотница же... И разойдитесь все, разойдитесь! Чего рты пооткрывали! Борис – вниз, встречать врачей! Евдокия, намочи полотенце. Ядвига, бегом ко мне, неси аптечку.

Глядя, как трезво и расторопно Ольга Марковна взяла в оборот опешившую компанию, Дуся тут же простила ей вы-

сокомерие спасителя тел человеческих. Марковна подсунула под шею Юли подушку-валик, расстегнула блузку, приняла от запыхавшейся Ядвиги стетоскоп...

Пошатываясь, Дуся побрела на кухню и остановилась на ее пороге.

Какой кошмар. На столе стоят бокалы, тарелки, лежит кусочек сыра со следами Юлиных зубов... Десять минут назад... Она ходила здесь, смеялась, собиралась «напомадиться» гетерой...

Какой кошмар...

В коридоре от входной двери раздался голос Егора Валерьевича, громкие вопросы Таты, заглушившие всхлипывания Ядвиги.

Врачи приехали так быстро, что, услышав громкие голоса в прихожей, Дуся даже не подумала, что помощь уже здесь. Совсем очнулась, только когда Ольга Марковна встала за ее спиной.

– Кардиограмму снимают, – сказала та устало. Оглядела накрытый стол, произнесла сердито: – Что вы здесь пили?

– А-а-а...

– Ничего не трогать, – внезапно приказала отоларинголог. – Я подозреваю отравление. Вызывай своих этих... – Марковна поморщилась. – Милицию, говорю, вызывай. И никого сюда не пускай.

Спустившись на корточки, опираясь спиной о дверной ко-

сяк и перегораживая доступ, Дуся почувствовала себя сторожевой собакой, прошляпившей воров и оставленной приглядывать как будто в наказание. Сиди теперь тут, бестолочь неумелая, охраняй объедки. Другого тебе в жизни не доверят.

На этот раз Олег не кричал. Не обвинял. И не устраивал разбор полетов.

Он приехал к Евдокии домой только к вечеру пятницы. Устало сгорбился на диване и прежде всего задал вопрос, поразивший Землероеву заботой:

– Ты как? Нормально себя чувствуешь?

Евдокия сидела напротив него в пижаме и игривом голубом халатике. Зябка подбирала ноги в смешных тапочках-зайчиках и совершенно не переживала за то, что волосы растрепаны, в глазах прибитая собачья грусть, растрескавшиеся, искусанные губы без помады, а в комнате бардак – как приехала Дуся ночью с четверга на пятницу, как побросала одежду куда попало, так и не собрала. Хорошо, что хоть белье осталось в ванной. Наверяд ли б теперь вспомнила прибрать перед мужчиной бюстгальтер.

На вопрос Дуся только пожала плечами. Паршин помолчал немного, вздохнул:

– Выпить – есть? Я сегодня у тебя останусь.

Прозвучи эти слова недели две назад, да даже в среду, Евдокия мигом вспомнила б и о прическе, и о помаде, о мало-

сексуальных тапочках... Запрыгала б, замельтешила, охорашиваясь.

Но тут лишь слабо мотнула головой по направлению кухни и холодильника. Неподалеку, в двух шагах, зеркальный бар с ликерами и коньяком, но Паршин предпочитал схваченную морозом водку.

Вот и пригодилась... Всегда держала.

Олег сходил на кухню, принес себе полстакана водки. Совершенно по-хозяйски достал из бара коньяк и пузатый бокал, наполнил его прилично и втиснул в Дусины пальцы.

– Выпей, – приказал. И неловко, чувствуя неуместность, хмыкнул: – Помнишь?.. Раньше тебе помогало.

Было дело, молча, кивком понуро согласилась прибитая Дуся. При первом знакомстве только солидная для непьющей девчонки порция коньяку позволил расслабиться и не завалить все дело.

Дуся послушно отхлебнула коньяк, закашлялась, как было у них с Паршиным заведено... Олег, как принято, сел рядом и мягко по спине похлопал. Через пару минут, все еще удерживая теплую ладонь на выступающем девичьем позвоночнике, спросил:

– Немного отпустило? – заглянул в глаза. Дуся поймала непривычно смущенный, даже заискивающий взгляд сыщика.

Взмахнула влажными ресницами.

– Олег... ты меня не ругаешь?.. Почему? Я же... я ведь...

– Евдокия, – перебил детектив, – выслушай меня. Ты ничего не знаешь. На кухне Юли, ну, там, где вы сидели... – Паршин отчего-то мямлил, трудно подбирая слова. – В общем, в твоём бокале с шампанским обнаружен яд. – Подбородок молоденькой сыщицы уполз вниз. – Ты ведь не пила шампанское? Не успела даже глотка сделать?

Если б Землероева прежде не приняла на грудь граммов тридцать коньячку, то не исключено – свалилась в обморок.

А так, скинув дружественную руку с плеча, встала на ноги и посмотрела сверху вниз.

– Повтори. Что ты сказал?

– Повторяю: в твоём бокале обнаружен яд.

Евдокия недоуменно застыла над Паршиным.

Как только сыщик переступил порог её квартиры, Дуся в первую очередь задала вопрос: как Юлия? Олег ответил: в реанимации, отравление, надежды мало. Вечером Евдокия слышала, как отоларинголог общается с реаниматологами в прихожей – кардиограмма не обнаружила неполадок в работе сердца, предварительно врачи склонялись к версии отравления. Несколько ночных часов Евдокия ломала голову над их словами и прекратила только потому, что признала версию ошибочной. Юлию невозможно было отравить, поскольку – НЕКОМУ.

И теперь Паршин заявлял: отравлено было и шампанское, налитое из бутылки, хлопнувшей пробкой в Дусином присутствии.

– И что вы думаете об этом? – Евдокия потрясенно разглядывала макушку сторбившегося Командира. – Ты и Ханькин?

– Попытка самоубийства и неудачное покушение на тебя. Крохотный шприц со следами яда найден в заднем кармане джинсов Юлии, – не поднимая головы, ответил сыщик.

Евдокии показалось, что в комнату проник морозный ветер. Заполз под штанины пижамы, прокрался выше и выстудил ей душу. Зубы стиснулись от невозможной внутренней стужи. Чтобы проговорить хоть что-то, Евдокия расцепила челюсти с невероятным усилием, – подбородок прыгал так, что зубы постукивали.

– Паршин, – трудно шевеля языком, прошелестела Дуся, – вы что там, очумели? В даунов решили поиграть? – Голос набирал обороты. – Юлька хотела отравить меня и сама траванулась, да?! Долго с Ханькиным думали?

– Евдокия. Яд обнаружен в грейпфрутовом соке, ты не стала пить коктейль, и яд пришлось добавить в шампанское... Может быть, Юля не ожидала, что ты откажешься от коктейля? Поторопилась выпить свой, а ты даже к шампанскому не притронулась... Так было?

– Да. И что? – Евдокия положила кулак на выгнутое бедро. – Что с того? Юлька открыла шампанское и выжала сок из грейпфрутов на моих глазах!! Я, не отрываясь, смотрела, как она коктейли делает!! Ты чё, в натуре, Паршин, очумел?! Юлька?.. Отравительница?! Убийца?! – Евдокия всплесну-

ла руками, потом скрестила их на груди, отдышалась и фыркнула: – Да пошел ты, Паршин, к черту.

– С чего это вдруг ты стала в ней так уверена? – неловко хмыкнул Олег. – Раньше ты как раз...

– Да что ты понимаешь?! – не дала договорить Землероева.

У Дусиной мамы есть две приятельницы. Много лет назад они заочно воевали из-за одного мужика, потом познакомились, нашли много общего – вкусы на парней, к примеру, – подобия притянулись, как шаровые молнии к железке. В результате, послав неподделенного мужика на фиг, девчонки задружились крепко, на всю жизнь. Влюбленность в одного на двоих противного кобеля стала темой для застольных шуток.

– Юля не могла меня отравить!! И себя тоже – не могла!!

– Но вас в квартире было только двое, – сумрачно проговорил Олег. – По опросу свидетелей и записям камер слежения было установлено, что в течении суток к вам никто не заходил. Домработница Котовых сунула через порог пакет с грейпфрутами и виноградом, и все. В квартиру Люся не заходила, Юля взяла покупки и дверь захлопнула.

– Вот, – удовлетворенно кивнула Дуся. – Яд мог быть в грейпфрутах. Кроме них и винограда, к нам ничто не проникало.

– Эксперты исследовали каждую виноградину, помойное ведро, – собирая на лоб трагические морщины, покачал го-

ловой Олег. – На грейпфрутовых шкурках не обнаружено следов прокола, остатки мякоти – безвредны. – Сыщик выдержал паузу, подождал, пока до хмурой Дуси дойдет первая часть информативной лекции, и продолжил: – Но главное, Евдокия, тот же яд был найден и в твоём бокале шампанского. Пустой шприц со следами отравляющего вещества лежал в кармане Юли.

– Его могли ей подложить, – быстро вставила Землероева. – Народу прибежало – тьма.

– Тьма, – горестно кивнул сыщик. – Но как яд оказался в соке для коктейля? Когда Юля делала коктейли, вас, Евдокия, было только двое.

Паршин сделал непонятный голосовой акцент на последнем слове. И поглядел так тоскливо, что Евдокия начала привередливо обкатывать в повторе все предложение полностью...

Ну а потом до нее – наконец-то! – дошел весь смысл, вся фраза. Евдокия догадалась, почему Олег смотрит на нее тоскливо.

– Паршин... тебе, что... тебе предложили выбрать... кого СДАТЬ? – голос прозвучал так хрипло и тихо, что Дуся даже наклонилась над Командиром и надавила ладонями на грудь, словно пытаясь еще раз, наверняка, выдавить из себя дикие слова: – Тебе предложили выбор – я или Юля?!

Прежде чем ответить с притворной кислой усмешкой: «Не пори чепуху, Дуська», Олег выдержал слишком долгую паузу.

зу.

Евдокия отвернулась. Прогулялась до окна. Постояла, глядя, но не видя загорающий под зимним солнцем родимый «фольксваген» на родимой парковке. Собрала в узду нервы и мысли и вернулась в кресло.

Смело положила ногу на ногу (халатик распахнулся и показал кружевные оборочки на пижамных штанишках в мелкий цветочек, но Дуся – ноль внимания, не до того) и усмехнулась:

– Ну, со мной у Ханькина обломится. Да, Олег? Нет смысла, нет мотива, на первом убийстве я вообще отсутствовала... Думаю, Олег, выбирать тебе было легко. Юльку – не отмазать, меня... Чего меня понапрасну таскать? Только время и чернила зря переводить.

Лицо частного сыщика налилось малиновым цветом, глаза вылезли из орбит...

– Ты что несешь, Евдокия?! – нагнетая, прорычал Паршин. – Ты чё несешь?! Совсем нюх потеряла?!!

– Да ладно тебе, Паршин, – притворно беспечно отмахнулась Землероева. – Я что, не знаю, как это делается? Есть вещи, которые обходят молчанием. Но делают так, как будто все оговорено. – Дуся высказалась четко. В глаза смотрела твердо. Сыщик скуксился. – Сдал ты Юльку, Паршин. Не хотел, Ханькин-Павлов тебя не просил, но – сдал.

Никогда еще бывшему капитану Олегу Паршину не было так горько, паршиво, гадко. Даже когда из ментуры вы-

гоняли. Точнее, мягко вытесняли «по собственному». Мол, взрослый человек, Сергеич, должен понимать: не уволишься – на «красную» зону загремишь. Мы – за тебя, мы – понимаем: сорвался человек, расквасил морду и ребра поломал – мерзавцу. Но – жизнь есть жизнь. Мерзавец – сын папаши в высоком крепком кресле.

Тогда напротив капитана сидел подполковник Свиткин, в глазах у подпола сидела зеркально отраженная тоска и злость на обстоятельства. Понимание сидело. И обещание: все перемелется, вернешься, я назад возьму.

Сегодня глаза девчонки не работали зеркально. Паршин видел там себя уродливо, карикатурно, как в парке развлечений в комнате кривых зеркал: сидит здоровый мужик да только пальцы в кулаках ломает.

А в чем он виноват?! В том, что слишком хорошо знает систему?! Как только Павлов с Ханькиным – тоже, надо сказать, не особенно радуясь! – сказали, что Юля и Дуська были только вдвоем в запертой изнутри квартире... Он сразу понял. Кого-то надо вытаскивать. Загребут обоих, но Юлю в любом случае – наверняка. Она к тому же, не исключено, не выживет. Отмазать надо Дуську. Чтоб не трепали нервы девочке зазря. Чтоб не ломали душу, не марали грязью.

Так что Евдокия поняла все правильно, но не совсем.

Как разъярить самоуверенной девчонке, что иногда системе легче подыграть, взять фору? Что в лоб переть – нарваться... Надо пути искать, взять передышку...

Но, думая об этом, Паршин сам же мысленно махнул рукой: на Юлю столько повесили, что не поднять с любой фрой, даже после передышки. Теперь система не отпустит. Девчонок было двое, в квартиру никто не заходил два дня. Кроме шприца в кармане Юли, ничто не несет следов отравляющего вещества. Даже если предположить, что яд в шампанское добавили потом, Юлия дела коктейль, когда на кухне была только Евдокия.

Все. Финита ля комедия. Оправдываться перед девчонкой за то, в чем не был виноват, Олег не собирался. Убрал досаду из глаз, поднял их на Евдокию и, играя скулами, сказал:

– Проехали. Не будем трогать. Попробуем начать сначала. – Откинулся на спинку дивана, подвигал губами вперед-назад, продолжил: – В течение двух дней порог квартиры никто не переступал. Яд обнаружили в только что выжатом соке и только что открытом шампанском. В фужере. Возникает вопрос: у тебя был яд, Евдокия?

Вопрос влетел наотмашь. От неожиданности Землероева так закинула назад голову, что чуть шею кадыком вперед не переломила.

– Ты чё, Паршин, – одурел?!

Олег кивнул. Мог бы пожалеть девочку, но проучить не помешает, свежа обида.

– На этом можно было бы в принципе закончить, – удовлетворенно мотнул головой сыщик. Подождал, пока до Дуси дойдет весь смысл сказанного, до донышка проникнет. И

приступил к работе: – Если учитывать, что яда не было ни у тебя, ни непосредственно в плодах, давай представим, откуда он мог взяться. Судя по камерам слежения, во вторник к вам заходили практически все Котовы. Графин, в который Юля переливала отжатый сок, стоял на виду в тот день? Так, чтобы можно было предположить – им вскорости воспользуются?

Дуся села прямо, машинально запахла на коленях полы голубого атласного халатика... Отрицательно, медленно и задумчиво покачала головой:

– Нет, Юлия достала его откуда-то сверху. С полки над левой тумбой. Она прошло вдоль тумбы... – Рассказывая, Евдокия так углубилась в воспоминание, в воспроизводство, что даже подняла правую руку далеко вверх и поболтала в воздухе пальцами, как будто некую работу над головой произвела. – Да. Точно. Она еще на цыпочки вставала. Потом, достав графин, внимательно осмотрела его дно – нет ли пыли? – Дуся повторила все действия Котовой в пантомиме. Отрешенное лицо Евдокии по каким-то странным, мистическим законам мимики и психики, стало неуловимо напоминать новую Дусину приятельницу. – Юля вообще, Паршин, чистюля. Если бы на прозрачном стеклянном графине были хоть какие-то пылинки или подсохшие капли, она бы обязательно его ополоснула. Как сделала с соковыжималкой для citrusовых. Юля нашла ее на полке за другими агрегатами, оглядела со всех сторон, помыла и только тогда начала вы-

жимать сок.

Дуся закончила и как будто бы очнулась. Посмотрела на Командира с преданностью новобранца, инструктируемого перед первой стрельбой из автомата.

– Хорошо, – высказался Паршин и тут же поправился: – Точнее, ничего хорошего. Следуя твоим словам, на этой посуде яда не могло быть. Идем дальше. Где стоят у Махотиной бокалы, я сам помню – на самом видном месте. К вам во вторник приходили Котовы и Рощины...

– Соболезнования по поводу заключения приносили, – быстро вставила Землероева.

– Понятно, что не фотки из вояжа поглядеть, – поморщился сыщик. – Как думаешь, кто-то из них мог, ну... капнуть что-то на стаканы, нанести яд на ободки...

Понял, что морозит полную чепуху, и отмахнулся:

– Нет, яд, Дуся, был в только что выжатом соке, в графине. Принимаю, что пустой шприц с иглой в чехле Юльке могли подбросить, но сок... Евдокия, сок был выжат на твоих глазах, грейпфрутовые шкурки с ошметками мякоти, проверили – они чистые! Давай вспоминай хотя бы, как к вам прилетели Рощины и бабушка. Весь вечер поминутно вспоминай! И вторник. Кто что делал, что трогал, что говорил...

Дусе было уже стыдно за недавние гадкие слова в адрес дорогого сыщика.

Наверное, она так выступила, плохо проснувшись. И напившись. И вообще – по полной дури, в несознанке.

Олег делал все, что мог. Яд нашли у Юли. В квартире два дня никто не появлялся.

Только сейчас, поняв во всей мере, что вопросы Паршин задает скорее для проформы – еще раз обсудить, лазейки поискать, – Евдокия широко распахнула глаза:

– Олег, я ничего не понимаю... Юля не могла меня отравить... Не могла захотеть отравиться сама... Зачем?! Она все делала на моих глазах: фрукты выжимала, ободки стаканов солью оформляла – я наблюдала за каждым жестом, училась! Она ничего от меня не скрывала! Ни разу спиной графин не закрыла, он вообще в стороне возле мойки стоял, у меня на виду!

– А шампанское? – жестко спросил Олег.

– Открыла. Сразу налила. Закрыла специальной крышкой с упором. Все. Бокал поставила так близко ко мне, что я не могла не заметить, если бы она туда что-то добавила. Хотя... – Евдокия на мгновение прикрыла глаза. – Яд она могла добавить в пустой бокал, прежде чем наполнять его шампанским... Когда Юлия брала бокал с полки, то загоразивала его спиной. Какое-то время. Очень короткое. – Евдокия открыла веки, пристально поглядела на Паршина: – Олег, Юля что – фокусник? Рукав кофты – три четверти. Она зажала шприц с ядом между пальцев, накапала, прыснула мне яду и незаметно в кармашек припрятала?

На насмешливый Дусин тон Командир не клюнул.

– Евдокия Землероева, о том, что вы не видели бокал все

время, вас, я надеюсь, спросят на суде. Если, конечно, он будет, если Юля выживет. – И закончил не так официально: – Тебя, Дуська, испытают в хвост и в гриву. У Махотиной есть адвокат, тебе такого не купить, разве что квартиру продашь.

У Дуси была хорошая голова и быстрая реакция. Услышав слова Паршина, она чуть воздухом не подавилась. Вытянула шею вперед, совсем как у гусыни, глаза наружу выкатила.

– Ты что, в самом деле считаешь, будто меня могут обвинить в попытке отравления Юлии?!

– Своя рубашка ближе к телу. Адвокатам лучше платят за оправдательные приговоры. Из двух девушек, одновременно находящихся в запертой квартире, утопить надо одну. Другого выхода нет – к вам никто не заходил. Ты момент, когда Юля закрывала от тебя бокал спиной, хорошо запомни.

Еще недавно Паршину казалось, что Дусины глаза распахнулись в невозможную ширь. Но он ошибся. Любая жидкость дает эффект увеличения. Заполнившись слезами, глазницы Дуси стали такими выпуклыми, что показалось, сейчас они вытекут или вывалятся прямо в подол голубенького цвета.

Олег решил, что Дусю очень впечатлил рассказ о грозном, ушлом адвокате.

Он вновь представил все неверно.

До Землероевой дошло, как сильно она ошибалась в другом.

Первоначально Дуся решила, что все дело в хитрых мен-

товских заморочках и комбинациях. Паршин струсил. Или его вынудили стать трусливым. Поднять лапки. Уйти в тину, юркнуть в тень...

А надо было сразу говорить, что на суде будут не столько его закадычных друзей слушать, сколь разудалому адвокату внимать! В числе двенадцати присяжных.

– Паршин, – икнула Дуся, – что ж делать-то, а? Ты ж понимаешь – Юля ж меня... то есть себя не убивала... не собиралась убивать... – Повторное икание подтвердило нервическое состояние помощницы. – Ты ж понимаешь... это ж было как-то сделано...

– Как? – жестко оборвал страдания Дусиной диафрагмы Паршин. – «Ж-ж», тут не прокатят.

– Не знаю. Но...

– Перестань канючить. Все, Дуся, все! Мы сделали, что могли!

За этими словами читалось не только ощущение безнадежности положения, там было сумасшедшее беспокойство за напарницу.

И теперь Дуся это поняла. Паршину не важно какое-то глупое реноме – ах, ах, нас кто-то обыграл, в дураках оставил, какой конфуз, – он мыслил категориями будущего. Репутацией прибившейся к нему девчонки. Девчонки, которую он приручил и отправил в дом, где вольно ходит душегуб.

Землероева незаметно, наклонив голову и отвернувшись, смахнула слезы с глаз. (По ком она плакала? По себе, по Юле,

по жизни, заставляющей друзей делать выбор – кого спасти, кто все равно утонет...)

– Евдокия, – жестко произнес Олег. – Тебе придется принять очевидное. В квартире вас было только двое. Как яд попал в напитки, понять невозможно.

– А если попробовать не очевидное, а невероятное? – жалобно шепнула Дуся. – Если попробовать понять хотя бы, как шприц попал в карман Юлии?

– Давай попробуем, – согласился Паршин. – Попробуем в порядке бреда шагать задом наперед. Кто из Котовых, Роциных мог подложить шприц? Что показалось тебе странным в тот вечер?

– Егор Валерьевич и Тата появились в квартире гораздо позже остальных, и это очень странно, – тут же двинулась по версиям Евдокия, в полном смысле задом наперед. – Все мухой прилетели к нам, Татьяна и полковник пришли минут на пятнадцать позже.

– Егор Валерьевич и Татьяна не слышали, как ты вопила из камина, – сумрачно доложил Олег. – Роцины и Таня пришли к старшим Котовым сыграть в лото, не смогли разыскать коробку с игрой, и Татьяна предложила принести свою. Полковник на это время вышел покурить. Они с Татьяной вернулись в квартиру одновременно, никого не обнаружили в гостиной – все мобильные телефоны, кстати, остались лежать на столе, народ все побросал и помчался наверх. О том, где все находятся, Егор Валерьевич догадался почти случай-

но...

Продолжить разговор не позволил звонок сотового телефона сыщика. Олег сделал жест – мол, подожди, Дуся, дай ответу, это важно. Поздоровался, судя по имени Саша, с Ханькиным, прослушал что-то и, положив мобильник на журнальный стол, сказал:

– Саша сообщил предварительные результаты экспертизы отравляющего вещества. Юле, Дуся, крепко повезло. Какие-то кислоты... или что-то там еще грейпфрутового сока немного нейтрализовали действие яда. Если бы Юля приняла его, скажем, со сладким кремом... – Сыщик взглядом закончил страшное предложение. – В общем – повезло. Егор Валерьевич подключил к работе военных медиков, специалистов-химиков... Он и раньше педалировал следственные мероприятия, через связи нажимал. Сейчас военные специалисты выделяют какие-то токсины, изобретут противоядие...

– Юлию спасут?!

– Теперь об этом можно говорить с большей долей вероятности, – с видимым облегчением кивнул Паршин. – С одним подозреваемым – Егором Валерьевичем – нам лучше закончить. С такими связями в области хитрой военной химии полковник мог убить невестку незаметно и бесповоротно. А он ей противоядие ищет. Понимаешь?

– Угу. Вчера вечером мне Стас Леонидов показался... не то чтобы подозрительным, рука у него была перемотана, Паршин.

– Знаю, – кивнул Олег. – Вчера Татьяна лепила пельмени, Леонидов руку горячей водой обжег. Случайно. На эти знаменитые пельмени, кстати, и Рощины приехали. Борис их очень уважает.

– Рощины заранее договаривались? – вцепилась Дуся.

– Нет, – наклонив голову в бок, тягуче проговорил Паршин. – По их словам, буквально напросились.

– Ах, напросились... – в тон протянула Дуся. Подумала секундочку: – Нет, ерунда. Ядвига на кухне была секунд тридцать, с диспетчером «скорой» разговаривала в прихожей, там же и на плече полковника рыдала. Боря в холле медиков встречал.

– Кто-нибудь крутился подозрительно на кухне? – пристально глядя на Дусю, спросил командир.

– Нет... Но я короткое время могла не видеть. Как раз когда Валик наверх поднялся, я на минуточку сдала вахту Ольге Марковне, до туалета пробежалась... Юлю тогда уже увезли, ваши еще не приехали... Но, Олег, Ольга Марковна сама поставила меня в дверях кухни дежурить. Зачем ей позже ловить момент, ждать пока я пост оставлю? Не заставила б меня сторожить кухню, сновали бы там все за попить и выпить, всё б перемешалось, отпечатками покрылось... Нет, с Ольгой Марковной тоже ерунда какая-то.

– Согласен.

– А если мыслить в порядке бреда и предположений?

– Попробуй.

Евдокия пробовала так старательно, что даже поругалась с сыщиком. Любую ее версию из области «очевидного-невероятного» Паршин разметывал в пух и прах. Камня на камне не оставлял. Дуся старалась и изобретала, выстраивала хитроумные комбинации с проникновением в квартиру через дымоход камина, веревочную лестницу с крыши на балкон и в конце концов докатилась до хитрых как лисы киллеров, способных обмануть охранную электронику, самих охранников и Дусю с Юлией включительно.

Паршину, естественно, наиболее глянулся занимательный сюжет про ниндзя с ядом в кармашках черных штанишек. Относительно дымохода и камина он ответил просто: нет следов. На карнизах снег лежит, а снегопада не было два дня. Пол перед камином запорошила сажа, слетевшая с самой Дуся, когда та в дымоход общаться лезла, никто по желобу не проползал, эксперты, понукаемые Валерьевичем, не лаптем щи хлебают.

Землероева на сыщика душевно обиделась. Сказала: а на фига тогда приперся, если такой умный? сидел бы дома. (Или в кабаке с еще более умным Ханькиным. И водку пил там, а не тут на диване.)

Паршин осерчал не менее душевно. Заявил, что, мол, тебя, дуру, охранять пришел...

Дуся на дуру ответила, не подбирая...

В половине одиннадцатого Паршин хлопнул входной дверь и даже спокойной ночи не пожелал. Дуся чуть не плю-

нула на эту хлопнувшую дверь.

Все нервы, нервы...

На следующий день под вечер Олегу позвонил капитан Ханькин и задумчиво сказал:

– Слушай, Паршин, тут твоя девочка такую деятельность развела... По дому Котовых весь день по этажам бегала. Добилась через адвоката проведения еще одного следственного эксперимента, теперь в квартире Юлии. Кстати, довела мужика чуть ли не до инфаркта... Ты как, впрягаешься за свою Дусю?

– Куда впрягаюсь? – натурально опешил сыщик.

– Ну как... она заверяет, будто знает, кто убийца.

– Что-о-о-о?!!

– А ты не в курсе? – искренне удивился Ханькин. – Я думал...

– Саша!! Чего ты там думал, мне начхать! Что Дуся о себе думает?!

– Дуся ничего не думает, – хмыкнул капитан, – она адвоката до инфаркта доводит. Донецкий звонил мне чуть ли не из палаты интенсивной терапии. Но на эксперимент согласен. Чем-то его девочка добила. В полном смысле.

– Да что она там о себе возомнила?! Сыщица недоделанная!!

– Она, Паршин, Закревскую просит на эксперимент вызвать, – спокойно, где-то даже весело оповестил Ханькин. –

Причем – обязательно. Мол, без любовницы Котова ей, Ду-се, никак нельзя.

В голосе Ханькина слышалась уже не только веселость, но и ехидство, одобрение резвой девочки с приличной дозой недоумения по адресу Паршина.

– Как я понимаю, ты, Саша, сам не сильно в курсе, – ввернул Олег.

– А ты? – не остался в долгу капитан. – Начальник маленьких девочек...

– Я тебе перезвоню.

Загоняя в пену нового, но верного «мерина», Паршин примчался к Евдокии.

Та, показалось, собралась вести переговоры через порог. Сыщику пришлось нахально протиснуться в квартиру.

Евдокия, скрестив руки на груди, смотрела на Командира хмуро и выжидательно. Переобуть ботинки не предлагала, в комнату не позвала и чаю не налила.

– Ну? – грозно сказал Олег. И картинно распахнул дубленку на пылающем жаром теле.

В короткое начальственное «ну» Паршин вложил максимально много смысла. В «ну» прозвучали: толика угрозы, внушительная порция ожидания развернутого ответа, обещание обязательной выволочки за самодеятельность, отеческое беспокойство и намек на возможное сотрудничество. Сегодня вообще был день всеобщей недосказанности и многозначительности.

Евдокия призрела все в целом – и недосказанность, и многозначительность.

– Паршин, – сказала, глядя на дверной косяк. – Не путайся под ногами. Дай дело сделать без твоих советов.

Смелое заявление лишило Командира речи. Сыщик так задрал вверх брови, что те почти ушли к кромке роста волос.

– Так, значит, дело обстоит? – не отступая от выбранной намекательной манеры, высказался Командир.

– Значит, так, – подтвердила Евдокия.

– Не хочешь, значит?

– Не хочу.

– И почему?

Поднятое к уху плечико Евдокии намекнуло на нежелание вербального контакта.

– Не заиграешься?

– Попробую не заиграться.

– А может быть, хотя бы намекнешь, что собираешься делать?

Дуся перестала терзать взглядом дверной косяк, прицелилась в паршинскую переносицу и сказала сдвинутым командирским бровям:

– Олег, ты обладаешь теми же исходными данными, что обладала и я. Все ключевые слова сказаны. Картина прорисована. Включи голову и поработай сам.

Дуся говорила непривычно заносчиво и резко, но в голосе все же проскальзывал не скрывшийся от Олега страх. Расте-

рянность и напряжение. Евдокия напоминала человека, отважившегося назавтра сделать первый прыжок с парашютом.

– Уходи, Олег. – Евдокия никогда не думала, что может вот так запросто выпроваживать мужчину, в которого влюбилась, как в защитника. В глазах упряталась мольба: уходи, Олег, уходи, пожалуйста!..

В чем заключалась тайна просьбы, сыщик не разобрался даже на улице. Когда сидел за рулем стоящего на приколе «мерседеса» и незряче смотрел в ветровое стекло, на которое налипали крупные снежинки; снег валил со всех сторон, дворники тоскуют, проклиная зиму и готовятся ломать спины и лопаты...

«Надеюсь, она понимает, что делает», – подумал Паршин и завел двигатель.

Он уже достаточно узнал Дусю, чтобы предположить в каждом ее шаге хорошую продуманность. Как ни молода и порой наивна девчонка, голова у нее работает.

«Может быть, она не хочет, чтобы возможная неудача затронула меня... Может быть, боится вновь увязнуть в спорах и потерять решительность...»

Так и не остановившись на каком-то определении, Паршин поехал домой.

* * *

Опять суббота. Опять никто не возражал против работы в выходной. Этому очень поспособствовали не только широкие связи старшего Котова и легендарного адвоката Сер-

гея Яковлевича, но и категорическое заявление мадам За-
кревской – она может освободить только этот день. Следова-
тель Павлов понимал, что вместо реконструкции готовится
какой-то форменный бардак и даже каверза, но адвокат До-
нецкий, еще вчера катавший под языком горошину нитро-
глицерина, сегодня выглядел вполне-вполне. И Павлов по-
дозревал в том руку Евдокии.

Неизвестно, чем так обаяла девчонка монстра от адвока-
туры, Диме удалось подслушать только тихие увещевания
Землероевой: «А я вас уверяю, Сергей Яковлевич, у нас все
получится, не может не получиться, другого выхода нет». За
полчаса до реконструкции Дуся пыталась передать эту уве-
ренность и самому Павлову. Выловила следователя на по-
жарной лестнице в момент перекура – все ждали запаздыва-
ющую Жанну Генриховну, – и долго, вцепившись в пугови-
цу пиджака, умоляла «не вмешиваться, даже если что-то не
понравится, иначе все пойдет насмарку...».

Чего там насмарку и что может не понравиться – не объ-
яснила. С содроганием души Павлов ожидал бардака и по-
стоянного вмешательства в ход процесса.

Бесчувственное тело Юли изображал манекен в футбол-
ке и джинсах. Всех прочих Дуся попросила через следова-
теля одеться в точности как было в четверг. На Ядвиге бы-
ли обтягивающие слаксы и водолазка с бусами до пупа. Ро-
щин выглядел похоже, но без бус: тесноватые джинсы и ла-

зоровый обтягивающий джемпер. Татьяна в миленьком домашнем костюмчике – туника, майка, брючки. Леонидов в хороших брюках и пышном вязаном джемпере с напуском. Валик в беспечных джинсах, зияющих прорехами. Особенно занимательно эти прорехи смотрелись на фоне приличного домашнего костюма дедушки: английский стиль, мягкий фланелевый пиджак с атласными лацканами. Ольга Марковна поддерживала стиль мужа хорошим домашним платьем с кружевом у ворота.

Хоть и не молодая, но дивно холеная (читай: прооперированная) платиновая блондинка Закревская приехала в строгой брючной паре почти похоронных расцветок – черничный, с бежевыми кантами по швам. За ходом реконструкции (чаще через шелку двери, но не подглядывая, а как бы лишь слегка присутствуя) Жанна наблюдала с лицом непроницаемым и ждущим. Уговорить ее приехать на эксперимент, где ей не отведено никакой роли, удалось только благодаря переговорам усердного адвоката Донецкого. Тот вроде бы ей что-то пообещал. Какую-то защитно-юридическую наживку кинул.

На этот раз реконструкция событий не заняла отчаянно много времени. Сам временной отрезок был довольно мал – как установил эксперимент, после появления Роциных и Ольги Марковны в квартире до приезда милиции прошло пятьдесят шесть минут, – да и Дуся никуда не вмешивалась.

С невозмутимым лицом позволяла фигурантам свободно передвигаться, отталкиваясь от собственной памяти, не вносила комментариев, под руку не лезла. Стояла тихонько и наблюдала, как прочие воспроизводят свои действия.

Леонидов перетаскивал манекен из кухни-столовой в гостиную, Ольга Марковна становилась перед куклой на колени, пульс нащупывала, валик под шею бережно укладывала...

Из коридора перестали доноситься тихие слова Ядвиги Рощиной, закончившей переговоры с диспетчером скорой помощи...

Дуся промчалась до ванной комнаты Юлии, потом, в точности как в четверг, не решилась смачивать водой полотенца, висящие там. Пробежалась до бельевого шкафа в хозяйской спальне, разыскала на полках свежее полотенце. (Дуся на бегодня туда-сюда заняла полторы минуты по хронометражу.) Вышла из гостиной и отправилась страдать душой у дверного косяка на кухне...

Павлов незаметно скрестил пальцы – авось и дальше все пройдет по накатанной, без эксцессов. Дусенька – пай-девочка.

Девочка-ромашка проявила себя, как только следствие обратилось к участникам реконструкции с вопросом о замечаниях. Дуся храбро вышла в центр зала, прокашлялась.

– У меня есть замечания. – Голос девчонки заметно виб-

рировал, Павлову показалось, Евдокия превратилась в струну, обтянутую живой плотью – еще немного натяжения, и струна порвется. Но Дуся справилась с нервными вибрациями, продолжила: – Вчера я разговаривала с Татьяной Котовой и узнала, что в квартире двумя этажами ниже тоже готовили коктейль с грейпфрутовым соком. Татьяна, ты это подтверждаешь?

– Да, – после короткой заминки, кивнула первая жена Николая Котова. На Дусю Тата смотрела прищурившись, помнила, как на прошлом эксперименте девчонка жестами фокусника доставала грязное белье на обозрение.

– Ты тоже выжимала грейпфруты, корки выбрасывала в помойное ведро?

– Да, да, – нетерпеливо подтверждала Котова. – В чем дело, я не понимаю...

– А тебя никто и не просит понимать.

Резкий голос полковника прозвучал как хлопок бича. Все посмотрели на Егора Валерьевича...

И стало ясно, кто в этой комнате был главным. Не следователь прокуратуры Дима Павлов, не задумчивый Ханькин, не понятые и даже не славный адвокат Донецкий – номером один был строгий отставной полковник Генштаба в мягком фланелевом костюме. Крупная круглая голова с широкими залысинами, казалось, еще несла отметины начальственной фуражки или папахи. Егор Валерьевич, не мигая, смотрел на Дусю. Та поблагодарила военного штабиста едва заметным

движением век, продолжила.

– Людмила, – повернулась к домработнице старших Котовых, – вы выполнили мою просьбу?

– Да. – Люся несмело выдвинулась вперед из дверного проема, нашарила в кармане фартука пакет с двумя грейпфрутовыми шкурками и протянула их Землероевой. – Как вы и просили... У Таты выжала...

– Спасибо. – Дуся приняла пакетик и выложила на низкий журнальный столик две фруктовые шкурки.

Похожие на плоски, выскобленные соковыжималкой, половинки кожуры грейпфрута приковали взгляды. Все ждали продолжения «фруктовой истории», но Дуся обратилась к Закревской:

– Жанна Генриховна, позвольте задать вам вопрос.

Отлакированная хорошим стилистом платиновая голова склонилась в царственном соизволении.

– Жанна Генриховна, у вас с Николаем Валерьевичем был разговор о том, что одна из ваших аудиторских фирм произведет проверку финансово-хозяйственной деятельности компаний Котовых и Роциных?

Жанна Генриховна снова пообщалась согласным наклоном головы, но Дусе было и этого достаточно.

– А кто раньше производил аудит фирмы Котовых?

Закревская поглядела на «какого-то директора», Леонидов произнес название фирмы аудиторских конкурентов Жанны.

– Станислав Натанович, – повернулась к нему Дуся, – вы работали с проверяющими лицами? Я звонила одной своей знакомой из вашей компании, – Дуся действительно вчера созванивалась с Настей Лыжиной и попросила все разнюхать, – она сказала, что именно вы собирали документы для финансового отчета.

– Да, – не стал увиливать Стас. – Это никакая не тайна, а моя прямая обязанность.

Дуся посмотрела на него немного дольше, чем того требовали обстоятельства, и отвернулась:

– Вернемся к коже. К сожалению, ввиду отсутствия Юлии мы не смогли реконструировать с максимальной точностью наши разговоры и действия, предшествующие ее падению со стула. Но попрошу со всей серьезностью отнестись к моим словам: Юля не могла добавить чего-либо в сок, коктейли и тем более в шампанское. Я все время находилась на кухне. Наблюдала за каждым ее жестом. Она не могла добавить яд. Категорически – не могла.

После недавнего словесного хлопка бича от сурового полковника народ не выражал протестов. Все сосредоточили взгляды на Дусе, у Евдокии появилось ощущение – каждый мысленно произносит фразу: «Чур не меня, чур не меня, спаси и сохрани!». Никто не подбадривал соседа взором, все вообще старались не встречаться взглядами. Ядвига так стиснула пальцы, что костяшки не только побелели, но и позеленели. В небольшой фиолетовый отлив пошли.

На мужа Рощина старалась не смотреть. Борис, показательно расслабленно, сидел в кресле прямо напротив Евдокии. Татьяна походила на замершую под метлою мышь.

– И в связи с этим мы возвращаемся к фруктовой кожуре. – Евдокия наклонила голову, постояла, как будто раздумывая... – Если яд не могла добавить Юлия, а кроме грейпфрута и винограда на кухне ничего не появлялось в течение двух дней... То можно сделать вывод. – Дуся высоко вздернула голову, заострившийся подбородок упрямо выставился вперед: – Один-единственный вывод – ядом начинили грейпфруты. Только так он мог приникнуть в этот дом.

Сразу несколько голосов насмешливо фыркнули, язвительно хмыкнули, Ханькин разочарованно и громко втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– А шприц в кармане Юли? – громко и нервно напомнил Эдуард.

– К нему мы вернемся чуть позже, – пообещала Землерова и уперла взгляд в задумчивого следователя.

– Шагаешь от противного? – медленно проговорил тот, не слишком реагируя на восклицание Эдика, не поддаваясь общему недоверчиво-язвительному настроению.

– От очевидного. – Дусин подбородок стал напоминать копые, нацелился в грудь сомневающегося следака. – Если яд есть, а Юля, я уверяю, его не добавляла, он мог быть единственно и только в грейпфрутах. И пронести сюда шкурки из квартиры Тани мог лишь один человек.

Выброшенный вперед палец Евдокии указал на Леонидова.

– Только на Станиславе одежда, под которой можно что-то спрятать. Только он, как вы все видели, исчез из поля зрения всех присутствовавших на эксперименте на несколько минут. Только он имел возможность зайти на кухню, взять из помойного ведра проколотые иглой шкурки с остатками ядовитой мякоти и заменить их на те, что вынес из квартиры Татьяны. Потом добавить яд в бокал с шампанским. Позже, как я думаю, Стас проколотые шкурки выбросил, шприц подложил в карман джинсов Юлии. Возможность, как было сейчас доказано, у него имелась. Станислав оставался с Юлией наедине примерно с полминуты.

Довольно долго в комнате стояла тишина.

– Какая чепуха... – раздался вздох «какого-то директора». – Принес, поменял, подложил... – Стас резко встал, снял с себя пышный вязаный джемпер и бросил его под ноги Дуси: – Вот, проверяйте. Футболка, которая была на мне в четверг и надета сейчас, была в стирке, признаюсь. Джемпер я не стирал. Если я пронес чертовы шкурки под одеждой, то... проверяйте. С изнанки должны остаться следы грейпфрута. Так?

***

Никогда не загоняйте зверя в угол. Зверь в безвыходном положении – смертельно опасен. Если не чувствуешь в себе силы, как он, сражаться до конца, не трогай смерть, не дергай

за усы. Тем более если загнан в угол не просто хищник – человек.

Первые годы работы на Котовых Стас вел себя почти примерно. Осторожно подворовывал по малости то тут, то там, крошки собирал, кусочки откусывал. Но – не наглел. Не лез наружу, не воевал за место на припеке. Николай доверял ему практически абсолютно, Юля строго не вникала в финансовые документы – подмахивала, мельком глянув. Одобряла закупки и прочие действия старинного приятеля мужа.

Так продолжалось до той поры, пока года три назад не встретился Станиславу на презентации один шустрый молодой человек из хитрого коммерческого банка. Подвыпив виски, поболтав на перекурах, мужчины – как те рыбаки – увидели друг друга. Марк предложил Леонидову «вложиться в тему». Не сразу, конечно, не на пьяной приятельской волне, Марк намекнул, что есть возможность «выкачивать бабло из воздуха». От Леонидова только требовались на прокрутку немаленькие суммы.

Стас повелся и рискнул. Но на первый раз вложился скромно.

Прокатило.

Второй раз он увел из фирмы Котовых кусок побольше на подольше...

А дальше – затянуло. Деньги, сваливающиеся действительно из воздуха, развращают. Как и безнаказанность. Как и долгая, шельмовская удача. Стас вообще – из породы иг-

роков. Любил азарт, драйв, комбинации...

Потому, кстати, и прогорел в конце девяностых во времена дефолта. Решил, что самый умный, рискнул, когда советовали «отлежаться», и, разумеется, попал. В кабинет наемного работника господ Котовых.

Но суть не в прошлом, хотя немного уклониться все же стоило.

Последние два года его старинные приятели-бизнесмены Коля и Боря постоянно вели разговоры об объединении бизнеса. Вначале эти разговоры были большей частью шутливыми. Стас, слушая их, не напрягался. Потом из разряда подколок на тему «у кого хвост круче загнут» перешли в область почти серьезных переговоров.

Леонидов решил, что мало держать руку на пульсе событий. Приятели вполне могли договориться за его спиной, и реорганизация производства, смена директорских постов могла обернуться для Леонидова неслабым наказанием за шалости с чужими бабками. Юлия Котова деликатно обращалась с лучшим другом мужа, на такт Ядвиги Рощиной – знающей Стаса как облупленного – рассчитывать глупо. У Яди к бизнесу подход конкретный: табачок и деньги врозь. Ядька баба ядовитая, расчетливая, бизнес и приятельство не путает.

А потерять кормушку не хотелось. Да и Ядька как-то случайно застучала Стаса в ресторане с мужиком, проводившим последний аудит компании Котовых...

Пришлось оправдываться. «Проговориться»:

– Слушай, подруга, у Коли дела не ах. Все видимость. Смотри – я с аудитором мосты налаживаю по его просьбе, так что сама понимаешь – не попадитесь с Борькой под раздачу... – Ядвига все приняла за чистую монету. Насторожилась. – И прошу, дорогая, я тебе ничего не говорил. Сама понимаешь, за малую денежку на друга вкальваю, неудобно.

Как и ожидалось, прожженная Ядвига насторожилась молча. Не в ее обычаях сдавать добровольных доносчиков, наушник может пригодиться вдругорядь. Она попросила Стаса держать ее в курсе событий, и как только...

Под этим «как только» пряталось достаточно: компания Котовых могла подешеветь, могла, наоборот, пошлепать в гору.

Стас старательно держал подругу якобы в курсе финансового положения работодателей. Ядвига «вредничала» и не позволяла мужу соглашаться на объединение, ждала сигнала Леонидова: вперед, ребята, я всегда в вас верил! Благодаря мне никто вас не облапошит, все будет в лучшем виде – баш на баш. (Не забудьте при случае помянуть добрым, щедрым словом.)

...В середине ноября Марк предложил вложиться круче некуда. Леонидов просчитал все риски и понял, что такого предложения может больше не случиться. А при удачном завершении засияет и небо в алмазах, и спокойная жизнь в любой точке мира... Или, при желании, можно постепенно

выкупить долю Юли в бизнесе... Юлька уже начала охладевать к делам, о детях стала задумываться, Котова склонять не только к объединению с Роциными, но и в принципе: «Мы достаточно заработали, Коленька, не пора ли на покой уйти...».

Коленька ж тем временем ходил задумчивый. Мечтательный.

Эх, Закревскую Стас не вычислил, не сумел учуять! Решил, Юлька мужа уговорила на детей и тихий отдых! Именно потому он решительно вложил в последнюю схему не только деньги компании, но и практически все свои средства.

Уход Николая к Закревской прозвучал как гром небесный. Николай вызвал приятеля к себе, долго мялся, прежде чем признаться, что уходит от жены к Жанне Генриховне...

(Черт! Бабе сорок лет с таким прицепом, что любой хвост отвалится, а она еще мужиков от молодых жен уводит! Кто б мог подумать?!)

И кроме прочего, сказал:

– Пожалуй, надо соглашаться на объединение с Борисом. Жанна тоже считает, что более крупная структура вдвое конкурентоспособна. Она согласна нас поддержать, только вначале аудит проведет...

Николай еще что-то говорил, чувствуя себя неловко за адюльтер, прятался за словами о бизнесе...

Станиславу показалось, будто пол разверзся, а Коля пла-

вает где-то далеко-далеко в глухом тумане. Слова почти не различались, но их было сказано уже достаточно. Долгие годы аудитор Котовых ел с руки Стаса Леонидова не только в ресторанах. Теперь, если Закревская натравит на компанию своих ребят...

Из Стаса выбьют все, что он стащил прежде. Все, что рассчитывал получить с последней схемы.

И выставят вон с волчьим билетом. Жанна Закревская – тетка с зубами волкодава и жалостью проголодавшейся акулы. От нее иные мужики реально стонут, воют, плачут. Умна, зараза, нереально!

И если Жанну не убрать и не столкнуть, придется заходить с другого края – со стороны давнего друга Николая Котова.

Если кто-то скажет: «Своя рубаха ближе к телу, в момент жесточайшей необходимости решиться на убийство друга – просто», пускай подавится словами.

Процесс и факт убийства друга Леонидов мог рассматривать только отстраненно, как умозрительную комбинацию, сюжет игры, кинофильма, задачу на логику и выдумку. Лицо Николая постоянно втыкалось в отвлеченные схемы и сбивало с детальной разработки предстоящего. Станислав уже решил – убьет, нет иного выхода, обстоятельства диктуют. («Прости, Коля, ничего личного, только бизнес».) Но опасался, что в решающий момент рука обвиснет.

«Коля, Колька, зачем все так? Ну почему ты выбрал имен-

но этот момент для развода и проверки? Что тебе стоило подождать два месяца, пока деньги не прокрутятся и не вернутся на мои счета?! Жил бы потом со своей новой Жанной и в ус не дул!»

Леонидов валил все на влюбившегося в «старуху» друга, вел с ним долгие, умозрительные диалоги по ночам, оправдывался. Даже плакал один раз.

Но помогало плохо. И не вдруг. Стас понимал, что схема, в которую на этот раз предложил вложиться Марк, криминальная насквозь. До самого доньшка. До петли в тюремной камере. Такая маржа, что через пару месяцев пообещал партнер, выплывает только из самой грязной грязи. Из самого отъявленного замеса на наркоте, оружии и прочем дорогостоящем дерьме.

А в подобных комбинациях любую протечку устраняют жестко. Как только компаньоны Марка узнают, что благодаря действиям Леонидова они попадают под свет и возможен скандал... Кончик длинного хвоста в лице Станислава Натановича безжалостно обрубят.

У Леонидова на минуточку даже появилось паническое желание пожаловаться Марку на Колю. Наврать, что Котов тот еще тип. Горазд потребовать долю, если придется перед ним оправдываться и объяснять, куда финансы уплывают.

Но струсил. Ума хватило догадаться, что при таком раскладе легче грохнуть много знающего Стасика Леонидова, чем пребывающего (пока) в полнейшем неведении Николая

Котова.

Хорошо, что Колька, сообщив об уходе Юле, дал той время пообвыкнуться и на неделю укатил с Закревской на солнечные берега. Сам того не зная, Николай дал время не только Юле пообвыкнуться, он еще позволил и Леонидову стерпеться с мыслью об убийстве друга.

Поплакав и попив денек вина, Стас принялся за дело. «Своя рубаха ближе к телу» – тут поговорка права.

О том, чтобы обратиться к профессионалу, Леонидов даже не задумывался. Искать его по объявлениям в газете и Интернете – глупо, можно на мента нарваться. Просить об услуге Марка?.. Не приведи господь! Как только Марк учует неполадки, можно смело топать в похоронное бюро и договариваться о похоронах тихих, но достойных.

Наиболее простым, выполнимым и совершенно не кровавым Леонидову показался вариант с отравлением «собственными руками». И желательно так, чтобы не любоваться корчами друга, а успеть до корчей смыться.

Стас на вечер завис в Инете. Выловил там некоего умника, предлагающего «разобраться с крысами в вашем доме», и назначил ему встречу в третьеразрядном кабаке.

Сам пришел заранее и на всякий пожарный, точнее милицейский случай подготовил легенду о суициде. Мол, запутался я, парни, с долгами, решил свести... самоубиться... Дайте яду.

Умником оказался subtilный запуганный парнишка с

сальными волосами и бледными дрожащими пальцами. Обдавая Леонидова запахом плохих зубов, парнишка туманно, но многозначительно плел о своих заслугах в «борьбе с вредителями» и предлагал широчайший выбор «пестицидов» различного спектра действия.

Постоянно оглядывался через плечо. На подставную милицейскую ищейку походил так слабо, что Леонидов начал разговаривать предметно.

– Мне нужен яд не мгновенного, а отложенного действия, – сказал, пристально разглядывая парня в камуфляжной куртке.

– Не вопрос, – сглотнув так, что кадык выпрыгнул из ворота, кивнул алхимик. – Любой каприз за ваши деньги. На какой срок должно быть пролонгировано действие?

– Есть варианты? – Станислав налег грудью на стол, прикрытый заляпанной синтетической скатеркой в тюремную клеточку.

– Два часа. Неделя. Месяц. Результат гарантирован в любом случае.

– Мгм. Дай-ка подумать...

О том, как, где и когда представится момент, Леонидов еще не думал. Что толку голову ломать, если не отслежен рынок предложений? Навоображать можно всего, был бы продукт в наличии.

– Могу дать совет, дядя, – ослабилсЯ невымытый умник. – Есть средство, действие которого зависит только от дозиров-

ки и способа введения. – Парнишка поковырлялся в рюкзачке, болтавшемся на спинке стула, и извлек оттуда шприц с запаянной иглой: – Вот смотри. Представим, что здесь не физраствор, а кое-что другое, представим также очень крупную крысу... Если ввести препарат внутримышечно, крыса сдохнет через пять секунд и успеет повизжать. Внутривенно – смерть мгновенная. Орально... Тут зависит от способа приема, от наполнения желудка... Но результат все равно последует. Час, два, максимум три, и крыса на Небесах, кушает сыр и балуется с гуриями-крысками. Понял, дедок? Проник?

На мгновение лощеному ловеласу Леонидову (ныне прикинутому под выпивающего работягу) захотелось врезать по ухмыляющейся лисьей мордочке химического паршивца. «Нашел – дедка! Малолетка замызганная. Руки и голову сначала мыть научись, ногти подстриги! А потом уже с советами лезь».

Хотя... Куда же без его советов? Леонидов стер с лица выплеснувшуюся брезгливость и задал важный вопрос:

– Этот, мгм, препарат... возможно обнаружить при вскрытии?

В глазах паршивца промелькнула досада и желание соврать. Но серьезные дела с уловками не совместимы. Клиента надо упредить.

– Если трупорез попадетсся въедливый – найдет. – Алхимик тоже понимал: не упредишь клиента – сгоришь вместе с ним. Тот вряд ли будет дурочку изображать у прокурора,

сдаст продавца вполне невинно и не перекрестится. – Есть другой препарат, он более привередлив в использовании... – Алхимик с физией лисы снова обратился к помощи рюкзака, но Леонидов его старания прервал:

– Подожди, дай покумекать. – Подумал совсем немного и поинтересовался: – А что б ты сам использовал?

Парнишка хмыкнул:

– А это, дядя, смотря, что в первую очередь тебе требуется? Тебе важна простота использования, результат и отсроченное действие? Так?

– Ну.

– Тогда смотри, – умник низко наклонился над столом. – Могу предложить мгновенное действие. Орально или внутренне, без разницы. Могу дать лекарство вообще от всех болезней, все крысы заползут в нору и там издохнут... Могу весь дом вместе с тараканами угробить, никто даже аспирин не успеет выпить...

Леонидову показалось, что приблизившееся лицо «партнера» еще больше и мгновенно покрылось салом, он постоянно облизывал – раздвоенным, что ли?! – языком потрескавшиеся губы, разговор становился омерзительным до тошноты... От умельца пахло потом и гнилыми зубами.

– Все! Хватит. Я беру. Рассказывай.

Яд действительно был прост в использовании, все зависело от способа приема и концентрации.

Но Стас продолжал сомневаться в его действенности –

деньги могут быть уплачены за шприц с обычным средством от поноса.

Разглядывая Леонидова как артефакт в Музее истории человечества, гаденыш хмыкнул:

– Дядя, я же не вчера родился. Если ты берешь два шприца, третий идет бонусом – можешь его попробовать на собаке. У тебя есть надоедливые соседские псины? Или шавки вокруг бачков тусуются? Проверь. Будешь благодарен.

Удивительное дело, но предложение УБИТЬ СОБАКУ вызвало у Стаса такой взрыв внутреннего негодования, что тот чуть не воскликнул:

– Ты чё, тварь, предлагаешь?! СОБАК травить?!

Словно это не он пришел покупать яд для лучшего друга. Словно это не он только что привередливо выспрашивал, «какое действие имеет препарат – нервно-паралитическое, сердечное или...», совершенно спокойно обсуждал возможные неприятности, возникшие после приема препарата, хотел предусмотреть любую мелочь, срыв.

Пожалуй, из двух мерзавцев алхимик был наиболее честен в своем падении. Леонидов продолжал цепляться за мораль: собака же ни чем не виновата?!

Она не влюблялась в старуху. Не крада мясo со стола Леонидова. Не грозила уничтожить морально и физически...

После обмена папиросной коробочки с тремя шприцами на толстую пачку тысячных купюр Стас долго мыл руки в уборной ресторана. Ощущение гадливости, флюиды, испус-

каемые коробкой, преследовали долго. Леонидову казалось, что от пачки воняет немывтыми подмышками и пастью с гнилыми зубами.

Той ночью, долго лежа без сна, Стас старался стереть омерзительные воспоминания, не сосредотачиваться на въевшейся в ноздри вони. Отвлекаясь, он размышлял о том, что могло бы заменить орудие убийства? Какие еще способы тут применимы?

Нож? Пистолет? Автомобильный наезд на пешехода Котова?

Последнее почти неисполнимо – Коля редко ходит по ровным пустынным дорогам, где можно разогнаться по прямой. Практически всегда его сопровождает шофер-охранник.

А жаль. Этой весной Леонидов познакомился в баре со смешливой девицей без претензий. Лихо закрутил двухнедельный роман без последствий. Как-то, лежа в постели, Катя развлекла любовника историей о странноватом соседе по дому тетушки. Дядя Петя как будто продолжает жить во времена Советского Союза, когда угоны автомобилей являлись редкостью, а соседи храбро шугали подростков от знакомых машин. Пьющий индивид беспечно оставляет под окном замызганную «копейку». На случай постоянной потери ключей в бардаке квартиры запасной комплект держит в дупле липы.

Пока ему везет. Машину, по словам девчонки, «цвета панталон с начесом моей бабушки» если и угоняют, то на время. Попользуются и вернут. Дядя Петя в прошлом автослесарь,

в минуты трезвости любит поковыряться в двигатели и содержит «жигули» в порядке. Как выпьет, предлагает соседу – владельцу БМВ сразиться с ним на трассе.

Леонидов как-то подвозил девчонку до дома тети и видел во дворе реликт цвета нижнего белья Катинной бабушки – нежно-зеленый, вполне «постельный». Нынче, представив, как из-под кузова побитого реликта несерьезного цвета торчат начищенные ботинки месье Котова, Стас даже усмехнулся – не по чину. По статусу и кошельку Николаше больше подойдет для ДТП машина представительского класса или «боинг», случайно шлепнувшийся с небес.

Стас оставил размышления о подстроеном наезде и принялся детально представлять отравительские комбинации.

Тут важно – не попасться. И варианты Стас и Коля перекусили-поболтали тет-а-тет тут не годятся. Необходимо подловить момент, когда вокруг Николая будет максимально много иных подозреваемых... а лучше даже одна Юля. Если в отравлении заподозрят брошенную женщину, других версий и рассматривать не будут. Нужно подгадать момент, когда супруги встретятся для разговора наедине... просчитать дозировку, чтобы отравляющее вещество начало действовать в момент абсолютного уединения, вариант «убийство и самоубийство» наиболее предпочтителен... Так вообще все концы в воду: за закрытой дверью только трупы...

Но как это сделать?

Несколько дней до возвращения друга из «предсвадебно-

го» вояжа Стас посвятил планированию преступления. Крутил и так и эдак. Проектировал и намечал.

Постепенно так привык к мысли о смерти Котова, что уже начал делить его наследство.

Татьяна. Если Юльку обвинят в убийстве, Тата получит – все, все, все. Еще в студенческие годы Стас сох по Тане, это каждый знает: Татьяна, выбирая между воздыхателем Леонидовым и ухажером Котовым, выбрала последнего. Прошедшим летом между приехавшим на дачу старших Котовых Стасом и Татьяной случился неожиданный утешительный секс. Татьяна многовато запивала шашлык сухим вином. Когда полковник с отоларингологом улеглись спать, приложилась щекой к мужскому дружескому плечу, начала жаловаться на одиночество, Стас – пожалел.

Наутро чуть умом не тронулся – чего мне не хватало, зачем повелся на жену босса?! (Пусть бывшую, но мать детей!) С Татьяной легким флиртом не обойдешься, ей замуж хочется...

С перепугу очень ловко отбрехался. Обошлось еще одним, уже рассудочным разом в городе. Леонидов – убей сейчас, не вспомнит! – наплел чего-то о каких-то обязательствах, о старой дружбе, о том, что уже не молод, но всегда любил Тату. Прошлую обиду, кстати, не забыл туда же приплести...

Короче – пронесло. Танька осталась без претензий, даже следить за собой начала, как будто очнувшись от долгой бес-

сексуальной летаргии; стала приглашать в гости и вроде бы как – ждать.

Леонидов женщину не огорчал. В гости ходил. Цветы дарил. Когда задумал грохнуть ее бывшего мужа, очень этому благоразумию обрадовался.

А почему б и нет? Пора, пора... Голова лысеет, потенция не вечна, дети у Татьяны – взрослые, денег, его трудами, будет навалом...

Эдик, правда, пасынок потенциальный, дерьмецо приличное. Но меркантильное. Договориться можно.

Валентин зато идеальный сын для любого папы. Студент, всеобщий баловень, нарасхват идет. С таким пасынком не только кашу сварить, но и с аппетитом скушаешь.

К приезду Коли с островов Леонидов считал себя уже почти женатым на одной из его вдов.

Некоторая проблема, правда, оставалась в том, чтобы убедить себя, будто полноватая тетка сорока трех лет, мать двоих детей и немножко клуша – предел фантазий и мечта поэта...

Может быть, попробовать в постели представлять на месте Таты Эмму? Та хоть и расчетливая корыстная стервова, но в сексе чистый Иван Петрович Кулибин – гений-самоучка. Такие кульбиты изобретает, такие кренделя печет, как вспомнишь – зубы сводит!

Дороговато, правда, обходится... Но денег – стоит. Сидит на пульсе компании, подглядывает и доносит в лучшем виде.

Без ее напряженного пригляда за работодателями, давно б попался. Столько раз вовремя «атас» кидала, Леонидов документы подчищал.

Жаль, жаль, что Таня Котова не Эмма, даже в прошлом.

Милая Таточка в ситцевом платице или спортивном костюме с растянутыми коленями – на щеке полоска сажи от костра, большая ложка ловко перемешивает в казане над угольями пшенную кашу с тушенкой... Запа-а-ах!!... Голова кружилась.

Звенят комары, Боря гитару настраивает... Байдарки вытянуты на берег, Коля рубит еловые лапы для подстилки. Ядвига весело гремит железными плошками-чашками, вытаскивает из рюкзаков консервы «Килька в томате». Многозначительно достает фляжку с медицинским спиртом: «Почуть-чуть, ребята, завтра на весла. Не утопите нас, паршивцы! Вчера рюкзак уплыл!»

Ах, как было весело...

Куда все делось?

Не только деньги, но и воспоминания помогают делать немолодых женщин красавицами... Стас Леонидов никогда не страдал отсутствием воображения и плохой памятью. Да и повезло – удочка была закинута еще прошлым летом, и подзрений его «вспыхнувшая» страсть не вызовет.

Надо только до приезда Коли как следует в этом плане расстараться. Пройтись по эрогенным точкам памяти.

Котов приехал с островов смущенно-влюбленный, совсем не загорелый, зато с заметными кругами вокруг глаз. Позволил приятелю по внутреннему телефону, пригласил к себе в кабинет.

Леонидов загадал: если удастся заглянуть в ежедневник Эммы и увидеть в ее расписании сегодняшний вечер занятым – Коля умрет сегодня. Если нет, то стоит затянуть. Документацию для аудита Стас «позабыл» подготовить, типа закурился: шеф в отъезде, дел невпроворот.

Несколько дней ничего существенно не изменят.

Леонидов прошел до начальственного предбанника и сразу же увидел лежащий раскрытым на секретарском столе ежедневник Эммы. Секретарша раскладывала по папкам бумаги, стояла у канцелярского шкафа спиной к вошедшему. Стас глянул на страницы: на вечер Канипалова назначила поход в парикмахерский салон, и в этом Станислав увидел ЗНАК.

Подмигнув любовнице, вошел к приятелю в кабинет и после дежурных слов об отдыхе и обстановке в компании спросил:

– Когда ты собираешься поговорить с Юлией? Она, прости, Коля, совсем извелась. Поставил женщину перед фактом, уехал на пляже валяться... Это не слишком правильно, ты не находишь?

Смущенно-влюбленный Котов потер пятерней скулу, с неловкостью, исподлобья взглянул на друга.

– Да я как бы и сам собирался... Надо заехать, вещи кое-какие взять...

– Вещи взять! – возмущенно фыркнул Леонидов. – А поговорить? Я думаю, так даже извиниться.

– Да извинялся я уже, Стасик!

– А ты еще раз попроси прощения, язык не сотрется! – в лучших традициях обеспокоенного друга, напутствовал Леонидов. – Позвони сейчас, скажи, что вы должны поговорить... Я, кстати, советую тебе купить хорошего вина, цветов, проститься по-человечески. Давай звони! Сколько можно трусить, избегать друг друга?

Николай взял со стола сотовый телефон, некоторое время мял его в ладони и, решившись, позвонил жене. Сказал, что следует поговорить, он приедет домой к семи.

– Вина купи, цветов, – подсказывал дружище Леонидов.

Котов помолчал немного и покачал головой.

– Нет. Сегодня Юля вряд ли будет настроена на романтическое прощание. Не то расположение, я чувствую. Да ты и сам знаешь, Юлька из тех, что хлеб с врагом не переломят...

– Какие вы враги?! Не говори ерунды.

– Нет, нет. Никаких прощаний под звон бокалов не будет. Я Юлю знаю. Приду соберу вещи – делать это в ее отсутствие как-то пошло, трусливо... Мы поговорим.

«Может быть, добавить яд в графин с водой? – суматошно размышлял Леонидов. – Горло промывать они же будут! Разговор предстоит не простой, язык к глотке присохнет...»

А если они откроют бутылки с минеральной водой из холодильника?..

Может быть, обмазать ядом ободки стаканов?

Но как понять, какой посудой будут пользоваться?!

В какой-то момент Леонидов испугался, что его размышления, досада на то, что план уходит из-под контроля, отразится на лице, ненавистью дополнится...

Но Николай отвлекся на рутинные дела, опустив голову к столу, зашелестел бумагами, вопросы начал задавать...

Отвечая практически на автомате, Стас думал: «Придется задействовать план номер два. Не хочется, но, видимо, придется». Пока патрон валялся с любовницей на гостиничной постели, время изобрести вариант для подстраховки было. Не сказать, чтобы этот прожект ему сильно подходил, Стас вообще хотел обойтись без кровавых эксцессов, без грязи, но выбора ему не оставляли, поскольку Юлия и Коля категорически не хотели уходить в мир иной, прилично пригубив отравленного вина.

Когда с делами было закончено, Леонидов, изобразив смущение, задержался у стола работодателя.

– Хочу дать тебе совет, Николаша. – Котов внимательно поглядел на доброго друга. – Не устраивай перед Юлией спектакль со сбором на вынос чемоданов. Пожалей ее. Приедь пораньше, собери вещи... Поговорить можно и не бегая между шкафами.

– Ты думаешь? – нахмурился патрон. – Приехать порань-

ше?

– Да. Мне бы, например, не понравилось наблюдать, как любимая женщина запихивает в сумку зубную щетку, забирает с тумбочки фоторамки... Пожалей жену, Котов.

Николай задумчиво кивнул.

Леонидов вышел из кабинета, задержался у стола Эммы и, тихонько проведя пальцем за ушком женщины, шепнул:

– Соскучился. Ты сегодня вечером дома?

– Не сразу, у меня дела, – почти не разжимая губ, ответила любовница.

– Я приеду? – в той же чревовещательной манере поинтересовался Стас. Канипалова нерешительно повела плечом, и Леонидов на мгновение испугался, что у нее решительно другие планы. Но Эмма успокоила его быстрым шепотом:

– Я буду дома только после восьми.

– Хорошо. Я приеду пораньше, подготовлюсь...

Свою связь директор и секретарша шефа тщательно скрывали. Стас никогда не водил женщин к себе домой, предпочитая встречаться на их территории или где-то еще. Изредка приезжая к Канипаловой, Леонидов не пользовался лифтом «цитадели», а поднимался до двадцать девятого этажа и пешком по пожарной лестнице шел до квартиры, от которой какое-то время назад Эмма дала ему ключи.

В том, что Юлия не приедет домой раньше половины седьмого, Леонидов был уверен. Котова еще вчера попросила

его поприсутствовать на встрече с одним из особенно беспокойных инвесторов, участвовавших в строительстве торгового комплекса. Леонидов от присутствия отвертелся, сославшись на стойкую неприязнь к заносчивому господину: «Тебе, Юленька, как женщине будет легче его умазывать наедине». Встреча была назначена на пять часов вечера, отделаться от беспокойного господина за полчаса у Юлии получится навряд ли. Так что, с учетом докучливости инвестора, транспортных пробок и прочих неудобств, домой жена потенциального покойника прибудет не раньше, чем тот соберет чемоданы.

Двадцать минут седьмого Леонидов пронаблюдал приезд машины патрона к дому. На общем лифте поднялся до двадцать девятого этажа. Камеры наблюдения на площадке были установлены так, что увидеть, куда конкретно прошел мужчина в широкополой шляпе, – невозможно. Двери нескольких квартир располагались близко к выходу на пожарную лестницу и разобрать, какая из них пропустила человека, довольно сложно – двери вровень, по одной стене, нырнул в проем, и нет тебя на экране.

Заняв пост на наблюдательной позиции, на верхней площадке пожарной лестницы, Леонидов стал ждать появления на подъездной дорожке дома заметной красной машины Юлии.

За огромным окном метель плела вензеля по карнизам. Невдалеке пованивала окурками большая офисная тум-

ба-пепельница. Далеко внизу, так, что при взгляде голова кружилась, ползли гуськом едва различимые дорогие автомобили жильцов высотки.

Стас нервно потирал руки, щурил глаза. Погодные условия он как-то не вставил в уравнение убийства. Если бы у Юльки была машина среднеарифметического цвета, он бы пропустил ее обязательно.

А начинать следовало с момента появления автомобиля на прямой дороге к дому. По подсчетам Леонидова, на то, чтобы проехать на подземную стоянку, выйти из машины, пройти по холлу и подняться на последний этаж, Юлии потребуется чуть менее пятнадцати минут.

Этого времени вполне хватало для убийства Николая. Еще в офисе, выгадав момент, когда патрон уйдет из кабинета, Стас прошел к нему – Эмма, разумеется, препятствовать не стала, – и снял с брелка шефа магнитный ключ от двери на пожарную лестницу. При помощи этого ключа, зажатого в чистый носовой платок, пять минут восьмого Леонидов и проник на территорию «верхушки».

Николай почти не удивился, когда открыв дверь квартиры, увидел на пороге старого друга.

– Я к Татьяне приехал, – для пущей убедительности соврал тот и прошел в прихожую. – Вспомнил, что ты тут вещи собираешь, решил подняться. Напомнить – помнишь, ты у меня Оксфорд-Дуден одалживал? Картинный словарь, черный такой, издание восемьдесят седьмого года... у тебя в ка-

бинете вроде бы лежит.

– Ах да, что-то припоминаю, – нахмурился Николай. – Пойдем, сам найдешь.

Словарь современного английского языка давно лежал у Леонидова дома. Но отдавала его Юлия, и Котов наверняка об этом не знал, так что...

Мужчины прошли в кабинет. В голове Леонидова отстукивал секунды метроном. Шагая за приятелем, Стас незаметно надевал на правую руку перчатку – на столе, под пачкой бумаг, лежала какая-то черная книга. Со словами «может быть, это он» Николай приблизился к столу, склонил голову...

Леонидов осторожно вытянул из каминной подставки коцергу...

Удивительно, но рука не обвисла. А хрустко разломила череп друга железякой.

Николай рухнул у стола как подкошенный.

Примерно с минуты, забыв о метрономе, Стас смотрел, как, пульсируя, выливается кровь. Как дергаются в последних конвульсиях ноги в мягких домашних туфлях...

Пора!

Леонидов пробежался по квартире, вернул на место магнитный ключ, нашел все телефонные трубки – ту, что из спальни завалил подушками (кровать Юлия не убирала, а домработница уволена), ту, что из кухни закрыл в кабинете.

Установить на дверную ручку кабинета упор из прозрач-

ной синей вазы с длинным горлышком удалось не сразу. Руки в автомобильных перчатках изводили дрожью, пару раз ваза соскальзывала, и Леонидов подхватывал ее почти у пола...

С четвертой, а может быть, с седьмой попытки «этажерка» из немного наклоненной угловой подставки и нескольких «громких» предметов интерьера была сооружена. Малейшее движение, легчайший толчок ее разрушат: гром на последнем этаже возвестит старших Котовых о разыгравшейся трагедии – сын приехал разобраться с невесткой, та погорячилась, наколотила посуды, неверного мужа кочергой огрела...

Все. Можно выходить.

Леонидов вышел через балконную дверь в гостиную, аккуратно расправил шторы...

Черт! Возня с посудой заняла слишком много времени! Из прихожей доносились голоса.

Голоса? Юлия приехала не одна?!

То, что не получилось уйти до прихода Котовой, Стаса почти не волновало. Юлия вряд ли сразу же пойдет в кабинет, даже увидев в прихожей ботинки и пальто мужа. Она решит, тот где-то в квартире собирает вещи или к родителям спустился. Прощмыгнуть мимо ничего не подозревающей женщины до входной двери – задача не особенно сложная: в огромной, окольцованной балконом квартире достаточно укромных уголков.

Но вот в то, что Юлия на разборки с мужем приедет НЕ

ОДНА, Леонидов поверил не сразу.

Она что – с ума сошла?! Явилась на решающую встречу с мужем, приведя в дом мужика?!

Господи! Неужели все пропало?!!

Леонидов заметался по углам гостиной. Как крыса, почуявшая фокстерьера, скакал за спинками диванов, прятался за мебелью...

Топить ее, топить наверняка, стучали по макушке молоточки. Подстроить надо так, чтобы и присутствие свидетеля ничего не изменило!

Страх выдавил Стаса в прихожую... На вешалке поверх шубки висел любимый изумрудный платок Юлии...

Решение пришло мгновенно. Неожиданно беспечный голос Юли доносился из кухни, Стас схватил платок и, ужиком промелькнув по коридору, вернулся в кабинет.

Подсунул под тело Николая заметный, единственный в своем роде платок и тем же путем выбрался из квартиры на лестничную площадку.

Прислонился спиной к прохладной стенке. В ушах гремел гул кровотока, тугий комок пульсировал на месте кадыка. По вискам стекали капли пота.

Пускай теперь покрутятся! Пусть объяснят, как платок, в котором Юлька только что приехала, оказался в луже крови под трупом мужа!

Теперь ее не спасут никакие свидетельства любовника. У следствия просто не будет иной версии, кроме: жена и ее лю-

бовник убили мужа!

Леонидов вынул из кармана пальто недавно купленный у метро сотовый телефон с чужой сим-картой и набрал номер дома Котовых.

И кто же знал, что этот практически наверняка любовник окажется ментом? Пусть даже бывшим, но в авторитете у своих?

Хорошо, хоть присутствие в «цитадели» Стаса никто не заподозрил.

Эмму, конечно, провести не удалось. Как только та заявила из парикмахерской, Леонидов завалил ее в койку и не выпускал, не разрешал реагировать на звонки от входной двери. Но секретарше позвонила Ольга Марковна и потребовала пропустить к себе милиционера.

Леонидов, вибрируя каждым нервом, спрятался за дверью спальни. В том, что любовница его не выдаст, он был абсолютно уверен – у девушки рыльце не в пушку, а очень даже в соболиной шубке и в экономической диверсии. Сама замазана по самое небалуйся. Но все же, все же... Нервы, нервы.

Канипалова уверенно предъявила алиби, и ее оставили в покое.

Вернувшись в спальню, Эмма тягуче поглядела на любовника и усмехнулась так, что тот сразу же отмел увертки типа «что там случилось, детка, расскажи скорее, я не в курсе!».

Канипалова оперлась задом на длинную тумбу, нашарила

в кармане легкого халатика сигареты, медленно прикурила и, вместе со струйкой дыма, выпустила слова:

– Только не говори мне, что ты тут ни при чем. Договорились?

Леонидов подумал. Вольно разлегся на постели, взял с прикроватной тумбочки свои сигареты и тоже прикурил. Руки широко раскинул по спинке кровати, сигарету зажал в зубах, морщился от поднимающегося к глазам дыма и, ничего не говоря словами, глазами спрашивал: тебе есть дело до того, что произошло наверху? Ты хочешь мне что-то предьявить?

– Это не моя война, – безмятежно проговорила сообщница вора, а теперь и убийцы. – Но я хочу получить долю за подготовку плацдарма.

Спокойная жадность, мягко светившаяся в глазах Эммы, показала Леонидову, что мало секретутка не попросит.

– Я думаю, мне будет нужен толковый партнер...

– Я думаю, тебе давно нужна толковая жена.

Эмма попросила за плацдарм город на пожизненное разграбление.

Но стоит заметить, жадность – не лучший советник девушки на выданье. Есть опасность, что отвалят кусок, которым можно только подавиться.

Леонидов повел себя куда как мудро. Не стал кидаться в крайности, изображая радость от предложения руки и сердца секретарши, или, наоборот, упорствовать на твердости ре-

шения прожить остаток жизни в холостяках.

Наполнив голос грустью, он произнес:

– Мы перестанем прятаться. Разве этого недостаточно?

Канипалова тоже была девушкой не глупой. Она не стала нахально фыркать: «Ты что – смеешься, дорогой?», легла поперек кровати на живот, подняв вверх длинные стройные ноги, и пощекотала живот Леонидова маникюром.

– Котик, как я понимаю – мы попались?

Это объединяющее «мы» и обнадеживало, и пугало. Эмма ненавязчиво намекала, что давненько топает в связке и доказала свою надежность и также между делом показывала, что зацепилась – крепко.

С одной стороны, вроде бы не опускалась до приземленного уровня тривиально недалекой шантажистки. С другой, от полновесной пугающей жадности секретутки у Леонидова дух захватило!

На ВСЁ нацелилась, чума болотная. И умна чертовка, не дай бог заполучить ее врагом!

– Малышка, – проворковал Леонидов, – чтобы мы конкретно не попались, попрошу тебя назавтра после моего ухода как следует протереть всю мебель. Если вдруг начнут копать в нашу сторону, мне б не хотелось получить проблемы в виде отпечатков моих пальцев в твоей спальне или ванной. Меня же у тебя не было и быть не могло

– Разумно, – усмехнулась Эмма. – Я протру.

Такого секса, как в ту ночь, у Леонидова в жизни не случилось. Вероятно, этому способствовало обостренное нервическое восприятие убийцы – Стас чувствовал каждое прикосновение как щекотку электрическим проводом. Не исключено, что грезившая миллионами мадмуазель Канипалова пошла вразнос.

Как бы там ни получилось, эротические изыски Эмму не спасли.

А появление в квартире Таты на девятинах жизнь еще больше укоротило.

Первоначально Стас не намеревался сразу же убирать свидетельницу своих проказ. Эмма давала ему крышу, не собиралась выдавать. Немедленное устранение секретарши могло привлечь пристальное внимание, пустить следствие по следу. Пускай пока живет.

Через пару дней после убийства Котова Стас встретился с Марком и намекнул тому, что его стала слишком доставать любовница. Мол, не получается отделаться, девчонка собирается попортить ему кровь и репутацию... (Никакой связи между любовницей и денежными делами быть не могло!)

Марк намек понял правильно. Обволакивая речь иносказательным туманом, сказал, что знает специалистов по разводам: проблем не будет, когда понадобится мастер высокой квалификации, – дай знать.

Леонидов собрался подождать до суда над Юлией. Или, судя по всем событиям, не суда, а утихания страстей по Коле,

и дать сигнал.

С влюбленной совсем по-девичьи Татьяной он тоже договорился не форсировать события, пусть все немного успокоится, решится вопрос с наследством. Мальчишков надо подготовить, не стоит пороть любовную горячку.

Татьяна признала увещевания любовника справедливыми и осторожными – какая свадьба, если в семье траур? Первый раз Тата сбегала в ЗАГС в футболке и джинсах, свадьба была молодежной и непрезентабельной – студенческой. На этот раз мадам Котова-Леонидова собиралась шикавать: белый лимузин, венчальный звон, застолье на пароходе, кто-нибудь из звезд чего-нибудь споет...

Дальнеприцельная матримониальная задумка едва не сорвалась, когда разнюнившаяся Таня решила всплакнуть на плече секретного жениха.

Боря проникновенный тост о покойном сказал, и Таня – потекла. Стас ее нежно утешал, когда в гостиную зашла еще одна потенциальная невеста Канипалова. Увидела, как ее тайный суженый ласково поглаживает пухлую спину всхлипывающей тетеньки-наследницы, а голова тетеньки совсем по-хозяйски лежит на плече неверного поделника.

Леонидов тогда чуть не умер от инфаркта (или от инсульта, или от невозможности нормально вздохнуть) – Эмма убивала взглядом напрочь. Слава богу, не прямым. Зато предельно ясным.

Разворошив общество странной речью, секретарша на-

стойчиво пригласила Юлию к себе. Стас догадался моментально, что это знак ему. Умная, как сто чертей, секретарша стремительно просчитала расклад – возле «неразграбленного города» стоят редуты неприятеля: с обильными боеприпасами, щедрыми маркитанскими обозами и сытыми войсками.

На стороне секретарши – военная смекалка и осведомленность в секретных планах батальной компании.

За кем победа? За лопающейся от жира и денег вдовушкой, или молодая хищница верх возьмет?..

Эмма рисковать не будет.

При первой же возможности Стас стащил с тумбы трубку городского телефона, заперся в далекой хозяйской уборной Котовых и позвонил любовнице.

– Ты что – с ума сошла?! – просипел придушенно. – Куда ты...

– Стасик, – перебила Канипалова, – послушай меня, дружок. Я думала, мы играем честно. Но видимо – ошиблась.

– Эмма, я...

– Я, Стасик, не собираюсь ждать, пока меня облапошат. Я оставлю у нотариуса письмо с описанием наших приключений, и если ты задумаешь меня кинуть...

– Эмма, Эмма, не сходи с ума! Какое письмо, какой нотариус?! Мы с тобой повязаны до гробовой доски...

– Рада, что ты это понимаешь. И не вздумай мне морочить голову обещаниями, дорогой. Я не собираюсь ждать, пока ты

сбегаешь под венец с богатой вдовушкой и получишь весь кусок. Я девушка не жадная, но очень нетерпеливая. Мне нужен...

– Я знаю! Не надо на меня давить!

– А я и не собиралась, – усмехнулась Эмма.

– А что ты скажешь Юле?

– Не бери в голову, дружок. Две девочки найдут о чем поболтать.

Времени искать киллера через Марка у Леонидова не оставалось. Если звонить приятелю впопыхах, бормотать что-то нечленораздельное о форс-мажоре, тот может настрожиться.

Стас думал. Сегодня вечер субботы, вряд ли Эмма найдет нотариуса и в воскресенье...

Действовать придется немедленно. Сейчас, когда в «цитадели» полно народу. И самому.

Пристально приглядывая за Юлией, он дождался, пока вдова спустится на этаж ниже к секретарше...

Все поддались кофемании, Эдик сбежал к Юле за кофемашиной, ключи от квартиры на верхнем этаже беспечно бросил на тумбочку...

Пока народ увлеченно дегустировал и сравнивал напитки производства машины и девочки Землероевой, Станислав сгонял до Юлиной кухни и спер острейший нож, обернув его в небольшое кухонное полотенце. (Позже этот легкий кусочек ткани улетит по ветру с тридцать третьего этажа, дале-

ко-далеко и бесповоротно.) На это ушло полторы минуты.

Выбрав время, когда мужская смена у офисной пепельницы прошла разрозненно, Стас изобразил, что только собирается прикурить, задержался... Спустился к Эмме.

Канипалова почти не удивилась.

– Пришел проверить, успокоить или поцеловать? – усмехнулась девушка.

– Водички дай, – хрипло попросил Леонидов.

– Не жалко, – улыбнулась Эмма, пошла на кухню за стаканом и уже там невероятно удивилась, когда обернувшись к любовнику, напоролась на нож.

Наверное, у Эммы Канипаловой был пробел в образовании. Она не прочитала в детстве книжку Киплинга, где кто-то очень умный советовал волчонку Маугли не дергать тигра за усы.

На этот раз наблюдать за конвульсиями Станислав не стал. Эмма умерла мгновенно, убийца вышел и закрыл за собою дверь.

Все.

Его отсутствия никто не заметил. Мужчины, разглядывающие торчащие из-под плазменной панели ноги Эдика, решили, что Леонидов задержался, вдумчиво покурив на лестничной площадке. Тем более что Стас сразу же прошел на кухню к дамам и потребовал для себя порцию кофе ручной работы девочки-сыщицы...

На следственном эксперименте девочка-сыщица нахмурилась и потянула носом воздух.

– Не понимаю... – пробормотала, насупив брови и разглядывая поднимающуюся кофейную пену над туркой, – что-то не так... От вас, Станислав, пахнет по-другому? – Недоуменно и пристально поглядела на Леонидова.

У Стаса чуть не отвалилась челюсть и не подкосились помертвевшие ноги. По пяткам будто бы ударила скатившаяся к ним душа.

На этот раз он действительно пришел из курилки и принес на себе стойкий запах табачного дыма.

В прошлый раз на пожарную лестницу Стас только заглянул и сразу вслед за мужиками вышел. Проветрился слегка уже в квартире Эммы.

Не успел он тогда качественно дыма хватануть! Неужели девчонка заметила несоответствие запахов?

Леонидов что-то неловко пробормотал о другом одеколо-не, похвалил острый нюх девочки; пока хвалил, чуть не скончался: такой облом! На чем попался – на сигаретной вони!

Кто б мог подумать? Все так отлично начиналось. Судя по некоторым перешептываниям следователя и ментов, на реконструкции пытались вычислить, кто отсутствовал довольно продолжительное время, необходимое для пробежки за ножом Юлии, последующим визитом к Канипаловой и ее убийством. Стас на поминках мудро разделил визиты, а потому не очень-то переживал. Как оказалось, почти каж-

дый из присутствующих на девятинах имел возможность совершить убийство: все сновали туда-сюда, постоянно где-то ошивались, шептались за закрытыми дверями, детки пошло и деньги воровали...

Если бы не острый нюх сыщицы, Стас прошелся бы по эксперименту прогулочным шагом!

Не получилось прогуляться. В течение всего следственного эксперимента Леонидову казалось, будто девочка Дуся не спускает с него задумчивых глаз. Изучает, ждет всплеска интуиции и памяти.

По спине Стаса скатывались и сразу впитывались рубашкой крупные капли пота. Котовы и Роцины ходили по гостиной, подчиняясь любому приказанию малолетней сыщицы...

Убийца играл лицом и старался не выделяться из прочей разозленной девочкой компании.

Как же Стас ее возненавидел! Сыщица постоянно лезла с дополнениями, цеплялась за малейшее несоответствие, приказывала, управляла! Каждую минуту, каждую секунду Леонидов ждал, когда Евдокия упрется в него взглядом и кивнет: «Все, господа, приехали. Я поняла, что мне не нравилось на реконструкции, Стас Леонидов – не курил на лестнице».

Когда Евдокия попросила у следователя дать ей возможность внести дополнения позже – ей, видите ли, что-то не понравилось, что-то было тут не то! – Леонидов понял: не будет ему покоя, пока девочка жива.

Уж если подтирать следы, то НАСУХО.

На следующее утро, правда, страхи немного схлынули. Стас решил, что убирать девчонку сразу же после странностей на реконструкции – подозрительно. Зачем? Пока не припекло.

Но Дуся вновь напомнила о себе. В понедельник позвонила в офис и попросила Станислава Натановича позволить ей поговорить с сотрудниками и друзьями Эммы.

Натанович перепугался. Зачем?! Чего она копает там, где бульдозером менты прошлись?!

Неужели надеется разговорить какую-нибудь подружку Канипаловой, нащупать в хитроумных зарослях интриги уши Стаса?

Вполне возможно. С маленькими умненькими девочками болтают охотнее, чем с дяденьками из прокуратуры.

Переживания за целостность шкуры и ушей вернулись с новой силой, Леонидов даже вышел в холл офиса компании встретить докучливую Дусю.

И заодно поглядеть на каком автомобиле та раскатывает.

Поздней ночью этого же дня Леонидов проехал на такси до дома Катинной тети и как старому знакомому улыбнулся жигуленку цвета нижнего белья ее бабушки.

Юный отпрыск соседей по квартире Леонидова получил в подарок на восемнадцатилетие автомобильные права без

самого автомобиля.

Грустил.

И вечно отирался у машин соседей с глазами полными тоски.

Пару раз Станислав Натанович позволял Костику порулить на своем «мерине» вокруг квартала, сгонять на автомойку, шины подкачать. Костик на Станислава Натановича тихонько молился и щурил глазки, как на ясно солнышко. Надеялся на продолжение знакомства с «мерином» и совершенно не считал себя бесплатным мальчиком «чего изволите?».

Леонидов лукаво тешил самомнение парнишки, изображал из себя полнейшего автомобильного профана и позволял тому пространные глубокомысленные изречения о преимуществах механики и электронике в начинке «меринов» и жигулей.

Утром, как только часовые стрелки показали относительно приличное время для раннего звонка, Стас позвонил на мобильник Костика.

– Привет, сосед! – сказал жизнерадостным, бодрым голосом будильника-работяги. – Есть предложение прогулять универ. Ты как, согласен?

Студент, только что бурчавший сонно и нечленораздельно, оживился моментально:

– А чё? Задание есть, Станислав Натанович?

Леонидова и Костю связывали только автомобили. Точ-

нее даже сказать, один автомобиль, тот, что стоял на приколе возле их подъезда.

– Какой ты, однако, парень догадливый, – наигранно восхитился Натанович и рассказал изумительную историю о том, как в машине «что-то там поменяли... где-то возле стартера, и велели вроде как для пущей притирки погонять машину. А у меня, Костик, кровь из носу нет времени, а завтра надо большого чина из провинции по объектам возить – вдруг то, что не притерлось, поломается на обочине поселкового тракта? – выручи, дружище, погоняй «скакуна», я в долгу не останусь».

Сосед Костик поначалу решил, что не до конца проснулся, поскольку подобное счастье безлошадному студенту может только присниться. Ущипнул себя за щеку... потряс головой – не снится, дядя-сосед продолжает бухтеть в телефонной трубке.

Увещевая потрясенного прогульщика, Станислав Натанович поставил лишь одно условие: поближе к полудню крутиться неподалеку от Химок, мол, у него в том районе дела, может быть, Костик будет так любезен и подберет его на Ленинградке ближе к обеду...

Заканчивая разговор, Леонидов немножечко смутился:

– Боюсь только, Костик, как бы нам с тобой за прогул от папы не влетело, а?

Как и ожидалось, студент бросился умолять дяденьку ничего не говорить папаше. Мол, это их дела, зачем посвящать

кого-то со стороны, один день прогула ничего не испортит в зачетной книжке: «Станислав Натанович, давайте не будем ставить папу в известность! Я все успею, я все исполню, я ваш навеки...»

В районе Ленинградского шоссе, как хорошо знал Леонидов, шла реконструкция дороги. Там «мерседес» надолго застрянет в пробках и даст хозяину подтвержденное камерами ГИБДД алиби: поехал по делам, застрял, вместо того чтобы решать вопросы на объекте, стоял в заторе.

Обратного не доказать. Даже если Костик будет гонять «мерина» по объездным дорогам, пункт назначения Стас собирался высчитать так, чтобы студент обязательно засветился под камерами наблюдения. Сквозь слегка тонированные стекла водителя не различить. Машина в пробке была, а кто сидел за ее рулем... Попробуйте доказать противное, студент-прогульщик будет нем, как замороженная в лед плотва.

Рассказывая о неприятностях с парковкой, сыщица Дуся посвятила отдельное внимание пути от многоуровневой парковки до дома. Именно эта пустынная неприятная дорога и отвращала детку от ежевечерних прогулок: пятьсот метров не убранной от снега, плохо подготовленной для пешеходов дороги и заставляли ее «фольксваген» ночевать за оградой. Парковщики обещали весной дорожки привести в порядок, пока же... Пока Дуся предпочитала не месить ногами вязкий снег.

Жалуясь на парковочные неприятности, Евдокия рассказала (похвасталась), где живет, найти «фольксваген» с нужным номерным знаком Леонидову не составило труда.

Скрываемый ночной метелью, он подобрался к автомобилю и проколол два колеса.

Как и рассчитывал убийца, Дуся оказалась на крыльце приличной новостройки не самым ранним утром. Леонидов вечером звонил Юлии, справлялся о самочувствии, та ответила, что собирается проспать до полудня, потом к ней придет Евдокия.

Дико замерзший и слегка угоревший Станислав (печка реликта советского автопрома работала из рук вон плохо, не столько согревала, сколько воздух портила) пронаблюдал концерт по собственным заявкам: вначале сыщица немного поревела над колесами, потом поорала на охранников, потом...

Потом потопала к парковщикам в сопровождении домашнего охранника.

Подобного обхождения Стас никак не ожидал. По его прикидкам, девочка должна была прилично разозлить охрану дома и, оставляя доказательства в виде проколотых шин, в одиночестве ринуться к парковщикам. В расписанный сюжет, конечно, мог вмешаться участковый... Но его присутствие не сильно огорчало Стаса. Дождаться милиционера девочка будет возле «обиженной» машины, а «фольксваген»

стоит на обочине дороге, где тоже можно разогнаться. Сбивать девчонку насмерть Леонидов не предполагал, ему достаточно вывести ее ненадолго из строя. Уложить в больницу, отвлечь от расследования, пусть пару месяцев поваляется в гипсе, пока вложенные в схему деньги вернутся на счета.

А получилось, что момент для «тоже разогнаться» был упущен. Станислав не мог себе позволить торопиться и наехать на девочку, прежде чем та поскандалит и с охранниками, и с парковщиками, сотворив себе кучу врагов и потенциальных подозреваемых.

Дергая за проржавевшие рычаги жигуленка, Станислав тихонечко поехал за Дусей и охранником. За поворотом развернулся в обратную сторону, порывивая двигателем, стал ждать...

Девчонка, слава богу, вышла из будки охраны парковки одна.

Стас вывел жигули на прямую линию, набрал максимально возможную приличную скорость...

Наверное, у девочки проворный ангел-хранитель на Небесах проживает. Только высшее вмешательство в лице огромного охранника могло за долю секунды выдернуть ее из-под колес.

Леонидов придирчиво протер салон жигуленка от следов своего присутствия. (Одежду, в которой был за рулем реликта, он позже выбросил в мусорный контейнер, подальше от

своего дома.) И сразу позвонил студенту.

Тот, как и ожидалось, тихонько киснул в пробке.

Стас попросил Костика назвать улицу, на которой он прокисает, и велел студенту развернуться и забрать его неподалеку от метро «Войковская», куда сам подъехал на частном извозчике.

За обедом в приличном тихом ресторане Стас просчитал все риски и возможности – везучая девочка Дуся не оставила иного мнения, Леонидову пришлось признать: битву с молоденькой сыщицей он проиграл по всем позициям. Коробочка с ядовитыми шприцами подсказала выход: Евдокия должна умереть от рук «самоубийцы» Юли Котовой. Подобный изящный, выигрышный поворот сюжета привел Леонидова в прекрасное расположение духа – два комара одним ударом.

Каждый вечер Стас приезжал к Татьяне. Коробочка со шприцами бесполезно нагревалась в карманах: «наверху» не принимали.

Леонидов использовал все доводы и поводы, боясь показаться излишне, подозрительно настойчивым напрашивался в гости. Юлия, ссылаясь на домашний арест и строжайший приказ следователя, в приеме каждый раз отказывала.

Вечером в четверг к Татьяне зашла домработница старших Котовых:

– Таточка, тебе чего-нибудь в магазине надо?

Тут стоит остановиться и сказать, что Люся относилась к довольно распространенному женскому типу больших лю-

бительниц покупок «только за смертью посылать». Подобные ей женщины, отправляясь за пачкой соли, обязательно и планомерно обходят все полки, попутно покупают всякой дряни и с перегруженной тележкой, минут через сорок, подбегают к соли как к цели и к кассе как к итогу.

– Да вроде бы ничего, – задумчиво ответила Татьяна.

– Ну ладно, – слегка разочаровалась Люся. – А то тут меня Юля попросила до магазина сбегать... Парочку грейпфрутов прикупить.

– Грейпфрут? – понимающе переглянулись Стас и Тата. – Похоже, выравнивается наша Юля, – усмехнулась Котова, – «Соленые собаки» пошли...

– Не, – уже из прихожей донесся голос опытной домработницы. – Она попросила еще и винограду черного купить. Для этой, как ее там... «Леди».

Татьяна с улыбкой смотрела на Стаса. Оба слишком хорошо знали Юлю, чтобы понять – раз бедняжка вспомнила любимые коктейли, значит, действительно состояние выравнивается. Юленька в себя приходит.

Едва за Люсей захлопнулась входная дверь, Леонидов мягко притянул к себя Татьяну, уткнулся носом в шею, пощекотал:

– А может быть, и нам? Немного «просолиться»... Позво-ни Люсе, пусть и нам грейпфрутов купит...

– Отстань! – поеживаясь, рассмеялась Тата. – У меня есть грейпфруты, я на них худею.

Эта фраза решила все. Юлии Котовой и Дусе Землероевой предстоит сегодня умереть.

Продолжая удерживать Татьяну в объятиях, Стас сделал радостное лицо и предложил:

– Слушай-ка, а может, по такому радостному событию – Юлька очухалась! – и нам небольшой сабантуй сообразить? А, как думаешь?.. Налепим пельменей, «собачками» запьем...Посидим душевно...

Тата Котова поговорку «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» признавала непреложной истиной, с крошечной оговоркой – сей «путь» ведет к нормальному мужчине. Уговаривать ее приготовить для любимого пельмени дважды не пришлось.

Леонидов сходил к Эдику и на всякий случай удалил того из дома (чтоб под ногами не путался) при помощи пятитысячной купюры.

Лоботряс мгновенно испарился из квартиры, поскакал прогуливать подарок в баре.

Валентин отсутствовал дома совершенно бесплатно.

Стас взял трубку городского телефона и, сказав Татьяне: «Совсем забыл, обещал Борису позвонить», дозвонился до приятеля. На обязательный вопрос «как дела, чем занимаешься?» ответил:

– Сиж у Тани, жду пельмени.

Многие года дружбы позволили Станиславу прилично изучить вкусы и реакции Рощина. Едва разговор коснулся

обожаемых Борисом пельменей Татьянинного производства, он моментально оживился:

– А на нас с Ядей можно попросить? Я б тоже не отказался от десяточка пельмешек... Мы приедем?

Натанович изобразил смущение:

– Ну, как бы... я тут не хозяин. Таточка, – обратился к ловкой хозяйшке, – Боря с Ядей хотят приехать на пельмени. Можно?

Хлебосольная, слегка присыпанная мукой Танюша согласилась абсолютно предсказуемо:

– Конечно. Может быть, попозже и к Юлии зайдём, посмотрим, как она... Юлька, подвыпив, на болтовню потянется.

Исподволь направлять хорошо знакомых людей – легко. Стас прекрасно знал, что у Таты есть запас грейпфрутов, она пьёт на диете фреш из этих фруктов. Знал, что, если затеяться с пельменями, Рощиным стоит только намекнуть – приедут, где бы ни были! Борис с ума по Танькиным пельменям сходит, легкая приманка. А чем больше в доме будет подзреваемых, тем больше поводов для разборок следователю и обоснованного недоверия присяжных. (Опасность попасть в лапы закона нешуточно беспокоит любого преступника.)

Леонидов улучил минутку, достал из холодильника два грейпфрута и в туалете аккуратно начинил их ядом.

Обтер придиричиво, положил в пакет и спрятал в тумбочке у входа.

Теперь оставалось только придумать, как заманить к этой тумбочке домработницу с грейпфрутами для верхнего этажа. Как вынудить ее оставить фрукты без присмотра и чем отвлечь Татьяну.

Как многорукий бог Шива, Тата колдовала на кухне: раскатывала большой пласт теста, накрывала форму для пельменей, ловко заполняла выемки фаршем. Леонидов подошел сзади, обнял за место, называемое талией, шепнул в ушко:

– Я могу чем-нибудь помочь? Хочешь, воды налью в кастрюлю, поставлю на огонь?

– Поставь, налей, – не отвлекаясь от процесса, согласилась Тата.

Леонидов наполнил водой большую кастрюлю, раскрыл дверцу ящика с приправами и, незаметно спрятав под пышным джемпером пакетик с лавровыми листочками, ошарашенно повернулся к хозяйке:

– Таточка, у тебя нет лаврушки.

Хозяйка огорченно всплеснула руками:

– Не может быть! Недавно покупала!

– Посмотри. Может быть, я не увидел?

Через тридцать секунд, как и ожидалось, Леонидов по просьбе Таты звонил Люсе на мобильный телефон:

– Люсенька, у нас тут катастрофа. Нет лаврового листа. Если ты еще в магазине, купи, пожалуйста, лаврушки, Боря просто обожаетпельменный суп, а, как ты знаешь, без лаврушки – не тот цимус будет.

После слов «у нас тут катастрофа» какая женщина поскочит наверх отдавать какие-то грейпфруты на пропой, не заглянув предварительно к катастрофически расстроенным соседям?

Конечно никакая. Грейпфрутовое пойло может обождать.

Леонидов еще немножко покрутился на кухне. Вынул из шкафчика пищевую соду и спрятал ее под раковиной. Стас уже решил – дабы удалить двух женщин от магазинного пакета с грейпфрутами, рукой придется пожертвовать.

Как только Татьяна вышла из кухни на голос подошедшей Люси, Стас уронил в кипящую кастрюлю солонку и дико завопил.

Все последующие события просчитывались легче легкого. Обе женщины моментально прилетели оказывать помощь. Люся, не собиравшаяся проходить дальше прихожей, прибежала прямо в сапогах, оставив пакет с покупками на тумбе возле двери.

Леонидов тряс рукой и, непритворно морщась от дикой боли, скулил:

– А-а!! Тата, Люся, я уронил в кастрюлю солонку и машинально сунул руку в кипяток!!

«Какой кошмар, какая жуть, мужик на кухне как женщина на корабле – одна беда!» – в унисон причитали женщины и заполошенно собирались оказывать первую помощь.

– Тата, давай скорее соду! – командовал Леонидов. – Ожог надо присыпать содой, чтобы не было волдырей!

Тата металась между кухонных шкафов, разыскивая спря-
танную Стасом под мойкой коробочку.

– Люся! – прикрикнул Леонидов. – Беги к себе, принеси соду, она лучше всего помогает! Мигом! Одна нога здесь, другая там – у меня рука жутко болит!! – Пришпоренная до одури домработница забыла, разумеется, о покупках и умчалась к месту работы, в квартиру старших Котовых. – Тата! – приказывал Стас. – Посмотри в аптечке, есть ли у тебя стерильные бинты и что-нибудь против ожогов?!

Аптечку Татьяна держала в спальне, в шкафчике под ключом, поскольку иногда к ней заходили подруги с маленькими любознательными детками. Открыть шкафчик, найти бинты и какую-то мазь против ожогов – дело минуты на полторы.

Рука болела нестерпимо. Кисть походила на клешню вареного омара. Справиться с болью и действовать уверенно Стасу помогал только адреналин, выделявшийся при шоке и нервном перевозбуждении.

В мгновение ока Леонидов проскочил до прихожей, выдернул из сумки Люси пакет с двумя грейпфрутами и произвел подмену, благоразумно рассыпав фрукты внутри сумки. Забросил только что купленные домработницей фрукты в овощной ящик холодильника Татьяны и до возвращения хозяйки на кухню успел скукожиться на табурете:

– Ох, Тата, как болит! Как больно!!

Минут через пять больную руку, по совету отоларинго-
лога Марковны покрыли внушительным слоем пены «Пан-

тенол», попозже Стас попросил ее забинтовать – оставлять на выжатых грейпфрутовых шкурках след противоожогового средства ему никак не хотелось (хотя эти следы может оставить и Люся, поскольку будет доставать из сумки рассыпанные цитрусовые руками, участвовавшими в перевязке). Ольга Марковна обиженно поджимала губы и говорила, что лучше знает, как лечить, но Стас упрямылся.

К моменту приезда Рощиных Станислав уже сидел вполне довольный, со стаканом «Соленой собаки» в здоровой клешне. И вычислял приблизительное время смерти женщин на тридцать третьем этаже.

Грейпфруты наверх доставили только после того, как оторвали Люсю от участия в оказании первой помощи, практически перед самым приездом Рощиных.

По прикидкам Стаса, на то, чтобы выжать сок, приготовить коктейли, выпить и сдохнуть, Юлии и сыщице потребуется некоторое время – яд не подействует мгновенно, так обещал алхимик. Станислав уже готовил речь для обеспокоенных друзей перед запертой дверью Юлии: «Надо вскрыть замок, надо проверить, эта тишина мне не нравится...» Здесь главное – оказаться в квартире с покойницами раньше полицейских и изъять проколоты шприцем шкурки!

Внезапно Стас подумал: «А что будет, когда две жертвы почувствуют недомогание?»

Алхимик обещал, что прежде смерти наступает помутнение сознания. То есть жертва становится безвольной и бес-

помощной, про смерть не думает, а хочет лечь бай-бай...

А что, если подумает? Что если позовет на помощь, карету скорой догадается вызвонить?

И вот еще... На нижнем этаже под жертвами есть врач. Что если кто-то из женщин выпьет чуть меньше и догадается позвонить Ольге Марковне или покричать из камина?!»

Этого допустить нельзя. Ольга Марковна может не кинуть весть о несчастье на тридцать первый этаж. Поступит так по доброте душевной – зачем беспокоить тех, кто не в силах помочь? И если Марковна или врачи скорой помощи тут же вызовут милицию, а те найдут в помойном ведре проколотые цитрусовые шкурки...

Ух, что будет! Надо срочно что-то изобрести. Стас понимал: ему жизненно необходимо оказаться на тридцать втором этаже в момент, когда придет сигнал с просьбой о помощи! Если не заменить проколотые грейпфрутовые шкурки – все совершенно бесполезно!

Леонидов очень ловко повернул разговор на тему прошлых лет, припомнил, как, бывало, играли они со старшими Котовыми в лото...

Результатом, естественно, вышло предложение от Таты наведаться на тридцать второй этаж и предложить партейку Егору Валерьевичу и Ольге Марковне. «Не все ж им вдвоем-то сидеть, пойдемте, ребята, порадуем старших, развлечем...»

Пошли наверх. Сели за стол, но Ольга Марковна не смогла

разыскать свою коробку с игрой. Татьяна предложила принести свои бочонки и карточки.

Леонидов напряженно выставлял ухо в сторону камина и ждал каких-нибудь звуков из квартиры наверху. Под пышным навесом вязаного джемпера лежали аккуратно упакованные в пакет выжатые «безвинные» шкурки. Больная, бережно баюкаемая рука позволял удерживать пакет под мышкой и оправдывала скованность движений. За Леонидовым ухаживали, лелеяли, не позволяли ему лишних телодвижений.

...Как ни готовил себя Стас, вопль из камина буквально подбросил его в воздух. Врач-отоларинголог только, прислушиваясь, нахмуриться успела, а Стас уже летел на выход! Корил себя за торопливость и отменную реакцию, но ничего не мог поделать – нервическое ожидание подстегивало ноги.

И надо сказать, что только это жуткое сосредоточение психики не позволило ему от неожиданности потерять рассудок: совершенно живая-невредимая Землероева как ни в чем не бывало бегала по коридору!!

Далее Стас тоже чудом удержался в здравомыслии: в десяти шагах, на кухне, его ждал еще один сюрприз – на столе стоял совершенно не тронутый бокал с «Соленой собакой».

Боль в обожженной руке не отозвалась даже малейшим дискомфортом, когда Леонидов подхватил и понес бесчувственную Юлю. Шок обезболит все. Мысль – надо удалить народ из кухни – была первичной, она не оставляла места

для себялюбия и жалоб.

Стас перенес вдову в гостиную, Ольга Марковна начала разгонять народ приказами. Землероева отправилась за мокрым полотенцем, Ядвига и Боря вышли... Врач полностью отвлеклась на пациентку...

Леонидов быстро и тихо вернулся на кухню.

С ненавистью посмотрел на нетронутый тумблер с «собакой», примерился по местоположению стаканов, табуреток, столовых приборов...

Получается, что девочке налили шампанского.

Почему?

Нет времени подумать!

Леонидов стремительно подбежал к помойному ведру под мойкой, максимально осторожно, стараясь не оставить следов лечебной мази, поменял грейпфрутовые шкурки.

Прислушался.

Есть время! Землероева шумит водой, намачивая полотенце. Ядвига не вернулась в квартиру.

Стас ловко накапал из шприца ядовитой жидкости в бокал с шампанским, выбежал из кухни и только в гостиной, наблюдая за уверенными действиями Ольги Марковны, позволил себе вернуться к вопросу: почему? Как получилось, что мерзкая ищейка отказалась от коктейля и до сих пор жива и невредима?!

Ведь, следуя раскладу опытного человека, Стас уверенно предположил – русский человек не станет надираться в оди-

ночку! Изобразит коктейли, обязательно чокнется с приятелем и в две глотки за здоровье выпьет!

Леонидов совершенно зримо представлял череду этих типично российских событий.

Почему девчонка отказалась поддержать хозяйку? Что за выкрутасы?!

У нее аллергия на цитрусовые? Или тупо соль не переносят?!

Почему сорвался такой замечательный сценарий?! У британцев есть свое «Чисто английское убийство», в России тоже не лыком шиты, существуют определенные смертоубойные традиции: двое... вечер... водка... «Ты меня не уважаешь!»... труп. Пол значения не имеет – если две дамы собрались надраться до поросычьего визга, все идет вполне традиционно: налили, чокнулись, проглотили, повторили раз пятнадцать, чинно повизжали.

Они просто обязаны были надраться и сдохнуть!!

А впрочем... Какая разница, если в квартире за закрытой изнутри дверью были только две женщины? Яд обнаружат и в соке, и в шампанском... Может быть, еще повезет – Землероева сходит на кухню и полечит нервы выдохшимся шампанским?

Леонидов изловчился, подгадал момент, когда Ольга Марковна немного отвлечется, и, якобы сочувствуя, дотронулся до руки Юлии: на зажатом в носовой платок шприце остались ее отпечатки пальцев. Шприц Стас подложил в карман

ее домашних джинсов.

В принципе шприц с Юлиными отпечатками можно было бы засунуть куда-нибудь на кухне. Но больно уж момент удачным был – в гостиной, кроме озабоченной разглядыванием аптечки Марковны, никого. Сыщица у кухонного косяка рыдает. Пусть все-все-все сойдется на самоубившейся вдове. Вопросов меньше будет, головняка.

Ядовитые цитрусовые шкурки Стас разорвал на мелкие частицы и спустил в унитаз в квартире Таты. (Рвал через пакет, аккуратно, чтоб бинт не замарать.) Два шприца из трех незаметно затолкал в цветочный грунт фикуса, растущего в холле, когда ходил проведать поджидающего врачебную бригаду Борю. (Расположение охранных камер дома, построенного компанией Котовых, Стас знал отлично – никто его манипуляций у цветочного горшка не видел, не заснял.)

По всем позициям, даже если будет такая попытка, предъявить ему абсолютно НЕЧЕГО. Стас не оставил ни одного следа, успел убрать все доказательства вины.

Признаться, больше чем следствия он опасался вопросов от Марка, проведавшего о неприятностях в доме его работодателей.

Но следствию и ушедшей девочке-помощнице до Марка, слава богу, не добраться.

На новый следственный эксперимент Леонидов отправился если не без нервов, то уж точно можно сказать: шел без всякой паники. Никаких странных вопросов у следствия не

возникало, Станислава, в числе прочих, не пытали с иезуитской въедливостью и тщанием; у Котовых и Роциных сложилось необсуждаемое мнение: в несчастье виновата Юля.

В глазах друзей и родственников плавали невысказанные вопросы: почему, зачем Юля выпила отравленный коктейль?.. Она виновна в смерти мужа и секретарши? Извелась виной? Или просто разрубила, стянувшийся у шеи узел?

Пожалуй, только свекор Егор Валерьевич был уверен в невинности невестки. В некоторых вопросах отставной воюка не признавал полутонов. Именно ему, собирая информацию о ходе следствия, звонил Леонидов, свекор Юлии говорил охотно и, как мог, пытался обелить невестку, убедить в ее невинности друзей и родственников, разгадать загадку отравления.

...Леонидов практически развлекался, глядя на наморщенные лбы оперативников и следователя. Стас уничтожил малейшие следы преступления и был абсолютно уверен не только в безнаказанности, но и в том, что не навлек на себя даже крошечного подозрения.

Да даже если бы они возникли... следов-то нет, все чисто, отравленные шкурки уже плавают далеко-далеко в нечистотах подземной канализации.

Слова мерзкой ищейки прозвучали ударом электрического разряда. Леонидову показалось, что вздрогнув, он на секунду стал напоминать выгнувшего спину кота со вздыбленной шерстью. Указательный палец девчонки четко направил-

ся ему в грудь.

Убийца на мгновение опешил, растерялся. Оглядел присутствующих, наткнулся на задумчивый, изучающий взгляд полковника...

Не может быть. Попался?! Он, Стас Леонидов – проиграл девчонке?!

Станислав стремительно снял джемпер и гневно швырнул его под ноги ищейки – ищите! Ищите, что хотите! Обнюхивайте!

***

Евдокия невозмутимо перешагнула сброшенную одежду убийцы, сходила в прихожую за каким-то пакетом, но, ничего не доставая из него, обратилась к следователю:

– Дмитрий, я попросила вас принести сегодня дело с фотографиями места преступления. Вы выполнили мою просьбу? – Павлов сумрачно кивнул и достал из портфеля пухлый том. – Не могли бы вы сейчас показать нам всем снимки грейпфрутовых шкурок, извлеченных из мусорного ведра Юлии?

Павлов раскрыл дело на нужной странице, Евдокия положила распахнутый том рядом с кожурой, выжатых Люсей цитрусовых.

– Посмотрите, пожалуйста, сюда, – произнесла она тоном учительницы, обманом заманившей класс в картинную галерею. Глядела прежде всего на напряженно сощурившегося полковника. – Вы видите здесь различия?

Народ послушно столпился вокруг невысокого журнального столика, пока еще все не очень понимали, к чему клонит Дуся... Мадам Закревская тоже заинтересованно вытянула шею. Домработница Люся на цыпочки привстала.

– Кажется, – в итоге высказался полковник Котов, – кажется, они отличаются...

– Конечно! – обрадовалась Дуся так, словно троечник пятерку выстрадал. – Конечно, они отличаются! Смотрите сюда. – Девчонка полезла в непрозрачный пакет, что продолжала держать в руках, и достала из него два предмета для наглядной демонстрации – желто-розовые половинки кожуры грейпфрута. – Эти фрукты я сегодня, до начала эксперимента, выжала на ручной соковыжималке Юлии. На той, что она пользовалась при мне в четверг вечером. Видите разницу? Кожура на фотографиях и вот здесь, – Землероева указала на Люсины шкурки, – изнутри гладкая, выскобленная, остатки мякоти распределены равномерно, приглаженно... А здесь, – Дуся показала на свои половинки, – лохмотья. Неровные ошметки по краям. Видите, как сильно отличаются эти шкурки?

Такого поворота Леонидов не ожидал.

Только что толпившийся у стола народ начал медленно оглядываться, прищуриваться на Стаса с молчаливой подозрительностью...

Дуся же, напротив, совершенно не обращала внимания на

Натановича, продолжила вещать:

– Знаете, в чем ошибка убийцы? Убийца не мог знать, что Юля, не найдя электрическую соковыжималку, воспользуется ручной. Две отличающиеся кожуры и снимки с места преступления доказывают – шкурки подменили. И сделать это мог только один человек, – Евдокия развернулась к преступнику всем телом, твердо поглядела тому в глаза: – Это мог сделать только Станислав Леонидов.

Убийца отпрянул. Очумело помотал головой:

– Да вы что – с ума сошли?! Какие шкурки, какое сделать?!

– Станислав, – невозмутимо продолжила сыщица, – только что мы все убедились, что кожура грейпфрутов отличается. То есть была произведена подмена. Кто-то принес из квартиры Татьяны не проколотые ядовитым шприцем шкурки, и только на вас в тот день была одежда, позволяющая пронести их под собой. По-моему, два непреложных факта показательно доказаны – кожура заменена, пронести ее могли только вы.

– Вы в своем уме?!

Голос Леонидова сорвался на визг. Такого облома – какие-то фруктовые шкурки, побери их черт, запропавшая электрическая соковыжималка! – Стас никак не ожидал. Девчонка выстроила версию на мелочах и чепухе, реальных доказательств нет, сдаваться Леонидов не собирался.

Пусть попробуют хоть что-то доказать!!

– Станислав, мы все тут не маленькие дети, – поморщилась от крика Евдокия, – думаю, если взять у вас анализ ДНК, то экспертиза наверняка найдет потожировые выделения ваших рук на коже и подложенном Юле шприце.

«Обломаетесь!!» – чуть не выкрикнул Леонидов. Шприц он тщательно помыл хлорированным средством, сделав невозможной экспертизу по ДНК, потом дотрагивался до него только через платок. Половинки кожуры из мусорного ведра Татьяны брал при помощи вывернутого наизнанку пищевого пакета и позже тоже до них не дотрагивался: высыпал в Юлино ведро максимально аккуратно. Все произвел – не придерешься.

Вот только... ДНК Юлии на тех кожурках не обнаружат...

А ее следы там быть – должны. Она их – выжимала.

Станислав бросил короткий косой взгляд на Евдокию, увидел, что девчонка насмешливо улыбается...

Дьявол, неужели – попался?! На такой-то чепухе! На потерявшейся соковыжималке!

Не-е-ет, нас так просто не возьмешь. Попробуйте доказать, что кожуру принес именно я, а не Ядька, например, в трусы запрятала...

Девчонка тем временем продолжила бомбить:

– И кстати, господа, я хочу сделать еще одно заявление. – Поймала непритворно серьезный протокольный взгляд Павлова. – Господин следователь, помните, вы говорили на прошлом эксперименте, что я имею право позже сделать допол-

нения?

Дима Павлов глубокомысленно кивнул.

– Так вот. Я вспомнила, что меня насторожило в прошлую субботу. На реконструкции в тот день от подошедшего за порцией кофе Станислава Натановича Леонидова не пахло табаком. И теперь, со всей уверенностью, я заявляю: в означенное время Станислав Леонидов не курил на лестнице. В это время он был в квартире Эммы Канипаловой.

Станиславу показалось, что в гостиной разорвалась граната, потолок обрушился, его придавило стотонными презрительными взглядами.

– Сергей Яковлевич, – плаксиво поморщившись, Леонидов повернулся к адвокату, – здесь разыгрывается какой-то дикий спектакль. Я прошу вас выступить моим защитником, освободить меня от инсинуаций этой расфантазировавшейся девочки.

Донецкий сделался значительным и официально произнес:

– Станислав Натанович, вынужден вам отказать. У меня уже есть клиентка.

Взгляд адвоката – донельзя брезгливый, показал Стасу, что человека, убившего лучшего друга, он не станет защищать ни за что на свете.

Леонидов сел в кресло и, возмущенно покачивая головой, закрыл лицо руками. Думал: если экспертиза каким-то чудом все же обнаружит на коже и шприце следы его ДНК,

придется торговаться со следствием и обещать сдать банду финансовых воротил-мошенников.

Авось – прокатит. Приятелями Марка прокуратура может соблазниться.

Вот только бы их руки до камеры не протянулись...

А там – посмотрим. От строгой аудиторской проверки, похоже, уже не отвертеться – вон как Закревская лоб морщит, а остальное – попробуйте вменить. Обломитесь, товарищи.

В том же ресторанчике, тем же составом, за столом с практически теми же закусками, Евдокия и титаны сыска обсуждали последние события.

Проголодавшийся Ханькин быстро ел и пиво пил. Сыщик Паршин – подливал. Павлов снова строил глазки и размахивал вилкой с нацепленным кусочком огурца.

– Не, ну я, в натуре, офигел! – Положил огурец в рот и воодушевленно почавкал. – Этот урод, можно сказать, поскользнулся на коже! – Нахмурился немного: – Только вот надо было, Дуся, нам все заранее сказать. А то устроила, понимаешь ли, разборки в театральном стиле. Неужели мы не поверили бы, если б ты нам разные шкурки не показала, а? Доверять надо, Евдокия, старшим товарищам, доверять.

Все еще несколько обиженный (тем же недоверием) Олег медленно потягивал пиво.

– А Донецкий знал, кого ты подозреваешь? – спросил Паршин слегка зазнавшуюся подругу.

– Не-а, – беспечно бросила та. – Боялась, что Леонидов опасность почувствует. Хотела, чтобы все было натурально, он не насторожился и выдал себя реакцией.

– Но он не выдал, – усмехнулся сыщик. – Почему ты вообще его подозревать начала?

– А все на нем сходилось, – Евдокия отодвинула пустую тарелку, устало потянулась. – Про запах табака, точнее, его отсутствие, я, правда, позже поняла, так как шагала в обратном порядке от шкурок. – Сыщики смотрели заинтересованно, и Дуся развернула ответ в порядке размышлений: – Вот смотрите. В отличие от вас я была совершенно уверена, что Юля яд в сок не добавляла. Значит, яд там мог появиться только и исключительно с грейпфрутами вместе, а в шампанское его могли добавить позже. То есть надо искать следы других грейпфрутов, и я их легко нашла в квартире Татьяны. Но, – Дуся промочило горло крохотным глоточком пива, – пронести их мог только Стас под джемпером...

– Или кто-то из Котовых-Роциных к Татьяне быстренько сбежал и незаметно притащил, – вставил Олег.

– Вот, – поморщилась Евдокия. – Именно из-за этих твоих вечных «или» я и не стала ничего тебе говорить. Решила не заморачиваться на сомнениях, поговорила с Донецким и дожидалась реконструкции, чтоб убедиться – ни у кого другого времени на пробежку до тридцать первого этажа просто не было. Я и так была в этом уверена, так как уже вспомнила, что меня так зацепило на первой реконструк-

ции – отсутствие на Стасе запаха табачного дыма... В общем, оставалось только найти мотив – аудиторскую проверку. Но это уже частности, думаю, не стоит повторяться. Мотив, возможность – есть, орудие преступления – в кармане Юли, но она им не пользовалась. Азбука, все основополагающие принципы расследования в наличии, имеют быть.

Взгляд Паршина показал Евдокии, что она крайне умно сделала, когда не стала с ним делиться подозрениями. В глазах у Паршина стоял намек: везучая ты девочка, Дусенция.

А она считала себя умной.

И не стоит этого развенчивать.

Из динамиков ресторана проливалась негромкая музыка. Слегка хмельной, но полноценно холостой следователь пригласил Евдокию на медленный танец и, разрываясь между желанием прижать покрепче или блеснуть познаниями в целомудренном кружении вальса, выбрал нечто среднее – плавное вращение с элементами джиу-джитсу. Для зрителей с богатым воображением получилось почти танго.

Евдокии, правда, казалось, что она танцует с осьминогом. Руки Павлова повсеместно ощущались сразу на всем теле, в восьми местах. Но косые взгляды на Паршина показывали, что она терпит ошупывания совершенно зря. Два монстра сыска увлеченного обсуждали футбольный матч, между делом потягивали пиво, командир даже и не думал приревновать.

Нет, ну есть ли у мужиков хоть чуточка совести?!

Один – с руками вольно разошелся, второй – пивнице дует, вратарей поругивает...

Что-нибудь когда-нибудь для женской души обломится?!

Эпилог

На новогодние праздники Юлия выписалась, точнее сказать – вырвалась домой. Врачи, правда, пугали ее отказом почти всех внутренних органов, но свекор Егор Валерьевич, проконсультировавшись с военными медиками, сказал невестке – врут маленько. Тебе, дружок, будет полезен здоровый постельный режим и немного кроветворного красного вина не помешает.

На кроветворное винопитие в дом Юли приехали и Паршин с Землероевой. Дуся проворно накрыла стол в гостиной, бледная хозяйка слегка руководила, ела почти без аппетита, больше спрашивала.

Олег рассказывал о последних событиях:

– Дело Леонидова у Павлова забрали, – говорил сумрачно. – Стас что-то предложил его начальству, и Диму быстро убрали. Леонидова содержат под такой охраной, что не тюрьма – курорт. Одиночка с телевизором.

Юлия расстроено помотала головой:

– Неужели отвертится?

– Время покажет. Дима пытается получить хоть какую-то информацию, но его оттерли в сторону.

– В убийствах Стас признался?

– Павлову – нет. Сразу начал торговаться: «Оставьте меня

в покое, сдам таких людей...»

Друзья еще немного обсудили положение, посетовали на закрытость следствия. Юлия сказала, что будет объединяться с Рошиными, Ядвига нынче не просто согласна на кооперацию, но и педалирует переговоры... Закревская старается помочь. Третьего января они все вместе на кладбище поедут...

Дуся тихонечко собрала посуду и понесла ее на кухню. Загрузила в посудомоечную машину, вернулась в гостиную...

Руки Юлии и Паршина очень близко лежали на столе. Юлин пальчик подобрался к запястью Олега, осторожно провел по коже:

– Может быть, ты сегодня останешься?..

Котова сидела спиной к двери, сыщик полубоком, смотрел перед собой, замершую за порогом Евдокию тоже не видел.

Руку не убрал. Вопрос от женщины, которую муж, прежде чем погибнуть бросил, променял на другую, не показался ему диким.

– Не сейчас, – сказал тихонько.

Евдокия попятилась, до боли закусил губу – зеленоглазая убийца женских душ до удушения вцепилась в горло. Дуся пятилась почти до кухни.

Если бы на месте молоденькой сыщицы была более опытная ревнивица, то моментально почувствовала бы разницу в «сегодня» и «сейчас». «Сегодня» – это не удобно, не тот

момент, я не один пришел. «Не сейчас» – форма вежливо-го почти отказа. Продолженная форма, не определенная по времени, иногда практически – вечная.

Ошарашенная приступом ревности Дуся скрылась на кухне и не услышала продолжения разговора. А Паршин говорил немножечко о ней.

– Знаешь, Юля... – сказал сыщик с неловкой оттяжкой, – когда я попросил Евдокию здесь пожить, то велел ей прежде всего заняться разыскиванием по шкафам скелетов и белья. Скелеты есть у всех, хранятся даже в самых безупречных семьях... В твоём шкафу лежат крылья. Ты их сняла, когда вышла замуж за надежного мужика, не признающего в браке полуправды. Ты на него надеялась слишком сильно и потому упала – больно. Твой Котов действительно был хороший порядочный мужик, Юлька, но иногда женщине стоит немного... как бы это сказать... парить. Понимаешь? Не убирать крылья в шкаф вместе с постельным бельем на две персоны, а быть немного выше...

– Считаешь, в том, что Котов от меня ушел, я виновата сама? – грустно усмехнулась Юля. – Бескрылая стала, неинтересная?

– Не знаю, – честно признался Паршин. – Обычно виноваты оба. Но ты, Юлька, доставай-ка крылышки из шкафа... стряхни с них пыль, взлети до облаков... Как прежде. У тебя все получится.

Евдокия Землероева вынула из посудомоечной машины

совсем не крылья, а все тарелки и яростно их намывала.

Шестнадцатого января Стас Леонидов умер в одиночной камере от сердечного приступа.